

Проверено 1984 г.

-- МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

СПбГУ

СУДЕБНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

къ

«СУДЕБНОМУ ВѢСТНИКУ».

№ 10.

ОКТАБРЬ.

1869.

СОДЕРЖАНІЕ:

Дѣло Тельфера и Пика.

Залогъ и поручительство въ предварительномъ слѣдствіи К. Кесселя.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Н. Михайлова. (Литейная, д. № 42).

1869.

WESTERN JOURNAL

1881

1881

1881

1881

1881

CITIZEN

1881

1881

1881

ДѢЛО ТЕЛЬФЕРА И ПИКА.

ЗАСѢДАНІЕ СЕНСКАГО АССИЗНАГО СУДА.

28, 29, 30 и 31 июля.

Подсудимые обвиняются: первый въ похищеніи 1.488.284 фр. изъ суммъ страховаго общества «Union», въ поддѣлѣхъ подлинныхъ и составленіи фальшивыхъ коммерческихъ документовъ, второй же — въ соучастіи въ упомянутомъ похищеніи. Предсѣдательствовалъ *Бюренъ-Дерозье*, обвинялъ *Депеллетте*, защищали: перваго изъ подсудимыхъ — *Лашо*, втораго — *Николе*, Тельферъ, кассиръ общества «Union», Пикъ — издатель журнала «Etendard».

Не смотря на жару и предстоявшее утомленіе, стеченіе народа въ ассизномъ судѣ было весьма значительное. Въ виду предвидимой продолжительности преній избраны два дополнительныхъ комплета присяжныхъ засѣдателей.

На столѣ вещественныхъ доказательствъ находилось много ре-эстровъ, книгъ и счетовъ.

Засѣданіе открылось въ 10½ ч. утра. Первый обвиняемый — *Жакъ-Тельферъ*, родился въ Шатильонѣ на Сенѣ, 5-го октября 1803 г., издавна состоялъ кассиромъ въ обществѣ страхованія «Union», живетъ въ Парижѣ на Римской улицѣ № 56.

Второй обвиняемый: *Жанъ-Жюль-Фирменъ Пикъ*, родился въ Фуа 23 августа 1819 г., бывший издатель журнала «Etendard», живетъ въ Парижѣ на улицѣ Омаль, № 5.

Затѣмъ секретарь прочелъ обвинительный актъ, слѣдующаго содержанія:

Тельферъ съ 1832 г. состоитъ главнымъ кассиромъ общества

«Union», имѣющаго предметомъ страхованіе жизни, и имущество отъ огня. Жалованья получалъ 5.000 фр. въ годъ, и кромѣ того денежныя награды въ соотвѣтственномъ количествѣ. Онъ одинъ имѣлъ ключъ отъ кассы и кассовыя книги, ему былъ порученъ портфель счетовъ съ банкомъ и съ обществомъ поземельнаго кредита, расчетныя книжки которыхъ были въ его рукахъ. Касса повѣрялась всякую среду и всегда оказывалась сходной съ подаваемыми Тельферомъ срочными записками; въ каждый же годовой отчетъ онъ вносилъ сумму стоимостей ввѣреннаго ему портфеля. Тельферъ пользовался такимъ довѣріемъ, его трудолюбіе, скромная и аккуратная жизнь такъ много говорили въ его пользу, что никому не приходило въ голову сличать его записки съ общимъ счетомъ а тѣмъ болѣе производить повѣрку наличности показываемыхъ имъ по упомянутому портфелю стоимостей.

7-го апрѣля текущаго года гг. Вернь и Мюссаръ, избранные изъ числа управляющихъ дѣлами общества «Union» для провѣрки счетовъ къ предстоящему общему собранію акціонеровъ, потребовали у Тельфера расчетную книгу общества поземельнаго кредита.

При разсмотрѣніи этой книги, гг. Вернь и Мюссаръ замѣтили несходство двухъ итоговъ, которымъ слѣдовало быть одинаковыми и изъ коихъ одинъ выражалъ кредитъ общества «Union», другой—дебетъ общества поземельнаго кредита.

Первый итогъ, означающій долгъ, слѣдовавшій къ полученію съ упомянутаго общества, былъ 224.175 фр., въ чей же на послѣднее общество, подписанномъ директоромъ «Union» и выданномъ Тельферу для полученія, сумма этой принадлежности показана въ 204.175 фр. т. е. на 20.000 фр. менѣе противъ значащейся по кассовому счету Тельфера и расчетной книжкѣ. Тельферъ объяснял это различіе грубой ошибкой и утверждалъ, что общество поземельнаго кредита въ самомъ дѣлѣ должно было 224.175 фр. Въ дѣйствительности же Тельферъ похитилъ 20.000 фр. и, чтобы скрыть похищеніе, съ помощью подчистки прибавилъ 20 тысячъ фр. къ цифрѣ произведенныхъ за счетъ общества поземельнаго кредита выдачъ; но при этомъ онъ забылъ сдѣлать такое же измѣненіе въ дебетъ этого учрежденія, результатомъ чего явилось упомянутое несходство итоговъ, для поправленія котораго онъ прибѣгнулъ къ другому обману:

Выданный ему подлинный чекъ онъ скрылъ, замѣнивъ его

другимъ, подложнымъ, составленнымъ на имѣвшемся у него бланкѣ съ подписью г. Мюссаръ и заключавшимъ въ себѣ истинную цифру—204.175 фр.; потомъ онъ положилъ въ кассу 20 тысячъ, дополняя этимъ объявленную имъ сумму, по книгамъ же записаль на приходъ отъ общества поземельнаго кредита 224.175 фр.

Но подлогъ былъ замѣченъ—отъ Тельфера потребовали объясненій; онъ былъ вынужденъ сознаться въ учиненномъ имъ похищеніи и сдѣланныхъ для сокрытія его подлогахъ. При этомъ онъ утверждалъ, что другихъ похищеній не дѣлалъ и умолялъ не открывать его преступленія совѣту правленія; но умолчать объ этомъ было невозможно, и совѣтъ долженъ былъ быть увѣдомленъ.

Понявъ тогда, что будутъ повѣрять всё его счета, Тельферъ чувствовалъ себя погибшимъ, и 12 апрѣля, потребовавъ къ себѣ кассирскаго помощника Клерка, вручилъ ему ключъ отъ кассы и объявилъ, что онъ похитилъ у общества миліонъ; въ тоже время онъ увѣдомилъ предсѣдателя совѣта правленія о сложеніи съ себя должности кассира, объяснивъ въ упомянутомъ увѣдомленіи, что виновникомъ его нынѣшняго печальнаго положенія былъ г. Пикъ, нѣкогда банкиръ, нынѣ редакторъ—издатель журнала «Etandard». 15 апрѣля была принесена объ этомъ жалоба: Тельферъ былъ арестованъ; онъ повторилъ показанія, данныя при предварительномъ дознаніи, и оцѣнилъ сумму учиненныхъ имъ похищеній въ 1.300,000 руб. Но по произведенной затѣмъ повѣрѣ счетовъ, правильность которой была признана обвиняемымъ, цифра эта дошла до 1,488,284 франковъ. Первые похищенія были учинены болѣе чѣмъ за 20 лѣтъ до настоящаго времени, и къ 31 декабря 1848 года цифра ихъ простиралась болѣе чѣмъ до 30,000 франковъ. Ревизія счетовъ, произведенная экспертами, равно какъ показанія обвиняемаго выяснили сумму этихъ похищеній, способы, которыми они были дѣлаемы и скрываемы, а также употребленіе Тельферомъ столь огромныхъ, присвоенныхъ имъ себѣ суммъ. Именно, изъ суммы текущихъ счетовъ съ банкомъ имъ похищено 400 тысячъ франковъ, изъ стоимостей вексельнаго портфеля—1078284 франка. Производя систематически подлогъ за подлогомъ-то умыленно не записывая на приходъ дѣйствительно поступавшія суммы, то выписывая въ расходъ не существовавшіе платежи, то подчищая подлинныя цифры, заносимыя въ порученные ему счета, Тельферъ, злоупотребляя довѣ-

риемъ, которые къ нему имѣли и которое устраняло всякій контроль, имѣлъ возможность безпрепятственно брать денежные суммы изъ кассы и скрывать ихъ похищеніе. При этомъ онъ по необходимости долженъ былъ въ подаваемыхъ имъ срочныхъ запискахъ показывать ложныя цифры стоимостей; но какъ записки эти, имѣя только временное значеніе, не сохранялись-то такимъ образомъ оказалось не возможнымъ констатировать содержавшіяся въ нихъ ложныя показанія. Но не то было съ суммами банка и поземельнаго кредита. Мы видѣли, что фальшивая прибавка 20 т. къ итогу счета съ поземельнымъ кредитомъ послужила поводомъ къ обнаруженію злоупотребленій обвиняемаго. Эта фальшь была сдѣлана одновременно, даже предварительно и въ кассовой книгѣ, такъ также въ расчетной книгѣ поземельнаго кредита, въ которой, чтобъ согласить счетъ ея съ счетомъ кассы, онъ замѣтнымъ образомъ къ цифрѣ 33353 фр., значащейся къ 3 сентября 1868 г., прибавилъ 13553 фр. Такого же рода фальшь была сдѣлана имъ въ расчетныхъ книжкахъ французскаго банка (Banque de France); при каждомъ новомъ похищеніи изъ суммъ этого учрежденія Тельферъ возстановлялъ цифры, прежде имъ измѣненныя, при чемъ повидимому фальшь могла остаться незамѣченною; но слѣды ея остались въ кассовой книгѣ, куда онъ вносилъ послѣдовательно несуществовавшіе или преувеличенные поступления и платежи, и экспертъ упомянулъ о нихъ въ своемъ докладѣ, который Тельферъ призналъ совершенно вѣрнымъ. Слѣдствіе, независимо отъ показаній обвиняемаго, выяснило употребленіе, которое дѣлалъ Тельферъ изъ похищенныхъ имъ суммъ: именно, въ началѣ (съ 1850—1862 г.), что подтвердилъ самъ Тельферъ, онъ пособлялъ ими своему брату въ задуманномъ послѣднимъ устройствѣ механическихъ подметалокъ. Предпріятіе это въ 1862 г. окончилось несостоятельностью; Тельферомъ внесено въ него 229,565 фр. Послѣ кончины брата обвиняемый принялъ на себя упомянутое предпріятіе, и съ 1867—1869 г. внесъ туда 61,701 фр. Затѣмъ съ 1861—1867 г. онъ затратилъ на различныя промышленныя предпріятія 41,000 фр., и наконецъ съ 1860 по 1869 г. передалъ Пику: во время бытности послѣдняго банкиромъ 298,564 фр., ему же какъ издателю журнала «Etendard» 726,150 франк.—итого Пикю 1024714 франк. Всего истрачено имъ 1356980 франк. Между этой суммой и цифрой всего похищеннаго, (т. е. 1,488,284 франк.) есть разница въ 131,304 франк., растрату во-

торыхъ Тельферъ объясняетъ частью выдачами Пику, о чемъ впрочемъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, частью уплатой дивиденда по капиталамъ, похищеннымъ у Буржуа и переданнымъ послѣднимъ Пику, частью наконецъ, именно 25,000 франк., отдачей въ возмѣщеніе такой же суммы, похищенной изъ кассы общества однимъ изъ служащихъ, съ цѣлью замаскировать упомянутое похищеніе и тѣмъ предотвратить общую ревизію. Тельферъ утверждаетъ, что не сохранилъ для себя ни одного сантима изъ всѣхъ похищенныхъ суммъ.

Спрашивается: извѣстенъ-ли былъ Пику источникъ переданныхъ ему Тельферомъ суммъ? Признавая, что онъ эти суммы получилъ и ими пользовался, Пикъ утверждалъ, что не зналъ о происхожденіи ихъ изъ кассы общества «Union». Онъ считалъ Тельфера уполномоченнымъ капиталистомъ, помѣщавшимъ фонды послѣднихъ; энергическія объясненія Тельфера доказывали напротивъ, что Пикъ зналъ о происхожденіи передаваемыхъ ему денегъ; что Пикъ не могъ этого не знать—это подтверждается всѣми обстоятельствами слѣдствія; корреспонденція же Пика съ Тельферомъ, отобранная у послѣдняго, устраняетъ всякое объ этомъ сомнѣніе и явно, собственноручными подписями, доказываетъ соучастіе Пика.

Пикъ, сынъ извѣстнаго адвоката изъ Фуа, занимался банкирскими дѣлами въ Тулузѣ у г. Дарно, окончившаго свои промышленныя предпріятія на скамьѣ подсудимыхъ.

Въ декабрѣ 1857 г. въ Парижѣ онъ основалъ финансовое учрежденіе подъ названіемъ *промышленной кассы* (Caisse industrielle). Въ 1865 г. положеніе этого учрежденія было столь затруднительно, что къ нему назначена была администрація, которая, рассмотрѣвъ балансъ общества, открыла болѣе чѣмъ на одинъ миллионъ актива въ видѣ векселей Пика. Произведенная затѣмъ ликвидація и влекла за собою потерю всего общественнаго капитала, независимо отъ 706,000 франк. подлежащаго платежу долга. Для этого-то предпріятія Тельферъ передалъ Пику сумму въ 298564 франк., которая выше показана. Пикъ кромѣ того долженъ былъ кассѣ учрежденнаго имъ общества около 300,000 франк. за неуплаченные акціи и за сдѣланные имъ неправильные переборы; такимъ образомъ долгъ его доходилъ до 600,000 франк., когда онъ задумалъ основать политическій журналъ.

Онъ обратился къ гг. Монжаль и Магнїе, антрепренерамъ различныхъ общественныхъ работъ, кредиторамъ государства и го-

рода Парижа на значительную сумму, но цифра которой была оспариваема. Съ помощью ловких маневровъ и обманчивыхъ обѣщаній ему удалось получить отъ нихъ такъ называемый коммандитъ, т. е. въ распоряженіе его предоставлена была, для оборотовъ на общую пользу, сумма, которая доходила появному договору до милліона, но по тайному таковому же была нѣсколько ограничена. Для себя самого, въ качествѣ главы предпріятія, старателя (Comptable) онъ выговорилъ значительныя выгоды: жалованья 30000 фр.; 50% изъ общихъ барышей, право имѣть текущій счетъ (средство искусно придуманное для того, чтобъ имѣть доступъ къ кассѣ), 6000 франк. на квартиру и экипажъ. Уставъ организованнаго имъ общества былъ подписанъ 18 іюня, и уже съ 26 того же мѣсяца Пикъ началъ требовать денегъ у Тельфера, что продолжалось непрерывно до дня, когда похищенія Тельфера были открыты; цифра взятыхъ имъ денегъ, какъ мы видѣли, превышаетъ 726000 франк. Пикъ издавна уже зналъ о положеніи дѣлъ Тельфера. Онъ зналъ, что собственное состояніе послѣдняго было болѣе чѣмъ умѣренное, но зналъ также, что Тельферъ былъ кассиромъ общества, располагавшаго значительными капиталами, въ которомъ онъ пользовался полнымъ довѣріемъ. Такимъ образомъ Пикъ, какъ самъ сознается, не могъ ни на минуту подумать, чтобъ огромныя суммы, передаваемыя ему Тельферомъ, были собственностью послѣдняго; но онъ, говоритъ, считалъ ихъ капиталами, помѣщеніе которыхъ въ оборотъ было довѣрено Тельферу.

Кажется, что въ виду громадности растраты и полной невозможности указать хоть одного капиталиста, который бы въ продолженіи 10 лѣтъ могъ такимъ образомъ доставить болѣе милліона, эти увѣренія Пика не выдерживаютъ критики, и не должны бы по настоящему заслуживать оспариванія; но смѣлыя настаиванія на томъ Пика заставляютъ привести здѣсь столь же многочисленныя, какъ несомнѣнныя доказательства ложности этихъ увѣреній. Тельферъ въ минуту своего арестованія сохранялъ еще ложный взглядъ на свое положеніе и мечталъ о томъ, что обѣщанія Пика сбудутся, что послѣдній возвратитъ переданныя ему суммы; поэтому онъ избѣгалъ обвинять Пика; но вскорѣ затѣмъ его уклончивость насчетъ послѣдняго замѣнилась формальными и энергическими объясненіями.

«Пикъ зналъ», говоритъ Тельферъ, «что я передаваемыя ему деньги черпалъ изъ кассы общества». Это объясненіе, искренность

котораго гарантирована отсутствіемъ всякой выгоды, подкрѣпляется кромѣ того фактами, которые не могутъ подлежать оспариванію.

Пикъ зналъ о томъ, что Тельферъ заимствуетъ изъ кассы общества, всегда для него открытой: это доказывается тѣмъ, что требованія со стороны Пика были дѣлаемы обыкновенно вдругъ— въ упоръ, какъ выражается Тельферъ, и что посланный, приносившій требованіе, чаще всего возвращался назадъ съ означенною въ послѣднемъ суммою. Возвратъ занимаемыхъ суммъ часто назначался въ теченіи сутокъ, почти всегда на другой день или еще ближе; росписки въ полученіи писались «по предъявленію». Никогда при этомъ не было рѣчи о процентахъ — Тельферъ никогда ихъ не требовалъ, Пикъ не платилъ; и только въ послѣднее время Пикомъ былъ составленъ счетъ, въ которомъ упоминалось о 6%, но слѣдствіе показало, что упоминаемый счетъ, предназначенный для довѣрителей (Commanditeurs) Пика, имѣлъ цѣлью поддержать въ нихъ обманчивое мнѣніе о степени довѣрія къ нему, Пикю, ведущему текущій счетъ на такія значительныя суммы. Кромѣ того, въ дѣлѣ находится письмо Тельфера къ Пикю, отъ 13 іюня 1868 г., на которое послѣдній ссылается для своего оправданія. Въ письмѣ этомъ Тельферъ требуетъ уплаты 180000 франк. по векселямъ, подписаннымъ довѣрителями Пика и послѣднимъ переданными Тельферу; изъ письма этого дѣйствительно видно затруднительное положеніе векселедержателя. Но письмо это, написанное по соглашенію Тельфера съ Пикомъ, съ цѣлью довести довѣрителей послѣдняго до просрочки, составляетъ, напротивъ, для Пика отягчающую улику. Тѣмъ не менѣе онъ отрицалъ взводимое на него Тельферомъ соумышленничество до тѣхъ поръ, пока не были ему предъявлены собственноручныя его поправки въ черновой упомянутого письма, сохранившейся у Тельфера.

Пикъ зналъ очень хорошо, что передаваемыя ему суммы были собственностью общества «Union»: вся ихъ переписка раскрываетъ заботливость его оопредоставленіи Тельферу средствъ скрывать похищенія. Такъ, зная, что повѣрка кассы общества происходитъ по средамъ—онъ въ эти дни уплачиваетъ сколько можетъ; часто сумму, принесенную имъ Тельферу въ среду утромъ, предъ повѣркою кассы, онъ бралъ назадъ послѣ повѣрки, иногда въ тотъ же день. У Тельфера найдены всѣ росписки Пика и много писемъ, изъ содержанія коихъ достаточно видно его соумышленничество: тѣ, которыя были писаны къ нему Тельферомъ, не менѣе

ясно доказали бы происхождение растроченных имъ суммъ; но ихъ Пикъ предусмотрительно уничтожилъ, сохранивъ только одно, выше упомянутое отъ 13 июня 1868 г., на которое онъ рассчитывалъ, какъ на сильное средство къ защитѣ, но которое столь для него неожиданно послужило не менѣе сильною противъ него уликою.

Если наконецъ обратиться къ моральной сторонѣ Пика—и тамъ не встрѣтимъ признаковъ особенной честности. Его достаточно характеризуютъ слова почтеннаго старца, стариннаго друга его семейства, одного изъ любившихъ и покровительствовавшихъ его самаго, который, подъ влияніемъ всего видѣннаго и слышаннаго имъ о Пикѣ во время слѣдствія, воскликнулъ: «я считаю его на все способнымъ».

Затѣмъ предсѣдатель приступилъ къ допросу Тельфера.

В. Который вамъ годъ?

О. 66 лѣтъ.

В. Гдѣ родились вы?

О. Въ Шатильонѣ на Сенѣ, въ Котъ д'Орскихъ горахъ.

В. Когда прибыли вы въ Парижъ?

О. Въ 1824 г.

В. Когда вошли вы въ службу общества «Union»?

О. Въ 1829 г., а въ 1832 г. я сдѣланъ кассиромъ.

В. Были вы женаты?

О. Да.

В. Вы вдовецъ и имѣете дитя?

О. Да, дочь.

В. Вы были подъ судомъ только одинъ разъ, за нарушеніе правилъ охоты—не будемъ объ этомъ говорить. Въ качествѣ кассира сколько вы получали жалованья?

О. Сначала 2500 фр., а въ послѣднее время 5000.

В. Кромѣ того вы имѣли участіе въ прибыли?

О. Да.

В. Значитъ, вы всего получали около 10000 фр. ежегодно?

О. Да.

В. Общество «Union» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: застрахованія жизни и страхованія отъ огня?

О. Да.

В. У нихъ была только общая касса, но это были два различныя общества?

О. Да.

В. Вамъ была также поручена касса облигацій?

О. Да.

В. Вы вели кассовыя книги?

О. Да, я имѣлъ въ рукахъ кассу—то есть, все состояніе общества, также и расчетныя книжки текущихъ счетовъ съ банкомъ и поземельнымъ кредитомъ.

В. Съ 1832 года вы пользовались всеобщимъ довѣріемъ въ обществѣ?

О. Да.

В. До такой степени, что, хотя повѣрка производилась каждую среду, кассы не находили нужнымъ повѣрять?

О. Да, ее повѣряли только вновь вступающіе управляющіе дѣлами.

В. При годовомъ отчетѣ производилась ли болѣе точная повѣрка?

О. Нѣтъ.

В. Повѣряли ли хоть вѣрность итоговъ?

О. Да.

В. Вы отвѣчаете на мои вопросы прямо и кратко, за что я васъ благодарю. Итакъ повѣряли только для вида?

О. Да.

В. На чемъ основано было такое къ вамъ довѣріе? Оно не могло быть слѣдствіемъ однихъ только вашихъ привычекъ: правда, вы были аккуратны, трудолюбивы, жизнь ваша была скромна, но не было ли еще другихъ причинъ; замѣчали ли когданибудь съ вашей стороны промахи?

О. Никогда.

В. Какъ шли дѣла общества, много ли тамъ было капиталовъ?

О. Да, въ особенности въ послѣдніе три года.

В. Много ли было вамъ дѣла?

О. Да, насъ было только двое, а работы было на четырехъ.

В. Не были ли вы принуждены прибѣгать къ фальши, для того чтобы ваши дѣйствія казались вѣрными?

О. Въ этомъ вовсе не было необходимости.

В. Однако для одного и того же дѣла вы пять разъ сфальшивили. Надъ вами тяготѣтъ двойное обвиненіе: 1) въ похищеніи значительныхъ суммъ, продолжавшемся многіе годы, и 2) въ поддѣлкахъ и подчисткахъ коммерческихъ документовъ, съ дѣлюю по-

править свое положеніе; напримѣръ вы брали изъ кассы, незаписавъ этого, переводъ или ордеръ въ 100000 фр. на французскій банкъ, вы получали по этому переводу сумму и записали ее, какъ бы въ самомъ дѣлѣ поступившую въ кассу, а въ дѣйствительности вами похищенную, а послѣ повѣрки вы прибѣгли къ противоположной операціи; понимаете вы меня?

О. Да.

В. Вамъ слѣдовало это сдѣлать для возстановленія баланса, для скрытія произведенныхъ вами похищеній. Какъ же поступали вы съ документами, по которымъ слѣдовало полученія?

О. Я не вносилъ этихъ документовъ въ кассу.

В. Какъ же вы различали документы, записанные въ кассѣ, отъ незаписанныхъ, и вообще какъ вы скрывали эти похищенія?

О. Я позднѣйшими документами покрывалъ предъидущіе незаписанные.

В. Значитъ вы поправляли одну ошибку, дѣлая въ то же время другую?

О. Я не могъ иначе поступать.

В. Растрата капиталовъ по текущимъ счетамъ съ банкомъ и поземельнымъ кредитомъ доходила въ минуту вашего арестованія до 1,078.000 фр. Знали ли вы, какъ велика эта цифра?

О. Я думаю, что цифра эта приблизительно вѣрна; немогъ же я контролировать работъ эксперта.

В. Общество «Union» помѣщало свои капиталы на текущемъ счетѣ въ французскомъ банкѣ и обществѣ поземельнаго кредита, и брало ихъ оттуда въ случаѣ надобности — не вы ли получали эти суммы?

О. Да.

В. Какимъ образомъ вы похищали ихъ — вѣроятно, незапискою ихъ на приходъ?

О. Да.

В. Вы приводили счета въ порядокъ только вовремя повѣрки?

О. Да.

В. Что касается поземельнаго кредита, то я упомяну одну только операцію: именно, въ ноябрѣ 1865 г., какъ утверждаетъ экспертъ, вы записали произведенную поземельному кредиту уплату въ 20.000 фр. Этого платежа вѣдь вы не сдѣлали?

О. Да.

В. Объясните какъ это открылось?

О. Когда у меня спросили разчетную книжку, я поставил цифру 3 вмѣсто 1, и такимъ образомъ вмѣсто 13 у меня вышло 33.

В. Погодите, г. Тельферъ, я вамъ это объясню лучше. Нужно было, гг., чтобъ балансъ кассы «Union» согласовался съ балансомъ разчетной книги поземельнаго кредита; но при этомъ оказался излишекъ въ 20.000 фр. въ цифрѣ принадлежности отъ поземельнаго кредита, именно: онъ долженъ былъ обществу «Union» только 204.000, а вы поставили 224,000; но вы забыли поправить балансъ въ той же разчетной книгѣ — и такимъ образомъ вышла разница. Производившіе провѣрку счетовъ замѣчаютъ это и спрашиваютъ Тельфера: что это значитъ? Тогда г. Тельферъ говоритъ, «что это ошибка», что поземельный кредитъ долженъ въ самомъ дѣлѣ 224,000 фр.; тогда то вы, г. Тельферъ, на правой страницѣ разчетной книги передѣляли цифру 204000 фр. на 22400 фр.; это обезпечило директора: по его распоряженію, составленъ былъ чекъ на общество поземельнаго кредита на упомянутую сумму, и Тельферу поручено было предъявить его по назначенію — по предъявленіи, чекъ этотъ оказался только въ 204000 фр.; въ поземельномъ кредитѣ затруднялись подписью г. Мюссаръ, которой не слѣдовало быть на этомъ чекѣ, и поставили это на видъ, но тѣмъ не менѣе требуемую сумму уплатили. Тогда директоры Union окончательно усомнились: чекъ, какъ имъ достовѣрно извѣстно, не былъ вовсе подписанъ Мюссаромъ, и былъ данъ не на 204000 фр. а на 224000. На самомъ же дѣлѣ Тельферъ замѣнилъ настоящій чекъ въ 204000 фр., подписанный г. Мюссаръ на другой, написавъ его на бланкѣ съ подписью послѣдняго, и затѣмъ записалъ на приходъ 224000 фр., вмѣсто 224000. И такъ для одной операціи онъ пять разъ сдѣлалъ подлогъ. Сколько вы похитили всего по обязательствамъ банка и поземельнаго кредита?

О. Я не помню.

В. 410000 фр., что доводитъ цифру вашихъ похищеній до 1488284 фр. и даже болѣе этого, потому что 5000 фр. забыли записать, и это вполне вѣрно. Что касается васъ, то вами признаны похищенія, поддѣлка торговыхъ писемъ и употребленіе этой поддѣлки. Теперь я перейду къ употребленію вами этихъ суммъ, при чемъ можно будетъ убѣдиться съ солидарности вашей съ соучастникомъ Пикомъ. Экспертъ говоритъ, что похищеніе въ 1848 г. доходило до 30000 фр. Кому они были отданы?

О. Моему брату.

В. Нынѣ покойному?

О. Да.

В. Онъ бросался въ самыя разнообразныя предпріятія: дымогарныя рѣшетки, механическія подметалки и тому подобныя промышленныя предпріятія. Эти операціи вашего брата продолжались съ 1845 — 1862 г.?

О. Да, устройство же подметалокъ относится къ 1865 году.

В. Общество перваго предпріятія кончилось несостоятельностью?

О. Да.

В. Сколько вы передали вашему брату?

О. 400000, а можетъ быть и 500000 фр., но я и самъ имѣлъ кое что.

В. Итакъ вы сознаетесь, что для пособія брату взяли изъ кассы 229000 фр.?

О. Да.

В. Въ 1862 г., послѣ того, какъ братъ вашъ сдѣлался несостоятельнымъ, не пытались ли вы замѣнить его въ нѣкоторыхъ промышленныхъ предпріятіяхъ?

О. Это было вслѣдъ за его кончиною.

В. Вы выкупили на себя предпріятіе механическихъ подметалокъ, и я самъ видѣлъ одну изъ каретъ, на которыхъ было имя Тельферъ. Экспертъ также утверждаетъ, что для этого предпріятія вы похитили 81700 фр.?

О. Я дѣйствительно взялъ немного въ кассѣ, но не такую сумму.

В. Что нужды въ цифрѣ! Вы взяли еще потомъ 7000 фр. для устроеннаго Топинаромъ предпріятія каменной ломки?

О. Я былъ вовлеченъ въ это предпріятіе.

В. Въ 1867 г., во время выставки, вы образовали общество проводниковъ для обзора выставки?

О. Я думалъ, что можно будетъ получить много денегъ отъ этого дѣла.

В. Вы внесли 25000 фр. въ это общество?

О. Не такъ много.

В. Вы брали еще въ кассѣ для производства стеарина 9000 фр. Итакъ всего для вашихъ личныхъ операцій вы взяли 102700 фр. Такъ ли?

О. Да.

В. Теперь мы перейдемъ къ суммамъ, переданнымъ Пику; при этомъ, гг. присяжные, слѣдуетъ отдѣлить деньги лицъ, у которыхъ

Тельферъ былъ повѣреннымъ, отъ денегъ, похищенныхъ изъ кассы. Тельферъ пользовался довѣріемъ многихъ лицъ, поручавшихъ ему помѣщать въ ростъ, принадлежащія имъ капиталы: такъ г. Буржонъ поручилъ Тельферу 30 акцій омнибусовъ; другія лица то же поручаютъ ему разныя стоимости; г. Дюшенъ довѣрилъ ему ренту въ 350 фр. ежегоднаго дохода?

О. Это не г. Дюшенъ, а Рафине; Дюшенъ мнѣ поручалъ больше.

В. Да правда, отъ 50000 до 60000 фр.?

О. Да, мнѣ...

В. Кромѣ этихъ суммъ, вы дѣлали Пику выдачи ихъ кассы «Union»; при этомъ для большей ясности необходимо отдѣлить выдачи, сдѣланныя Пику, какъ банкиру, отъ сдѣланныхъ ему, какъ издателю и директору журнала «Etendard». Первые выдачи простираются круглымъ числомъ до 300000, вторыя—до 700000 фр. итого 1000000, не считая дробей. Различіе тутъ чрезвычайно важно. Относительно этого слѣдуетъ вамъ сказать, гг. присяжные, что ни въ банковскихъ, ни въ издательскихъ книгахъ нѣтъ фамиліи Тельфера, что всѣ эти суммы записаны лично на Пика.

Николе. Только не на имя журнала «Etendard».

Предсѣдатель. — Это правда; но въ банковскихъ книгахъ Пика Тельферъ незаписанъ, тогда какъ по дѣламъ, въ которыхъ Тельферъ былъ посредникомъ, записаны всѣ лица, внесшія чрезъ него свои капиталы. Вся похищенная сумма достигаетъ 1400000 фр., между тѣмъ обнаружены только 1300000. Вамъ г. Тельферъ, предстоитъ теперь объяснить этотъ остатокъ въ 100000.

О. Я внесъ 25000 фр. въ возмѣщеніе суммы, похищенной у меня изъ кассы, остальные же пошли на уплату $\frac{0}{100}$ по капиталамъ, порученнымъ мнѣ и отданнымъ мною Пику; Пикъ продалъ ихъ стоимость, а мнѣ пришлось платить разницу по курсу и за купоны.

В. Вы признаете, что Пикъ вошелъ съ вами въ сношенія съ 1860 года?

О. Да, мнѣ...

В. Черезъ кого вошелъ онъ въ сношенія съ вами?

О. Черезъ Дешпера, личность весьма значительную и уважаемую; онъ былъ маклеромъ страховой компаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ наблюдательнаго совѣта въ учрежденномъ Пикомъ банкѣ.

В. Въ началѣ какія у васъ были дѣла съ Пикомъ?

О. Они ограничивались тѣмъ, что я отъ времени до времени

ссужалъ его деньгами. Я началъ съ учета небольшихъ денежныхъ документовъ.

В. Какъ поступалъ Пикъ, когда ваши отношенія стали дружественнѣе?

О. Онъ у меня все больше и больше просилъ денегъ; я не хотѣлъ уступать, но онъ мнѣ рисовалъ свое отчаянное положеніе, увѣрялъ, что занимаетъ только на 24 часа—и я не могъ устоять.

В. Онъ говорилъ вамъ тоже, что принимаетъ участіе въ очень выгодныхъ операціяхъ. Онъ вѣдь обманывалъ васъ этимъ?

О. Да.

В. Итакъ, Пикъ не имѣлъ въ виду займа изъ кассы—онъ обратился къ вамъ лично?

О. Да.

В. Не дѣлалъ ли Пикъ вамъ когда-нибудь по этимъ займамъ уплаты хотя по частямъ?

О. Иногда.

В. Вѣдь въ кассѣ «Union» нашли частные счета, писанные Пикомъ и адресованные на ваше имя?

О. Да.

В. Счетовъ этихъ недостаетъ только за 1863 годъ?

О. Да.

В. Рядомъ съ этими счетами нашли росписки Пика; онъ также остались въ кассѣ. Гг. присяжные вспомнятъ, что факты, которые побудили арестовать обоихъ обвиняемыхъ, имѣли мѣсто въ апрѣлѣ настоящаго года; началось съ того, что отъ Тельфера потребовали объясненій; 12 апрѣля—(въ Воскресенье) производили дознаніе; на слѣдующій день—13 апрѣля Тельферъ неявился въ должность, и написалъ письмо къ директору, увѣдомляя его о произведенныхъ имъ похищеніяхъ; Пикъ же написалъ самое бурное письмо. Пикъ явился къ Тельферу, и тогда директоры «Union», заняты исключительно открывшеюся потерей милліона, ограничились выраженіемъ желанія имѣть разговоръ съ Пикомъ.

Такимъ образомъ Пикъ былъ предупрежденъ. Обыскъ у него и у Тельфера сдѣланъ былъ едва 15 апрѣля. У Тельфера находятъ замѣтки и счета, у Пика—ровно ничего, кромѣ письма, вооружившись которымъ, онъ предсталъ 13 апрѣля передъ директорами; объ этомъ письмѣ я скажу послѣ. 15 Апрѣля нашли въ кассѣ корреспонденцію Пика съ Тельферомъ и счета ихъ отъ 1860—1866 г. недостаетъ только счетовъ за 1863 годъ; (къ Тельферу

Вы были постоянно подвержены настойчивымъ, почти повелительнымъ требованіямъ Пика. Сдѣланный имъ чрезъ васъ заемъ простирается всего до мил. 300 т. фр. Какъ вы могли соглашаться на такія дѣйствія въ продолженіи шести лѣтъ, причеъ онъ требовалъ денегъ почти всякій день, а иногда и нѣсколько разъ въ день?

О. Онъ объяснялъ это мнѣ крайнею нуждою въ деньгахъ.

В. Вы прежде давали другое объясненіе.

О. Да, онъ постоянно обнадеживалъ меня обѣщаніемъ возврата, и я увлекаемъ былъ къ новымъ займамъ, имѣя въ виду спасти предъидущіе.

В. Вы были увлечены — онъ постоянно подавалъ вамъ надежду громадной прибыли?

О. Да.

В. Перейдемъ къ дѣлу газеты «Etendard». Когда она основана?

О. Въ 1866 г.

В. 18 Іюня 1866 г?

О. Я не имѣю надобности говорить о составѣ этой газеты.

В. Съ какого времени начались дѣланные Вами на эту газету займы?

О. Съ самаго начала изданія.

В. Это правда; первая выдача была 28 іюня, а начало изданія журнала 18 того мѣсяца.

О. Онъ мнѣ говорилъ: выгоды, полученныя отъ изданія, вознаграждать Васъ съ избыткомъ за сдѣланныя мнѣ ссуды. Я молилъ Бога объ успѣхѣ газеты — (смѣются).

В. Не слышали ли Вы о полученномъ Пикомъ командитствѣ?

О. Да, онъ мнѣ говорилъ о сдѣланныхъ послѣднимъ государству и городу Парижу ссудахъ на значительную сумму; г. Пикъ говорилъ мнѣ, что долженъ ихъ вскорѣ получить обратно и тогда вознаграждать меня съ избыткомъ.

В. Займы для газеты быстро увеличивались съ 1866 г. до апр. 1869 г. и дошли до выше упомянутой цифры. Вашъ отвѣтъ тотъ же?

О. О! всегда одинъ.

В. Извѣстны ли вамъ слова Пика, что вы его постоянно обманывали?

О. Что я его обманывалъ (поднимаетъ руки къ небу).

В. Онъ говоритъ, что вы его увѣряли, что при посредствѣ вашимъ капиталисты помѣщаютъ свои деньги въ его предпріятія?

О. Но это невозможно, онъ зналъ всю правду.

В. Почему?

О. Потому, что я ему часто выражалъ свое безпокойство.—

В. Не можете ли вы представить другія возраженія противъ его обвиненій; вы вѣдь финансистъ получили [ли вы проценты за дѣланные ему займы?

О. Никогда, никогда

В. Всѣ ли росписки его здѣсь были предъявлены?

О. Да.

В. Въ счетахъ вашихъ упоминается ли о процентахъ?

О. Никогда, это были просто вѣдомости капиталамъ; заключеніемъ одного счета, нигдѣ не означены проценты.

В. Пикъ говорить, что въ Іюнѣ 1868 г. онъ послалъ къ вамъ свой счетъ?

О. Я никогда не имѣлъ отъ него счетовъ; я получилъ только вѣдомости.

В. Въ самомъ дѣлѣ въ кассѣ все нашли а упоминаемаго Пикомъ счета того, не было, отъ какого числа счетъ, въ которомъ означены проценты?

О. Это послѣдній счетъ по изданію «Etendard».

В. Да, въ этомъ счетѣ, упоминается о процентахъ. Для чего же сдѣлано?

О. Я ничего объ этомъ не знаю.

В. Пикъ говорить, что вы условились между собой въ процентахъ: именно по 5%, за время бытности его банкиромъ, и по 6% когда онъ сдѣлался издателемъ журнала. Для этого послѣдняго предпріятія онъ приобрѣлъ двухъ вкладчиковъ, которые должны были внести 300 т. ф. вначалѣ и затѣмъ еще прибавить; а между тѣмъ Монжаль Магніеръ внесли 150 т. фр. и обязались внести еще 150 т. изъ тѣхъ денегъ, который имъ слѣдовало изъ государственной казны и отъ города. Пикъ требовалъ отъ нихъ платежа; они заявили тяжбу и, чтобъ доказать имъ необходимость полученія обѣщенныхъ ими денегъ, онъ вздумалъ составить счетъ всѣхъ долговъ, подлежащихъ платежу со стороны журнала, и тогда онъ назвалъ васъ своимъ кредиторомъ.

О. Да, тогда то именно онъ прибавилъ къ этому долгу 55 т. фр. какъ бы въ счетъ слѣдующихъ процентовъ.

В. Этотъ самый счетъ былъ отосланъ къ Тельферу. Гг. присяжные, я пока остановлюсь на этомъ.

Что касается васъ, Тельферъ, вы сознаетесь въ сдѣланныхъ вами похищеніяхъ и поддѣлкахъ, утверждая притомъ, что Цинъ зналъ о происхожденіи переданныхъ ему вами суммъ; выслушайте со вниманіемъ: хотя вы обвиняетесь, но не должны увлекать съ собою невиннаго человѣка.

О. Я еще разъ утверждаю, что онъ не могъ этого не знать.

Прокуроръ. Вы видѣли актъ общества, въ которомъ сказано, что капиталъ этотъ простирается до милліона фр. акціями?

О. Да.

В. Видѣли ли вы другой, секретный актъ о томъ же?

О. Нѣтъ, въ противномъ случаѣ я измѣнилъ бы образъ дѣйствій.

Послѣ кратковременнаго перерыва засѣданіе было возобновлено. Пресѣдатель приступилъ къ допросу обвиняемаго Пика.

В. Который вамъ годъ?

О. 41.

В. Вы женаты?

О. Да.

В. Вы никогда доселѣ не были подъ судомъ?

О. Нѣтъ.

В. Вы родомъ изъ Аржежа?

О. Да.

В. Вашъ отецъ извѣстный адвокатъ, родомъ изъ Фуа?

О. Да.

В. Вы были членомъ главнаго совѣта?

О. Да, я и теперь имъ состою.

В. Кто ваша жена?

О. Урожденная Пальяръ.

В. Когда поселились вы въ Парижъ?

О. Въ 1855 г.

В. Прежде переѣзда въ Парижъ вы были въ Тулузѣ?

О. Да, я тамъ проходилъ курсъ наукъ.

В. Вы были директоромъ газоваго общества?

О. Да, это мое послѣднее занятіе.

В. Какая же должность была первая?

О. Помощникъ директора общества застрахованія.

В. Имѣли вы состояніе?

О. Нѣтъ.

В. Сколько могли вы получить отъ вашего семейства?

О. Тысячь 40 франковъ.

В. Вы были въ близкихъ сношеніяхъ съ Дюрно?

О. Да.

В. Дюрно вашъ дядя; справки показываютъ, что это семейство не пользовалось хорошею репутаціею.

О. Вы впутываете все семейство въ обвиненіе одного изъ его членовъ.

В. Мы не выводимъ заключеній въ настоящую минуту — мы только представляемъ факты. Ивій Дюрно былъ приговоренъ судомъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію за поддѣлку. Слушайте меня. Я знаю лучше другихъ, что всякій долженъ отвѣчать исключительно за себя и, Богъ дастъ, всегда такъ будетъ. Если мы упоминаемъ объ этомъ фактѣ, то это только потому, что онъ имѣетъ прямое отношеніе къ настоящему дѣлу. Вашъ дядя намѣревался образовать въ Тулузѣ родъ банковаго общества — промышленную кассу?

О. Это правда, но онъ не исправенъ, какъ говоритъ обвиненіе...

В. Оставьте пока обвинительный актъ. И такъ, въ августѣ 1860 г. эта касса была закрыта, и начальникъ ея, вашъ дядя, Ивій Дюрно, былъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію за поддѣлку. Въ самый годъ основанія этой кассы, т. е. въ 1857 г., вы образовали въ Парижѣ упомянутую торговую — она же и промышленная — кассу?

О. Это совершенно вѣрно, но...

В. Вы здѣсь не для того, чтобъ спорить. Я излагаю факты, отвѣчайте «да» или «нѣтъ»; спорить предстоитъ вашему адвокату, и, повѣрьте, онъ очень хорошо выполнитъ свое назначеніе. И такъ я говорю, нельзя не заключить, что при такихъ отношеніяхъ между вами и вашимъ дядею должна была существовать извѣстная связь и между упомянутыми двумя кассами; покрайней мѣрѣ это очень вѣроятно.

О. Я имѣлъ сношенія съ этой кассой, какъ и съ другими. Мы имѣли 300 корреспондентовъ въ провинціяхъ.

В. Хорошо, теперь окажется, что я имѣлъ извѣстныя причины упоминать обо всемъ этомъ. На какихъ основаніяхъ вы образовали промышленную кассу?

О. Мы составили капиталъ въ миллионъ посредствомъ выпуска двухъ тысячъ акцій, каждая въ 500 фр.

В. Въ числѣ главныхъ акціонеровъ не состоялъ ли нѣкто г.

Дельпла, другъ вашего семейства, который васъ принялъ въ Парижѣ?

О. Кромѣ Дельпла, былъ еще одинъ.

В. Особа, о которой вы хотите говорить, нынѣ умерла; но можно сказать его имя: это бывшій депутатъ Дидье; онъ подписался на 10 акцій. Вы видите, что я все читаю, даже вашу интимную переписку. Вслѣдъ за Дельпла принялъ участіе въ подпискѣ и Дешерь?

О. Да, послѣдній больше всего способствовалъ этому учрежденію; онъ роздалъ 700 нашихъ акцій.

В. Между подписчиками находился и Тельферъ?

Тельферъ. Никогда я не былъ подписчикомъ.

О. Въ самомъ дѣлѣ Тельферъ объявилъ, что онъ васъ тогда не зналъ, что онъ вообще никогда не хотѣлъ и не былъ въ состояніи подписываться на акціи вашего общества. (Пикъ дѣлаетъ отрицательные знаки и нетерпѣливые жесты).

Предс. (къ Пикъ). Позвольте мнѣ говорить: ваше положеніе тяжелое, не ухудшайте его; здѣсь не мѣсто насилію, такъ какъ вы можете совершенно свободно объясняться по вашему дѣлу. Тельферъ говоритъ: «я утверждаю, что никогда не подписывался на 50 акцій» и прибавляетъ: очень возможно, что ихъ подписали моимъ именемъ и къ тому же эти акціи не долго оставались въ кассѣ—ихъ скоро продали. Дешерь былъ человѣкъ въ высшей степени подвижный; состоя въ сношеніяхъ съ Тельферомъ, онъ могъ думать, что послѣдній возьметъ акціи, и вслѣдствіе того подписалъ ихъ на его имя, и въ этомъ вы можете согласиться съ Тельферомъ; вѣрно только то, что въ это время Тельферъ съ вами знакомъ не былъ.

О. Позвольте, г. предсѣдатель, я представлю вамъ и гг. присяжнымъ бюллетень, подписанный самимъ Тельферомъ.

В. Дѣйствительно ли подписано тамъ его имя?

О. Вполнѣ. Я говорилъ уже г. слѣдователю, что я постараюсь отыскать этотъ бюллетень, и въ самомъ дѣлѣ нашелъ его у судебного пристава Берсіе. Я прибавлю, что г. Тельферъ долженъ былъ подписать свое имя 50 разъ, по случаю перевода 50 акцій на имя общества.

Предс. Покажите намъ эту подпись. (Разсмотрѣвъ поданный документъ, передаетъ его Тельферу).

Тельферъ. Это дѣйствительно моя подпись.

— *Одинъ изъ тринадцати.* Отъ какого числа документъ?
В. 28 іюня 1858 г.

Предс. Пизъ, какое мѣсто вы занимали въ этомъ обществѣ?

— *О.* Я былъ правителемъ дѣлъ. Этого мнѣ помню о...

— *В.* Много ли имѣли вы собственныхъ акцій?

— *О.* 168. Ушелъ я изъ общества въ 1865 году.

— *В.* Затѣмъ вотированъ былъ выпускъ обществомъ 2.000 новыхъ акцій?

— *О.* Да, но подписка состоялась только на 400.

В. Что вы сами внесли въ это общество?

О. Одну только мою подписку въ уплатѣ.

В. Это общество окончилось ликвидаціей; производившій ее утверждаетъ, что вы не заплатили за акціи, на которыя подписались?

— *О.* Акціи были всѣ заложены съ преміей 200 фр.; безъ этого общество не могло бы долѣе продолжать существованія. Всѣ акціи, приобретенныя мною въ качествѣ подписчика или отъ другихъ лицъ, составляли капиталъ въ 140.000 фр.

— *В.* Мы въ этомъ отношеніи будемъ слушать ликвидатора. Какое было ваше участіе—40 процентовъ изъ чистой прибыли?

— *О.* Кромѣ 5⁰/₁₀₀ предварительнаго вычета.

— *В.* Вы получали кромѣ того на содержаніе конторы?

— *О.* Эти издержки были общія.

— *В.* Вамъ также дана была квартира?

— *О.* (Обвиняемый дѣлаетъ жесты, выражающіе нетерпѣніе и удивленіе).

Предс. Прошу васъ воздержаться отъ подобныхъ жестовъ—они нейдутъ вамъ. Въ первые 18 мѣсяцевъ какъ общество повело себя въ отношеніи къ акціонерамъ?

— *О.* Впродолженіе дѣлѣхъ четырехъ лѣтъ дивидендъ составлялъ 10 проц., кромѣ запаснаго капитала.

В. Въ августѣ 1865 года дѣла пришли въ разстройство—оказался вексель въ 20.000 фр., котораго вы не могли заплатить. Какъ это случилось?

— *О.* Члены наблюдательнаго совѣта, видя, что общественный капиталъ не тронуть, согласились на мою отставку, и за тѣмъ, по общему же согласію, потребовали назначенія администратора отъ суда.

В. Которымъ былъ назначенъ г. Мишель—онъ былъ назначенъ въ апрѣлѣ и состоялъ въ этой должности не долго.

О. Назначенъ былъ въ августѣ.

В. Пусть будетъ по вашему. Онъ утверждаетъ, что назначенный вами дивидендъ на акціи былъ вымышленный, что вы задолжали обществу миллионъ. Вы услышите это отъ самаго Мишеля.

О. Могу ли я говорить?

В. Да, конечно.

О. Я не обвиняю г. Мишель въ недобросовѣстности, но его оцѣнка была нѣсколько фантастичною; я оспаривалъ эту оцѣнку предъ общимъ собраніемъ акціонеровъ, и послѣднее снова поручило мнѣ управленіе дѣлами.

В. Я вамъ представлю факты, которые могутъ заставить васъ сожалѣть о сказанномъ вами. Мишель говоритъ, что вы раздали въ 1858 году 148.000 фр., въ 1859—178.000, въ 1860—177.000, въ 1861—33.000, въ 1862—27.000, въ 1863—52.000 фр. Онъ утверждаетъ, что цифра актива дошла до 1.009.000—что актъ одобренія общимъ собраніемъ вашихъ дѣйствій былъ вынужденъ, что наблюдательный совѣтъ, не наблюдавшій, какъ слѣдовало, за вашими дѣйствіями и прокомпрометированный ими, по необходимости—чтобы себя выгородить—долженъ былъ настаивать на предоставленіи вамъ вновь управленія дѣлами, съ придачею въ помощь въ вамъ Вейссе; притомъ книги общества доказываютъ, что съ этой минуты послѣднее ужъ начало клониться къ упадку—и годъ спустя ликвидировалось, а васъ, какъ не нужного болѣе, подвергли преслѣдованію. Кромѣ того вы выговорили себѣ право имѣть въ обществѣ текущій счетъ, что мы видѣли позднѣе въ журналѣ «Etendard»; ликвидаторъ говоритъ, что подъ предлогомъ этого счета вы забрали впередъ изъ кассы 108.533 фр. Кромѣ того вы должны были за акціи около 186.300 фр. И такъ, круглымъ счетомъ вы должны были 300.000 франковъ.

О. Могу ли я отвѣчать?

В. За вами рѣчь.

О. Я хочу доказать, что я самъ согласился принять снова управленіе дѣлами, съ условіемъ, что его раздѣлитъ со мной специалистъ, человекъ, который сумѣлъ бы распространить подписку на акціи.

В. Чѣмъ объясните вы положеніе, въ которомъ находилось общество въ 1866 г.?

О. Тѣмъ, что около этого времени мы имѣли несчастіе броситься въ предпріятія, повлекшія за собой превращеніе нашего капи-

тала въ недвижимое имущество. Что касается текущаго счета, то онъ пришелъ въ равновѣсiе, потому что я внесъ 90.000 фр.

В. Это было позже, и именно вы внесли эту сумму бумагами общества газеты «Etendard»; но чѣмъ объясните вы первоначальный заборъ вами 108.533 фр.?

О. Я долженъ былъ взять на себя потери, которыя могъ поставить въ счетъ обществу; это былъ скорѣе оборотъ, чѣмъ заборъ или заемъ.

В. Вы думаете, что ликвидаторъ въ состоянii былъ сдѣлать столь грубую ошибку, принявъ произведенный вами оборотъ за заемъ? Я разсмотрю точнѣе операціи, о которыхъ вы сейчасъ говорили. Вы за все брались—это не я утверждаю, а ваши собственные книги, ваши письма и счета. Такъ вы занимались рудниками Фратернитадъ, потомъ рудниками Ози, потомъ землями Люксембурга, потомъ обществомъ тряпичниковъ, потомъ устройствомъ складочныхъ мѣстъ; наконецъ журналомъ «Etendard». Посмотрите, какъ спекуляціи васъ увлекали.

О. Предпріятія были цѣлью нашего общества.

В. Во время вашего арестованiя вы искали г. Эйхталя; онъ ничего больше не хотѣлъ, какъ спасти миллионъ отъ гибели—вы же говорили ему о вашихъ предпріятіяхъ, и онъ убѣдился, что все это ничего не стоило?

О. Я никогда объ этомъ не говорилъ съ г. Эйхталемъ.

В. А г. Дельпла — одинъ изъ основателей вашей кассы; онъ былъ вашимъ покровителемъ вначалѣ; потомъ онъ удаляется отъ дѣла съ вами, беспокоится, говоря, что принужденъ оставить васъ, потому что считаетъ васъ ко всему способнымъ.

О. Я нахожусь предъ судомъ присяжныхъ подъ впечатлѣніемъ свидѣтельства, которое падаетъ на меня такимъ бременемъ.

В. Не будемте теперь спорить.

О. Я былъ принужденъ снова принять на себя управленіе дѣлами, требуя, чтобъ мнѣ придали помощника. Я перехожу къ 1866 г. — времени учрежденiя ликвидаціи общества и назначенiя г. Вейсье полюбовнымъ ликвидаторамъ.

В. Г. Вейсье, слѣдившій за ходомъ ликвидаціи, говоритъ: въ 8 лѣтъ общество поглотило 1.080.000 фр., акціонеры потеряли все свое имущество и остались должны 700.000 фр.?

О. Я не думаю, чтобъ г. Вейсье говорилъ такимъ образомъ; во

всякомъ случаѣ онъ говорить только о долгѣ, подлежащемъ платежу, умалчивая о активѣ, въ количествѣ 1.000.000.

В. Мы увидимъ это; между тѣмъ всѣ свидѣтели поэтому дѣлу отстранились отъ васъ, съ потерей денегъ и съ страшнымъ противъ васъ раздраженіемъ. Приступимъ къ дѣлу. Когда начались ваши сношенія съ Тельферомъ?

О. Въ 1859 или въ 1860 г.; я имѣлъ и прежде сношенія съ Тельферомъ, хотя не непосредственно, а чрезъ г. Деспьеръ; когда мнѣ нужны были деньги, г. Деспьеръ мнѣ говорилъ: «пойду попрошу у Тельфера».

В. Вы такимъ образомъ получили 30 акцій омнибусовъ?

О. Я думалъ, что это акціи Тельфера; Деспьеръ мнѣ сказалъ: Тельферъ ихъ очень придерживается, это акціи, выпущенныя въ началѣ предпріятія.

В. Объ этихъ 30 акціяхъ не упоминается въ счетахъ.

О. Тельферъ мнѣ далъ два рода облигацій: 30 акцій омнибусовъ и ренту въ 300 фр. годоваго дохода; въ полученіи ихъ я далъ ему росписку, и если у васъ нѣтъ ея, то это потому, что я послѣ замѣнилъ ее роспиской въ соотвѣтствующей денежной суммѣ, такъ такъ я былъ уполномоченъ упомянутыя стоимости реализовать.

Тельферъ. — Я никогда не получалъ росписки на 30 акцій омнибусовъ.

Предсѣдатель. — Пикъ сказалъ, что вы придавали этимъ акціямъ чрезвычайную цѣнность.

Тельферъ. — Это потому, что онѣ не были моею собственностью.

Пикъ. (На вопросъ прокурора): я всегда думалъ, что эти акціи принадлежатъ Тельферу.

В. Вы производили періодически, почти всякій день, денежные займы у Тельфера, котораго вы называли «вашимъ любезнымъ другомъ»?

О. Это правда, но не менѣе часто я и возвращалъ ихъ Тельферу. Когда у насъ являлась непредвидѣнная надобность, я говорилъ Тельферу: «дайте мнѣ 10 или 12 тысячъ», давалъ ему чекъ на банкъ и говорилъ: «не предъявляйте его раньше двухъ часовъ»; притомъ займы не были такъ часты, какъ вы говорите.

В. Ваши заемныя росписки будутъ предъявлены гг. присяжнымъ вмѣстѣ съ корреспонденцію вашею. (Къ Тельферу). Получали ли

вы отъ Пика чеки на банкъ, въ обезпеченіе дѣлаемыхъ имъ займовъ?

Тельферъ. — Да, но они очень давние. —
Одинъ изъ присяжныхъ. — Развѣ Тельферъ не объяснилъ уже, что чеки эти не были ушлочены?

Предсѣдатель. — Точно такъ, потому что они не были ничѣмъ обезпечены.

Тельферъ. — Да, меня предупреждали: не представляйте по напрасну, потому что вамъ не заплатятъ».

Предс. (Пика). Сколько вы получили отъ Тельфера въ 1857 году?

Пикъ. По моимъ счетамъ за произведенными уплатами осталось всего 181.000 фр.

О. По заключенію эксперта получено вами круглымъ счетомъ 300.000. Въ дѣйствительности вы должны больше, чѣмъ говорите, потому что по вашему же сознанию вы дѣлали частныя уплаты, получая обратно свои росписки?

В. Это ошибка.

О. Перейдемъ къ второму основанному вами обществу — газетѣ «Etendard»; когда оно состоялось?

В. Въ юнѣ 1866 года.

О. Да, 18 юня. Въмѣстѣ съ явнымъ актомъ основанія общества состоялся какой то другой, тайный — не можете ли вы объяснить это?

В. То что называютъ тайнымъ актомъ, вовсе не заслуживаетъ этого названія.

О. Чтожь оно по вашему?

В. Я попробую объяснить. Меня уговаривали предпринять большой политическій журналъ, мы должны были образовать общество на акціяхъ. Для основанія журнала тогда необходимо бы предварительное разрѣшеніе министерства — и меня увѣрили, что окончательное разрѣшеніе получится не раньше окончанія подписки на акціи. Будущій журналъ мы хотѣли назвать «National»; названіе же «Etendard» было уже выбрано въ послѣднее время. Я уже имѣлъ для него готовый капиталъ. Въ это время гг. Монкаль и Магнѣ начали сношенія съ банкирскимъ домомъ Сентъ-Бріе, а чрезъ посредство послѣднихъ — и со мною. Моро, мой Ткасиръ, говорилъ имъ о задуманномъ мною изданіи; они заинтересовались этимъ, пожелали принять участіе и явились ко мнѣ для переговоровъ объ этомъ. Я имъ въ началѣ сейнасъ сказалъ, что дѣло для насъ не подходящее, на что мнѣ возразили: говорить, что предпола-

гаемый вами журналъ будетъ имѣть цѣлью защищать интересы правительства; мы были бы очень рады принять въ этомъ участіе.» Они меня спросили, какой нуженъ для этого капиталъ; я имъ сказалъ — миллионъ; они нашли, что это много, но тѣмъ не менѣе видно были заинтересованы этимъ, вновь пришли ко мнѣ на другой день въ 8 часовъ утра, и сказали: «мы можемъ внести впередъ 150.000 фр., кромѣ того намъ причитаются значительныя суммы изъ государственной казны и отъ города. Это было въ маѣ; вскорѣ затѣмъ мы подписали актъ основанія общества. Не много спустя они сказали мнѣ: «въ этомъ актѣ есть, кажется, нѣкоторыя неподходящія статьи», и попросили возврата 20.000 фр.; для этого необходимо было измѣнить самый актъ; далѣе, когда и это было исполнено, они потребовали, чтобы имъ дано было право возобновлять внесенные ими билеты по желанію.

В. Но какое положеніе вы лично занимали въ этомъ?

О. Я организовалъ общество и принялъ на себя отвѣтственное управленіе его дѣлами; за это мнѣ было предоставлено: 30.000 жалованья, помѣщеніе и 50 проц. изъ прибыли.

В. Условія, по истинѣ выгодныя.

О. Но упомянутые 50 проц., при капиталѣ, не превышающемъ 100.000, составляли едва 10.000 фр.

В. Вы не снпчаете квартиру, экипажъ и 2500 фр. въ мѣсяцъ?

О. Карета не принадлежала мнѣ одному—ею всѣ пользовались.

В. Извѣстны ли вамъ потери, понесенныя обществомъ съ іюня 1867 до 31 декабря того же года?

О. Онѣ ужасны.

В. Да, ужасны, 626000 фр.

Пикль. Такая сумма причитается съ іюня 1866, а не 1867 года.

Предсдатель.— Положимъ, что это такъ, за то къ слѣдующему

балансу опять ихъ накопилось болѣе 300000; всего потери простирались до 682000 фр. Какія мѣры были вами приняты для пополненія ихъ? Сколько взяли вы у Тельфера?

О. 700.800 фр., что доказывается книгами. Въ первые три мѣсяца потери доходили до 3000 фр. въ день; именно, я заключилъ договоръ съ г. Вильмессанъ, коимъ обязался въ продолженіи 3 мѣсяцевъ высылать подписчикамъ газеты «Evenement» издаваемую мною «Etenpard» и расходы поэтому, какъ-то: почлины, бумага, редакция и гонорары — обошлись намъ по 3000 ежедневно; это могутъ засвидѣтельствовать «Evenement» и «Фигаро».

В. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ нужды входить во всѣ эти подробности.

О. Но я желаю ихъ разъясненія.

В. Перейдемъ къ главному вопросу, именно: знали ли вы, что деньги, которыми ссужалъ васъ Тельферъ, онъ бралъ изъ кассы общества?

О. Нѣтъ, не зналъ.

В. Но Тельферъ самымъ энергическимъ образомъ вамъ противорѣчить въ этомъ.

Шикъ. — Къ сожалѣнію, его заявленія несвоевременны.

Въ 5 часовъ засѣданіе было закрыто, и возобновлено на слѣдующій день въ 10 часовъ утра.

Предсѣдателемъ продолжаемъ быть допросъ Шика.

В. Когда дѣянія Тельфера открылись, послѣдній заклиналъ васъ спасти его; вы явились къ директорамъ «Union» и въ пышныхъ фразахъ представили имъ свое положеніе; впрочемъ они уже напали на слѣдъ, и спросили Тельфера, извѣстенъ-ли вамъ былъ источникъ передаваемыхъ вамъ денегъ? Тельферъ въ началѣ, имѣя въ виду защищать васъ, далъ отвѣтъ отрицательный—но вскорѣ затѣмъ рассказалъ все, какъ было.

О. Не отрицая услугъ, оказанныхъ мнѣ Тельферомъ, я прошу вмѣстѣ съ тѣмъ г. президента обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

Тельферъ дѣйствительно тотчасъ послѣ случившагося написалъ ко мнѣ; прочтя его записку, съ которою посланный ожидалъ меня около двухъ часовъ, и содержавшую въ себѣ слова: «я уже болѣе не въ службѣ общества, приходите немедленно», я тоже поспѣшилъ къ нему, и засталъ его въ состояніи страшнаго угнетенія; онъ мнѣ показалъ письмо, адресованное имъ къ президенту совѣта общества «Union», въ которомъ онъ называетъ меня виновникомъ своего настоящаго положенія. На вопросъ мой—почему онъ меня считаетъ таковымъ, Тельферъ представилъ мнѣ цифру долга моего обществу «Union», и выразилъ намѣреніе увѣдомить объ этомъ своего директора; далѣе, вызвавши Тельфера на откровенность, я узналъ, что и за собою лично онъ насчитываетъ 25 т. недочета по кассѣ.

Затѣмъ, обѣщавши ему возвратиться къ вечеру, я явился къ членамъ совѣта общества, которые мнѣ замѣтили: «вы знали, что Тельферъ не былъ на столько состоятеленъ, чтобы могъ ссужать

вась подобными суммами; на что я имъ возразилъ, что я никогда не считалъ этихъ суммъ собственностью Тельфера, а разныхъ лицъ, имѣвшихъ къ нему довѣріе и поручавшихъ ему помѣщать капиталы въ оборотъ; затѣмъ, на вопросъ, на какое обезпеченіе съ моей стороны они могутъ рассчитывать, я предложилъ уступить обществу издаваемую мною газету «Etandard», на что члены сказали: «мы должны справиться объ этомъ точнѣе. Тѣмъ дѣло и окончилось; въ половинѣ перваго я вышелъ, вечеромъ же, прийдя вновь къ Тельферу, я передалъ ему всѣ подробности разговора моего съ членами совѣта.

В. Изъ всего сказаннаго вами видно только то, что вы видѣлись съ членами совѣта, допрашивавшими, извѣстна-ли вамъ принадлежность переданныхъ вамъ Тельферомъ денегъ. Затѣмъ, 16 апрѣля, у васъ произведенъ былъ обыскъ; онъ не доставилъ ни одного документа, могущаго сколько-нибудь объяснить характеръ вашихъ денежныхъ сношеній съ Тельферомъ; найдено только упомянутое уже письмо 13 іюня 1868 года, которымъ вы стремились доказать директоромъ «Union» незнаніе вами происхожденія получаемыхъ отъ Тельфера суммъ. Объясните суду, какимъ образомъ вы, нуждаясь, не менѣе Тельфера, въ расчетахъ и другихъ документальныхъ доказательствахъ вашихъ денежныхъ съ нимъ отношеній, ничего подобнаго у себя не имѣли?

О. Я вообще не имѣлъ обыкновенія хранить письма, въ родѣ писанныхъ ко мнѣ Тельферомъ.

В. Почему это?

О. Потому, что письма эти напоминали мнѣ о моей неаккуратности.

В. Почему же у васъ нѣтъ никакихъ счетовъ?

О. Въ 1866 году происходила у насъ общая переборка бумагъ, и мальчикъ, бывший при нашей конторѣ, продалъ цѣлую кипу разныхъ бумагъ, считая ихъ ненужными.

В. Вы, слѣдовательно предполагаете, что туда же попали и ваши счета?

О. Много кое-чего мною тогда утрачено.

Тельферъ. Онъ никогда не велъ никакихъ счетовъ.

Пикъ. Дѣйствительно, ихъ недостаетъ за 1863 годъ, такъ какъ въ этомъ именно году я производилъ уплаты разнымъ лицамъ.

В. Тельферъ давалъ вамъ для этого денегъ?

Тельферъ. Никогда.

Никт. Одинъ разъ это случилось.
Презид. Странно, обыкновенно вы просили денегъ въ займы—какъ же случилось, что вы вздумали возвращать занятія? Какъ будто вамъ не случалось, взявши по утру у Тельфера 10000 фр., въ вечеру вновь требовать 5000 и болѣе; притомъ съ подобными требованіями вы всегда приходили къ нему прямо въ контору общества. Вы полагаете, что Дюрюи, кассиръ вашъ, ошибался, утверждая, что Тельферъ бралъ для васъ изъ кассы общества? Далѣе, показанія Тельфера и ваша съ нимъ переписка доказываютъ, что вы знали о производимой въ обществѣ «Union» въ каждую среду повѣркѣ; въ этихъ случаяхъ вы говорили Тельферу: «мнѣ необходимо имѣть сегодня (напримѣръ) 10000, но если вы затрудняетесь, то дайте мнѣ сейчасъ 5000, а остальныя вечеромъ».

О. Я въ первый разъ это слышу.
В. Повторяю, изъ вашей переписки ясно видно, что вы знали о производившейся по средамъ повѣркѣ. Дѣйствительно, принося Тельферу деньги, вы дѣлали это почти всегда въ понедѣльникъ или во вторникъ, какъ бы пополняя кассу, при чемъ заявляли, что желаете скорѣе получить ихъ обратно. Это я хитрю.

Никт. Я приносилъ Тельферу деньги и въ другіе дни, а чаще всего въ указанные имъ же.

Тельферъ. Дѣйствительно, онъ часто уже вечеромъ бралъ у меня назадъ деньги, принесенныя имъ утромъ въ тотъ же день.

Прокуроръ. Я производилъ учетъ платежей, произведенныхъ Пикомъ Тельферу, причемъ оказалось, что изъ двадцати пяти разъ двадцать произведены имъ по вторникамъ или средамъ, и только пять—въ остальные дни недѣли.

Презид. Вы утверждаете, что считали Тельфера агентомъ, посредникомъ между вами и его довѣрителями—капиталистами; какимъ же образомъ онъ не требовалъ поэтнмъ займамъ процентовъ?

О. Съ перваго дня нашихъ денежныхъ сношеній, между имъ и мною, при посредствѣ Дельера, состоялось соглашеніе о количествѣ процентовъ. Именно было назначено по 5⁰/₁₀₀. Что касается ихъ уплаты, то мнѣ странно кажется самый вопросъ объ этомъ: счетъ между нами велся непрерывно, и съ его прекращеніемъ прекращалась и уплата процентовъ.

Подобнымъ образомъ мы закончили счетъ по процентамъ и въ 1867 году.

В. Но Тельферъ говорить, что онъ не получалъ ни счета, ни самыхъ процентовъ.

О. Онъ не утверждаетъ, что не получалъ, а только, что не помнить объ этомъ.

Тельферъ. Никогда онъ расчета со мной не дѣлалъ; все же, случайно удержанное мною, я передавалъ ему обратно, при первомъ слѣдующемъ займѣ.

Одинъ изъ присяжныхъ. Развѣ у васъ не было ежегодныхъ счетовъ?

Предс. Не думаю—ибо въ такомъ случаѣ они вели бы и счетъ процентамъ. Замѣчательна однакожь эта якобы добровольная потеря процентовъ, цифра которыхъ превышаетъ 100.000 фр. Вы, Пикъ, были банкиромъ—и слѣдовательно знаете, что банкиры не ожидаютъ присылки къ нимъ счетовъ, а сами ихъ составляютъ и уплачиваютъ. Вы признаете, что если у васъ и существовало условіе на счетъ процентовъ, то вы сами ни разу не показывали ихъ въ своихъ счетахъ—заключеніемъ счета, составленнаго вами въ маѣ 1868 года.

В. Неудивительно, такъ какъ мы не вели между собою общаго, инвентарнаго счета; тѣмъ не менѣе по процентахъ говорится два раза, именно, въ счетахъ отъ 30 июня и 30 декабря 1868 года.

О. Между тѣмъ съ этого именно времени начались раздоры между вами и вашими довѣрителями; назначая отъ себя высшій процентъ, вы дѣлали это всецѣнно въ пользу Тельфера, а единственно съ цѣлью поставить это на видъ довѣрителямъ вашимъ, и склонить ихъ къ новымъ денежнымъ выдачамъ; съ этою то цѣлью вы возвысили сумму слѣдующихъ отъ васъ 10% до 55.000.

Защитникъ Николе. Однако тяжба Пика съ его довѣрителями началась еще въ 1854 г., т. е. гораздо раньше обстоятельствъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Тельферъ. Я еще разъ повторяю, что никогда процентовъ отъ него не получалъ.

Пикъ. Вопросъ объ этомъ я считаю очень важнымъ.

Предс. Я постараюсь его разрѣшить. Тельферъ, дѣйствительно ли у васъ не было рѣчи о процентахъ до февраля 1869 года?

Тельферъ. Я еще разъ это утверждаю.

Пикъ. Позвольте мнѣ доказать ему...

Предс. Прошу васъ немного повременить отвѣтомъ.

Пикъ. Счетъ, о которомъ говорится, былъ полученъ Тельфе-

ромъ не отъ меня; онъ сказалъ кассиру моему, Моро. «я бы желалъ точно знать свое настоящее денежное положеніе», въ отвѣтъ на что послѣдній составилъ ему расчетъ, въ которомъ количество $\%$ показано въ 55.000.

Прокуроромъ, по предложенію предсѣдателя, прочитано слѣдующее письмо Тельфера къ Пику:

«Согласно вашему, неоднократно повторенному, обѣщанію, я рассчитывалъ получить отъ васъ, если не всю сумму долга, то покрайней мѣрѣ 200 т. фр., что должно было послѣдовать въ день перваго полученія вашими довѣрителями сколько нибудь значительной части слѣдуемой имъ отъ города Парижа суммы.

«Я нахожу бесполезнымъ повторять здѣсь сказанное мною третьяго дня объ образѣ дѣйствій, принятомъ въ отношеніи ко мнѣ вами и вашими довѣрителями. Мнѣ извѣстно, что вы получили изъ городской кассы значительную сумму — а въ своей принадлежности я и донныѣ не обезпеченъ. Вчера въ четвертомъ часу я былъ у васъ въ конторѣ, и, не заставши васъ, не былъ даже въ состояніи выразить вамъ свое неудовольствіе; я вынужденъ писать къ вамъ объ этомъ. Предупреждаю васъ, въ послѣдній впрочемъ разъ, что къ концу текущаго мѣсяца я непремѣнно долженъ получить свою принадлежность; деньги эти мнѣ необходимы для уплаты по документамъ, въ которомъ ваши же довѣрители мнѣ поручились, находящимся у лицъ, которыхъ я лично обѣщаль удовлетворить въ концѣ іюня. Не откажите сообщить содержаніе настоящаго письма вашимъ довѣрителямъ, а также увѣдомить меня, въ возможно краткій срокъ, какія мѣры приняты вами къ исполненію требуемаго мною».

Примите, и пр.

«Тельферъ».

Предсѣд. (Пику) письмо это, которое вы представляете въ свое оправданіе, было написано вслѣдствіе соглашенія между вами и Тельферомъ; доказательствомъ этому служитъ найденная у Тельфера черновая, писанная его рукою, но съ вашими поправками.

Тельферъ. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

В. (Тельферу) Съ какою цѣлью было оно написано?

О. Для того, чтобы показать его довѣрителямъ Пика.

Пикъ. Можетъ бы вы, Тельферъ, предполагали дать ему такое употребленіе.

Тельф. Во всякомъ случаѣ вамъ, г. Пикъ, принадлежитъ мысль объ этомъ.

В. (Тельферу) Увѣрены ли вы въ томъ, что черновая письма была составлена по соглашенію съ Пикомъ?

Тельф. Мнѣ лично не приходило это въ голову; Пикъ даже дѣлалъ въ ней поправки.

Предс. (Пикю) Еще нѣсколько словъ — и вашъ допросъ оконченъ. Получая чрезъ Тельфера суммы, которыя вы считали принадлежащими постороннимъ капиталистамъ, вы записывали по книгамъ каждую отдѣльно, съ отмѣткою, отъ кого получена; тѣ же, которыя вы получали отъ Тельфера непосредственно, записывались на ваше имя. Такъ ли это? Далѣе, слѣдствіемъ обнаружено, что вы вели жизнь роскошную—у васъ были собственныя лошади?

О. Никогда ничего подобнаго не было.

В. Каковы были ваши привычки?

О. Я жилъ чрезвычайно скромно и прилично; всѣ розыски полиціи не могли открыть въ отношеніи ко мнѣ ничего предосудительнаго.

В. Вы имѣли загородный домъ?

О. Я жилъ въ немъ съ родственниками—онъ меблированъ очень скромно.

В. (Тельферу) Были ли вы когда нибудь на дачѣ у Пика?

О. Одинъ разъ, и—въ самомъ дѣлѣ—ничего особеннаго тамъ не замѣтилъ.

В. А въ Парижѣ?

О. Это другое дѣло—здѣсь онъ жилъ очень роскошно.

Пикъ. Что же тутъ особенно роскошнаго?

Тельферъ. Конечно, съ моимъ и сравнивать невозможно.

В. Онъ занималъ квартиру въ 6000 фр. — неудивительно (Пикю однако, пора окончить вашъ допросъ. Итакъ вы утверждаете, что не знали источника суммъ, получаемыхъ вами отъ Тельфера?

О. Нѣтъ, не зналъ.

В. Вамъ небыли также извѣстны учиненные имъ подлоги?

О. Нимало, и въ этомъ отношеніи незаслуживаетъ уваженія несвоевременное, оговаривающее меня сознание Тельфера, которое вызвано можетъ быть угрызениями совѣсти. Тельферъ никогда не былъ со мною на столько откровеннымъ.

Тельферъ. Я говорилъ ему повременамъ, что нахожусь въ вынужденномъ дѣлать съ документами различные фокусы...

Пикъ. Неправда.

Тельферъ. Онъ очень хорошо зналъ, что я заимствую изъ кассы

Президентъ. Я прошу васъ замолчать.

Пикъ. Пусть онъ скажетъ, гдѣ я могъ слышать о томъ, что онъ заимствовалъ изъ кассы, или же чѣмъ онъ мнѣ это выказалъ.

Тельферъ. При каждой нашей встрѣчѣ я говорилъ ему: «я похожъ на вулканъ, каждую минуту готовый вспыхнуть»

Пикъ. Слова эти вовсе не возбуждали во мнѣ подобныхъ сомнѣній.

Въ. Съ какого времени началось ваше преступное соглашеніе? Когда вы въ первый разъ сказали ему: «я возьму для васъ деньги изъ кассы?»

Тельферъ. Пикъ въ началѣ дѣйствительно не зналъ, откуда братья для него деньги — но вскорѣ узналъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что каждый разъ слышалъ отъ меня слова: «нѣтъ у меня болѣе денегъ»

Предсѣдатель. Да, онъ зналъ очень хорошо, что у васъ нѣтъ собственныхъ, но онъ, какъ утверждаетъ, считалъ васъ довѣреннымъ агентомъ капиталистовъ.

Прокуроръ. (Пикъ) Итакъ, по вашему, Тельферъ говоритъ не правду?

Пикъ. Я не говорю этого, а только утверждаю, что онъ сдѣлался придирчивымъ — чувствуя свою гибель, старается вовлечь туда же и меня. Я много обязанъ Тельферу, но немогу ради его пожертвовать честью.

Предсѣдатель. Какую же выгоду можетъ видѣть Тельферъ въ вашемъ обвиненіи?

Пикъ. Онъ надѣется на нѣкоторое къ нему снисхожденіе.

Защитникъ Лайо. Какъ будто бы положеніе его чрезъ то можетъ поправиться!

Защитникъ Николе. Я готовъ поручиться въ этомъ.

Затѣмъ приступлено было къ допросу свидѣтелей.

Свидѣтель Ванно. (Vannaud), которому была поручена ревизія книгъ общества «Union», далъ слѣдующій объ этомъ отчетъ: Тельферъ, завѣдывая кассою общества, производилъ похищенія изъ суммъ послѣдняго, помещенныхъ въ французскомъ банкѣ; для скрѣпленія происходившаго такимъ образомъ недочета онъ долженъ былъ прибѣгать къ подлогамъ въ итогахъ разчетныхъ и другихъ

книгъ, каковыя подлоги за 1867 и 1868 годы мною обнаружены. Что же касается до документовъ, по которымъ причитались кассѣ общества платежи, то онъ ограничивался несвоевременною запискою ихъ на приходъ по кассѣ.

Вся цифра произведенныхъ похищений достигаетъ 1.478,000 фр. Затѣмъ мною приступлено было къ раскрытію употребленія, даннаго этимъ суммамъ, причемъ оказалось слѣдующее: Въ 1862 году Тельферъ передалъ своему брату 282 т. Затѣмъ, послѣ не состоятельности своего брата, онъ взялъ на себя устроенное послѣднимъ предпріятіе механическихъ подметалокъ, на что внесъ 61 т. Въ 1861 г. онъ принялъ участіе въ дѣлѣ каменной ломки и внесъ туда 5 т; въ 1867 г.—25 т. на дѣло общества поставки проводниковъ по выставкѣ. Исчисленныя суммы растрчены имъ лично; но самыя важныя похищенія онъ сдѣлалъ въ пользу Пика, заврѣмя бытности послѣдняго банкиромъ, а потомъ главою общества газеты «Etendard»; цифра этихъ похищений съ 1861 по 1865 г. доходить до 271 т. фр.

Съ 1862 г. возвратъ занятыхъ суммъ со стороны Пика вовсе прекратился, а передача ему Тельферомъ продолжается.—По разсмотрѣніи мною счетныхъ книгъ Пика, я нашель въ нихъ записанными на приходъ суммы только отъ гг. Буржуа и Дюшенъ; всѣ же другіе займы, сдѣланныя ему Тельферомъ, записаны въ счетъ самаго Пика, безъ обозначенія ихъ принадлежности. Пикъ, будучи спрошенъ, объяснилъ, что онъ былъ увѣренъ въ принадлежности денегъ, занятыхъ имъ у Тельфера, капиталистамъ, довѣрителямъ послѣдняго. Я не нашель никакого слѣда процентовъ по этимъ займамъ, и изъ всего видно, что Тельферъ ссужалъ Пика деньгами изъ кассы общества «Union», и что Пикъ зналъ объ этомъ.

Перехожу теперь къ журналу «Etendard». Для основанія его Пикъ обратился за деньгами къ Тельферу, который занялъ ему для этаго 726 т. фр; всего было передано Пикю Тельферомъ 1.024.000 фр. — Независимо отъ сего мною произведены розысканія, съ цѣлью провѣрить справедливость факта, что Пикъ зналъ о томъ, что въ обществѣ «Union» повѣрка кассы происходила по средамъ, а слѣдовательно — и о принадлежности занимаемыхъ имъ у Тельфера суммъ. При этомъ оказалось, что изъ 25 случаевъ произведенныхъ Пикомъ частныхъ уплатъ 20 приходились во вторникъ и въ среду; я нашель также много писемъ

Пика, писанных по вторникамъ и средамъ; это доказываетъ, что Пикъ интересовался повѣрками кассы общества, а слѣд. зналъ о ея положеніи.

Предс. (свидѣтелю) И такъ вы находите, что имѣющіяся въ дѣлѣ бумаги неопровержимымъ образомъ доказываютъ званіе Пикомъ происхожденія суммъ, которыя ему давалъ Тельферъ?

О. Да.

Предс. Свидѣтель Ванно, я удивлялся ясности вашего доклада, а теперь удивляюсь вашей памяти—вы ничего не забыли.

Одинъ изъ присяжныхъ. Какъ велика была сумма произведенныхъ Пикомъ уплатъ?

Экспертъ. Въ началѣ его долгъ по временамъ уменьшался, но съ конца 1862 г. онъ вмѣсто того все болѣе и болѣе увеличивается. И хотя въ 1864 году имъ былъ слѣланъ одинъ взносъ, но сумма его была взята спустя нѣсколько дней обратно, что, конечно, не измѣнило баланса. Мнѣ также показалось, что счета Тельфера съ Пикомъ начались довольно поздно.

Прокуроромъ, по предложенію предсѣдателя, прочитано слѣдующее письмо Пика:

Парижъ, 3 февраля 1867 г.

Любезный другъ!

«Только получивъ нынче утромъ отъ васъ счетъ, я замѣтилъ вкравшуюся въ него нелѣпность, именно я внесъ въ дебетъ то, что должно было быть въ кредитъ, и наоборотъ. Я сейчасъ его передѣлалъ и дополнилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я написалъ на немъ ваше имя, которое останется въ бѣловыхъ книгахъ до окончательной очистки счетовъ...»

«Пикъ».

Николѣ. Г. экспертъ, существуетъ ли какое-нибудь соотношеніе между временами похищенія Тельферомъ суммъ и передачи послѣднихъ Пикомъ?

Экспертъ. Источниковъ, по которымъ можно было бы слѣдить за похищеніями Тельфера, недостаетъ въ книгахъ. Можно дать себѣ отчетъ въ этомъ—только слѣдя за употребленіемъ похищенныхъ суммъ.

Николѣ. Я однако думаю, что время взятія известной суммы изъ кассы можно узнать по мѣрамъ, употребляемымъ Тельферомъ для сокрытія этого.

Прокуроръ. Требуемое вами мнѣ кажется невозможнымъ, такъ какъ эксперту недоставало данныхъ для того, чтобы слѣдить за каждымъ отдѣльнымъ похищеніемъ; самая сумма послѣднихъ могла быть опредѣлена только сличеніемъ расчетныхъ книгъ банка съ таковыми же общества «Union».

Предс. (Защитнику Николе). Время каждого отдѣльнаго похищенія можно узнать по роспискамъ Пика; но я не вижу въ этомъ большаго интереса послѣ того, какъ самые факты похищенія и поддѣлки признаны Тельферомъ.

Николѣ. Я съ своей стороны считаю это имѣющимъ нѣкоторую важность, по слѣдующимъ причинамъ: по словамъ Пика, Тельферъ могъ брать изъ кассы не только для него, Пика, но и для другихъ, на примѣръ для расчетовъ съ предполагаемыми довѣрителями его, капиталистами.

Свидѣтель Маасъ, директоръ компани «Union»: Я знаю Тельфера, который былъ у насъ кассиромъ, но вовсе незнаю г. Пика. Тельферъ вступилъ въ службу общества въ 1830 г., въ 1834 же былъ назначенъ кассиромъ; своими личными качествами онъ весьма скоро приобрѣлъ всеобщее уваженіе, велъ жизнь скромную, не превышающую получаемаго имъ жалованья и небольшого дохода отъ покупки и продажи акцій. Занимался онъ также промышленными предпріятіями, но ни одно изъ нихъ не было удачно. Первымъ изъ нихъ было (въ 1844 или 1845 г.) устройство дымогарныхъ рѣшетокъ, окончившееся значительною потерей; затѣмъ онъ занимался устройствомъ стрѣльбы въ Венсеннѣ, потомъ механическими подметалками; наконецъ онъ вошелъ въ сношенія съ Пикомъ, давалъ къ ему значительныя суммы — и чрезъ то погибъ.

Во время вступленія его въ общество «Union» я еще былъ дитятей; онъ пользовался довѣріемъ моего отца, который неразъ поручалъ ему все свое имущество. Я сдѣлалъ тоже, и никогда не могъ пожаловаться на него въ этомъ отношеніи. Когда я сдѣлался помощникомъ директора, на меня возложена была обязанность надзора за кассой. Этотъ надзоръ производился весьма правильно и точно; со всѣмъ тѣмъ никогда мы не испытывали ли малѣйшаго безпокойства — правда, мы имѣли полное довѣріе къ Тельферу. Мы дѣлали повѣрку какъ честные люди, увѣренные что ихъ не обманываютъ. Къ тому же капиталъ компани не былъ тогда очень великъ; послѣ онъ сдѣлался гораздо болѣе значительнымъ. Имен-

но, стали накапливаться суммы, слѣдующія въ дивидендъ акціонерамъ и по разнымъ случаямъ ими не полученные; суммы эти, готовые къ востребованію, не могли быть пущены въ оборотъ, и потому общество нашло болѣе удобнымъ помѣщать ихъ на текущій счетъ въ банкѣ и въ обществѣ поземельнаго кредита. Обращеніе капиталовъ сдѣлалось также болѣе значительнымъ въ послѣдніе годы, вслѣдствіе замѣны движимыхъ имуществъ на недвижимыя...

Предс. Не отвлекайтесь отъ дѣла.

Свидѣтель. Г. Мюссаръ замѣтилъ однажды, что въ одномъ счетѣ дебетъ и кредитъ не согласны, именно представляли разницу въ 20 т. фр; мы спросили объ этомъ Тельфера, и даннымъ имъ объясненіемъ вполне удовлетворились. Однако на другой день я сказалъ Тельферу: «это очень просто, поземельный кредитъ долженъ намъ 224 т. фр., которые мы вытребуемъ; составьте требованіе на 224 т. фр.» онъ не много противился этому, однако требованіе изготавилъ; я подписалъ его вмѣстѣ съ г. Мирабо, и былъ увѣренъ, что оно будетъ заплочено.

На другой день въ 4^{1/2} ч. я получилъ изъ конторы поземельнаго кредита письмо, въ которомъ, увѣдомляя о произведенной по нашему требованію уплатѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ просили пригласить г. Мюссаръ въ контору поземельнаго кредита для объясненій касательно его подписи на требованіи въ 204 т. фр. Я удивился, зная, что требованіе было въ 224 т., а не въ 204 т., и что не Мюссаръ, а Мирабо его подписывалъ.

Я сообщилъ объ этомъ Тельферу, который съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ возразилъ: «поземельный кредитъ долженъ быть 224000— это неподлежитъ сомнѣнію, и такую же сумму они уплатятъ!» при этомъ замѣтно было, что онъ находился въ дурномъ расположеніи духа. Во всю слѣдующую ночь я думалъ о происшедшемъ, и разсматривая дѣло совсѣхъ сторонъ, пришелъ къ убѣжденію, что Тельферъ могъ замѣнить требованіе въ 224.000, подписанное мною и, г. Мирабо, на другое, прежнее, въ 204000, дѣйствительно подписанное Мюссаромъ; руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, я на другой день утромъ поспѣшилъ въ контору поземельнаго кредита— и всѣ мои сомнѣнія оправдались.

Я увѣдомилъ объ этомъ завѣдывающаго управленіемъ общества: мы рѣшили въ понедѣльникъ созвать совѣтъ, а между тѣмъ повѣрить кассу. На слѣдующій день, въ воскресенье, мы пригласили Тельфера: онъ казался совершенно спокойнымъ; онъ объяснилъ,

что имъ записаны на приходъ 224000; документы и счета найдены нами въ порядкѣ; затѣмъ онъ спросилъ, не нуждаемся ли мы еще въ другихъ объясненіяхъ. Когда мы спросили на счетъ упомянутаго требованія на кассу поземельнаго кредита и оказавшейся при этомъ разницы въ 20.000 — онъ смутился, объяснилъ, что упомянутые 20.000 похищены у него изъ каассы состоящимъ при конторѣ прагивантомъ, и что затѣмъ нѣтъ болѣе никакого недочета. Затѣмъ, на другой день онъ увѣдомилъ насъ, что мы его болѣе не увидимъ, что недочетъ по кассѣ доходитъ до милліона; по повѣркѣ однакожъ такового оказалось 1.488.000. Впослѣдствіи мы узнали, что значительная часть этой суммы была передана Пика; по предложенію самаго Тельфера, мы пригласили Пика въ совѣтъ для объясненій; послѣдній явился, подтвердилъ справедливость показаній Тельфера, объяснивъ при этомъ, что онъ не зналъ происхожденія этихъ суммъ, обѣщаль пополнить ихъ — но предлагаемыя имъ къ тому средства оказались неимѣющими никакого пракческаго значенія. Дѣйствія Тельфера могли бы поставить наше общество въ значительное затрудненіе — но, къ счастью, кредитъ общества упроченъ. Въ 5 часовъ засѣданіе было закрыто до 10 часовъ слѣдующаго дня (29 іюля); допросъ свидѣтелей продолжается.

Свидѣтель Мюссаръ (Жанъ Шарль), 57 лѣтъ, бывший банкиръ. — Я участвую въ обществѣ не болѣе 10 лѣтъ. Во все это время Тельферъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ; жизнь велъ самую скромную, такъ что за квартиру платилъ не болѣе 900 — 1200 фр.

Перехожу затѣмъ въ дѣлу. Общество «Union» имѣло въ поземельномъ кредитѣ сумму въ 224.000, по расчетной же книгѣ оказался остатокъ этой принадлежности, въ количествѣ только 204.000 — это обстоятельство послужило поводомъ къ дальнѣйшимъ открытіямъ.

Второе обстоятельство, о которомъ я обязанъ показать, есть бытность Пика въ конторѣ общества и данныя имъ объясненія. Онъ казался очень изумленнымъ, узнавшио недочетѣ суммъ общества — онъ сказалъ, что считалъ Тельфера капиталистомъ. На мое возраженіе, что онъ зналъ о томъ, что Тельферъ неимѣетъ состоянія, онъ отвѣтилъ: «я это дѣйствительно зналъ, но я считалъ его повѣреннымъ другихъ капиталистовъ», и прибавилъ, что

онъ неотказывается принять на себя весь долгъ Тельфера обществу.
В. Вѣрили ли вы этимъ объясненіямъ Пика? *О.* Мнѣ было поручено рассмотреть и собрать все свѣдѣнія поэтому дѣлу, для выполненія чего я между прочимъ прочелъ все письма Пика къ Тельферу, въ которыхъ содержатся настоятельныя требованія отъ послѣдняго денегъ; при этомъ я долгомъ считаю сказать, что на многихъ письмахъ сдѣлана карандашомъ надпись «отказать» — Тельферъ видимо колебался. По сдѣланной мною тогда же проверкѣ, я опредѣлилъ цифру долга Пика въ 700.000.

Затѣмъ, отправившись къ Тельферу, я нашелъ его въ состояніи полного угнетенія; онъ сознался всею, показалъ цифру похищеннаго имъ дохода до 1.500.000, изъ котораго числа Пика передано 1.000.000. При этомъ онъ прибавилъ, что для себя не сохранилъ ни одного сантима, а все отдалъ своему брату или Пика, и что послѣдній не знаетъ о принадлежности этихъ суммъ; но въ послѣднемъ обстоятельствѣ я положительно сомнѣвался, хотя до того, прочитавъ одну только ихъ корреспонденцію, считалъ его за чистую правду; особенно убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи мнѣ показалось письмо Тельфера къ Пика, хотя и въ остальной ихъ перепискѣ нигдѣ не говорится о обществѣ «Union».

Николе. Когда Пикъ выразилъ готовность возмѣстить кассѣ общества происшедшій недочетъ, знали ли онъ, что недочетъ этотъ доходить до 1.500.000?

Мюссаръ. Нѣтъ, не зналъ, такъ какъ тогда цифра эта не была мною приведена въ извѣстность; во время же производствъ проверки Тельферъ, при каждой новой суммѣ, говорилъ: «это уже все».

Прокуроръ. Вы говорите, что читали всю ихъ переписку. Знакомо ли вамъ слѣдующее письмо Тельфера къ Пика (читаетъ): «Заплатите мнѣ проценты на 350 франковую ренту, считая по 3%, или капиталъ в 10.000 фр., взятыя въ тотъ же день. Заплатите наконецъ что нибудь — это необходимо. Мнѣ невозможно ждать до 22-го. Нынче уже суббота, будетъ поздно, вы погибнете — и я съ вами. Нужно употребить все средства, если же нѣтъ, то я буду вынужденъ объявить, что вы довели меня до такого состоянія, что, къ несчастью, совершенно справедливо».

«Тельферъ».

Николе. Отъ какого числа письмо это, не есть-ли это черновая?

Прокуроръ. Это не черновая — оно найдено у Пика и на немъ нѣтъ числа. Вотъ оно, посмотрите.

Мюссаръ. Я не видѣлъ этого письма.

Николе. Это письмо писано на половину карандашемъ на половину перомъ. Вы вполне увѣрены, что оно найдено у Пика?

Прокуроръ. Это удостовѣряется протоколомъ обыска.

Предс. Зная теперь денежныя отношенія между Тельферомъ и Пикомъ, не можете ли вы объяснить, что заставляло Тельфера производить похищенія, и притомъ для Пика?

Мюссаръ. Я думаю, что Тельферъ, похитивши первоначально въ кассѣ 500.000, питалъ надежду, что чрезъ Пика — банкира и редактора газеты — онъ получитъ большую прибыль и тѣмъ возмѣститъ первоначальный недочетъ.

Лашо. Это не болѣе, какъ предположеніе.

Свидѣтель Генрихъ Мирабо, 47 лѣтъ, банкиръ. Я управлялъ конторою общества «Union», когда директоръ того же увѣдомилъ меня объ оказавшейся разницѣ въ 20.000, а такъ какъ я самъ подписалъ требованіе въ 224.000 фр. на кассу поземельнаго кредита, то директоръ мнѣ сказалъ: «насъ обокрали». Я отправился къ вице-президенту; мы рѣшили созвать совѣтъ, затѣмъ я сказалъ директору: «между тѣмъ слѣдуетъ призвать Тельфера, повѣрить кассу и потребовать отъ него объясненій» что и было сдѣлано: Тельферъ явился, мы его спросили, откуда происходитъ разница въ 20.000 фр...

Предс. Не останавливайтесь долго на этихъ фактахъ.

Свидѣтель. Съ тѣхъ поръ ничего особенно важнаго не произошло.

В. Говорилъ ли вамъ Тельферъ, что похищенія были сдѣланы имъ для Пика?

О. Да, и вслѣдствіе этого мы тотчасъ же потребовали Пика для объясненій; въ продолженіе двухъ или трехъ дней мы воздерживались подавать жалобу, и наконецъ рѣшились сдѣлать это, имѣя въ виду интересы нашихъ акціонеровъ.

В. А потомъ Пикъ давалъ ли вамъ какія либо обѣщанія?

О. Онъ относился во всякомъ случаѣ не ко мнѣ, а ко всему совѣту.

В. Какого мнѣнія члены совѣта были объ этихъ обѣщаніяхъ; не говорили ли они, что обѣщанія Пика не могутъ быть названы серьезными?

О. Я не присутствовалъ при этомъ.

Свидѣтель Иосифъ Клеркъ, служащій въ обществѣ «Union».
Мнѣ положительно неизвѣстны сношенія между Тельферомъ и Пикомъ. Хотя я и видѣлъ иногда Пика въ нашей конторѣ, но не часто, въ особенности въ послѣдніе годы.

В. Въ которомъ часу Тельферъ приходилъ въ кассу?

О. Въ 10.

В. Въ которомъ часу оставлялъ ее?

О. Въ 4³/₄.

Одинъ изъ присяжныхъ. Кто занимался собственно приемомъ и выдачею?

О. Тельферъ.

Свидѣтель Буржуа, 79 лѣтъ, землевладѣлец. Я былъ знакомъ съ Тельферомъ, Пика же только видаль. Уже 30 лѣтъ я имѣю дѣловыя сношенія съ Тельферомъ, какъ акціонеръ «Union», поэтому я имѣлъ часто случай его видѣть; при наступленіи сроковъ я приходилъ получать проценты; въ его рукахъ были мои акціи общества омнибусовъ, и Тельферъ мнѣ говорилъ, что онъ управляетъ послѣднимъ обществомъ.

В. (Тельферу). Дѣйствительно ли вы управляли?

О. Нѣтъ, но я нѣкогда управлялъ обществомъ «Фаворитъ».

В. (свидѣтелю). Что сдѣлалось съ вашими акціями?

О. Онѣ остались въ рукахъ Тельфера.

В. Онѣ были проданы?

О. Нѣкоторыя были проданы, а другія еще остались.

В. Осталось 8; Тельферъ заплатилъ ли вамъ за нихъ купоны?

О. Да.

В. Итакъ Тельферъ говорилъ правду, что онъ долженъ былъ заплатить купоны Буржуа (свидѣтелю). Имѣли вы сношенія съ Пикомъ?

О. Весьма не близкія, именно — я имѣлъ акціи общества Франтернитадъ.

В. Какое ваше мнѣніе объ этомъ обществѣ?

О. Я считалъ предпріятое имъ дѣло очень сомнительнымъ.

Свидѣтель Мишель. Въ 1865 году я былъ назначенъ временнымъ администраторомъ промышленной кассы Пика, такъ какъ наблюдательный совѣтъ не рѣшился одинъ нести отвѣтственность. Пикъ устранился отъ дѣлъ, чтобъ облегчить назначенному отъ суда эксперту временное управленіе ими.

В. Известно ли вамъ обязательство въ 20.000 фр., котораго Пикъ немогъ заплатить?

О. Да, я зналъ о немъ; впрочемъ я былъ назначенъ администраторомъ временнымъ, мое управленіе длилось только 23 дня; въ это время я успѣлъ только составить общую смѣту и, кажется, небылъ очень строгъ, уменьшивъ цифру актива общества до 1 милліона. Тѣмъ не менѣе г. Пикъ не принялъ моей смѣты; общее собраніе оставило Пика въ должности управляющаго дѣлами, придавъ къ нему г. Вейсье въ качествѣ контролера.

В. Чѣмъ вы руководствовались въ упомянутомъ выше уменьшеніи цифры актива?

О. Это было уже давно, и я точно не помню.

Николе. Гдѣ были найдены облигаціи г. Буржуа?

Свидѣтель. Въ кассѣ «Union». Я помню, что активъ банка Пика состоялъ изъ рудниковъ: Фратернитадъ, въ суммѣ 900.000 фр., которую я уменьшилъ до 400.000 — по какой цѣнѣ они были куплены, и Ози, съ цѣнностью которыхъ я поступилъ также. Кроме того Пикъ лично долженъ былъ 100.000 фр. обществу; по видимой несостоятельности Пика, я этотъ долгъ тоже исключилъ изъ цифры актива.

Председатель читаетъ показаніе, данное свидѣтелемъ на предварительномъ слѣдствіи, изъ котораго видно, что Пикъ въ дѣлахъ легкомысленъ, занимался ими только въ предѣлахъ ежедневныхъ надобностей, склоненъ къ увлеченіямъ и вслѣдствіе этого истарается увлечь и другихъ.

Свидѣтель. Это впрочемъ относится только къ послѣднему времени, когда Пикъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ избѣжать несостоятельности.

Николе. Незнаетъ ли свидѣтель, съ согласія ли Пика былъ назначенъ временный администраторъ?

Свидѣтель. Пикъ нимало этому не противился.

Председатель. Его сопротивленіе могло бы возбудить сильныя пренія.

Николе. Свидѣтель говоритъ, что Пикъ былъ приданъ какъ бы надсмотрщикъ за его дѣйствіями, не состоялось ли это по требованію самого Пика?

Свидѣтель. Я не думаю, чтобъ эта мысль прошла г. Пикю, но онъ согласился на нее очень охотно.

Николэ. Въ протоколѣ общаго собранія положительно сказано, что по просьбѣ Пика былъ ему приданъ въ помощники Вейсье.

Свидѣтель Жерменъ Вейсье. Въ августѣ 1865 г. я былъ приглашенъ въ общее собраніе акціонеровъ кассы Пика, и тамъ г. Мишель спросилъ меня, приму ли я должность контролера въ банкѣ Пика и компаніи. Я изъявилъ согласіе, общее собраніе акціонеровъ дало мнѣ надлежащее полномочіе, и я вступилъ въ должность въ сентябрѣ того же года.

В. Въ чемъ состояла ваша обязанность?

О. Слѣдить за всѣми оборотами, какъ по приходу, такъ и по расходу; подпись Пика безъ моей не имѣла никакого значенія.

В. Предпринимали ли вы какіе нибудь новыя обороты?

О. Нѣтъ.

В. Извѣстенъ ли вамъ докладъ г. Мишель?

О. Да, г. Мишель не утвердилъ оцѣнки г. Пика, и сбавилъ цифру актива общества до милліона; общее собраніе оставило этотъ вопросъ нерѣшеннымъ. Такимъ образомъ предложеніе о ликвидаціи длилось болѣе года—я счелъ полезнымъ приступить къ ней. Г. Пикъ на основаніи устава могъ домогаться назначенія егѣ ликвидаторомъ; онъ не требовалъ этого, удалился отъ дѣлъ и основалъ новое предпріятіе—газету «Etandard»; тогда я образовалъ синдикатъ, который вскорѣ освѣдомился объ истинной цѣнности рудниковъ Фратернитадъ.

В. Въ какомъ положеніи по книгамъ былъ Пикъ относительно Тельфера?

О. Имя Тельфера по книгамъ нигдѣ незначится, кромѣ первоначально сдѣланной имъ подписки на акціи, и между бумагами самаго Пика не найдено никакихъ счетовъ на имя Тельфера.

В. Незамѣтили ли вы вообще чего нибудь особеннаго?

О. Я замѣтилъ, что отъ Пика поступали въ кассу и записывались въ его счетъ весьма значительныя суммы, иногда по 100.000 фр. въ недѣлю; въ началѣ я немогъ понять этого, и только позже узналъ, что деньги эти были почерпаемы изъ кассы «Union».

В. Акціонеры кассы Пика потеряли ли весь свой вкладъ?

О. Это очень возможно и вѣроятно, такъ какъ капиталъ общества весь растроченъ.

В. Что вы думаете о назначаемомъ Пикомъ дивидендѣ съ рудниковъ—было ли это дѣйствіе съ его стороны добросовѣстное?

О. Пикъ никогда не посѣщаль этихъ рудниковъ, составляющихъ между тѣмъ значительный капиталъ. Онъ положился въ этомъ отношеніи на инженеровъ, которые ему обѣщали большія выгоды— слѣдовательно, назначая дивидендъ, онъ могъ поступать вполне добросовѣстно.

Прокуроръ. Пикъ имѣлъ право на 40 проц. изъ прибыли?

Свидѣтель. Да, послѣ предварительнаго вычета изъ нея 5 проц.; это было ему присвоено уставомъ.

Свидѣтель Жакъ Коллье, журналистъ, главный редакторъ газеты «*Courrier de l'Aisne*». Я поступилъ на службу въ контору банка Пика и К^о; за время моей бытности послѣдній состоялъ съ Тельферомъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ.

В. Состояли ли вы на службѣ и во время процесса между Бильномъ и Пикомъ?

О. Да, но изъ этого процесса мнѣ извѣстна одна только рѣчь прокурора Декютюръ. Къ основанію газеты «*Etendard*» были сдѣланы двѣ неудачныя попытки, а только третья удалась.

В. Во время существованія этой газеты не были ли вы въ маѣ 1867 года съ Пикомъ въ Банковой улицѣ въ каретѣ? Не поручаль ли онъ вамъ снести письмо къ Тельферу и подождать отвѣта?

О. Да, онъ мнѣ сказалъ: «вотъ письмо, которое я васъ прошу отнести къ Тельферу; если его дома нѣтъ—подождите». Я взошелъ на верхъ, долго дожидался, наконецъ отдалъ письмо вошедшему Тельферу, который, прочитавъ, пожалъ плечами, пошелъ къ своей кассѣ, вынулъ пачку банковыхъ билетовъ, положилъ ее въ карманъ и спустился внизъ вмѣстѣ со мной. Ждалъ же я Тельфера потому, что онъ былъ на погребеніи.

В. (Пикю). Правда ли это?

Пикъ. Все эти подробности я узналъ во время слѣдствія.

В. Но вы давали свидѣтелю Коллье это письмо, съ приказаніемъ ждать Тельфера, если его дома нѣтъ?

Пикъ. Я рѣшительно не помню. Не спору, что я часто просилъ денегъ у Тельфера; можетъ быть я даже и посылалъ нѣсколько разъ за этимъ Коллье, какъ и всякаго другаго, но я не помню факта, о которомъ говоритъ свидѣтель. Кромѣ того видно, въ какомъ духѣ послѣдній даетъ противъ меня показанія; какъ оказывается, онъ забылъ всякое чувство благодарности.

Свидѣтель. Я утверждаю, что сказалъ правду; я только разъ былъ у Тельфера.

Пикъ. Не угодно ли вамъ, г. Предсѣдатель, спросить у свидѣтеля, не домогался ли онъ быть допрошеннымъ на слѣдствіи?

Предсѣдатель. Прежде чѣмъ я предложу этотъ вопросъ, объясните, какія причины могли его побуждать къ этому?

Пикъ. Вотъ онъ: я былъ полезенъ г-ну Коллье, насколько могъ: давалъ ему все, даже платѣ, допустилъ къ участию въ изданіи газеты; когда при печатаніи ея сталъ оказываться недочетъ экземпляровъ, я поручилъ ему надзоръ за этимъ, но съ того именно дня упомянутый недочетъ сталъ увеличиваться; подозрѣваемыя въ этомъ рабочіе стали слѣдить — и открылось, что недочетъ причиняется самимъ Коллье. Онъ зналъ, что мнѣ упомянутый фактъ извѣстенъ; далѣе, я устранилъ его отъ участія въ изданіи; съ этого дня онъ обѣщаль мнѣ мстить, и вы видите, что онъ сдерживаетъ свое слово.

Коллье. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ былъ порученъ надзоръ за печатаніемъ, но пусть г. Пикъ назоветъ рабочихъ, которые обвинили меня въ этомъ — я заставлю ихъ повторить сказанное ими здѣсь же.

Предсѣдатель. Мы не можемъ превращать судебного засѣданія въ слѣдствіе.

Свидѣтель. Я еще разъ утверждаю, что не дѣлалъ никакой фальши въ печатаніи газеты.

В. (Пикъ). Но если вы остались недовольны свидѣтелемъ Коллье, почему же вы помѣстили его къ Тельферу? Еслибы вы были его вѣрнымъ другомъ, вы бы сказали: «я не довѣряю Коллье, не нужно его помѣщать къ Тельферу». (*Тельферу*) Довольны ли вы были свидѣтелемъ Коллье? —

О. Я не могу его особенно похвалить, но и не могу обвинить его въ нечестности.

Николъ. Г. Коллье не отрицаетъ того, что самъ вызвался дать показаніе на слѣдствіи?

Коллье. Да, я вызвался, и сказалъ притомъ слѣдователю, что Пикъ былъ по временамъ моимъ должникомъ на незначительныя суммы — 60 до 80 франковъ.

Свидѣтель Дюрюи, 69 лѣтъ, бывший кассиръ въ редакціи «Etendadt». При первой суммѣ, переданной мнѣ Пикомъ и взятой имъ отъ Тельфера, я спросилъ, слѣдуетъ ли ее записать въ счетъ послѣдняго — и получилъ отвѣтъ: «подождите, пока я точ-

нѣ узнаю намѣренія г. Тельфера»; вслѣдствіе сего эта сумма записана мною на имя неизвѣстнаго, подъ буквою Х.

В. Отъ кого вы получали эти суммы?

О. Обыкновенно отъ самаго Пика.

В. Въ настоящемъ году не имѣлъ ли Пикъ какого нибудь процесса?

О. Да, и предъ отправленіемъ своимъ въ судъ, онъ вручилъ мнѣ незапечатанное письмо, по которому бы я могъ, въ случаѣ крайней необходимости, достать у Тельфера денегъ; чрезъ часъ или два такая необходимость случилась — и я отправилъ упомянутое письмо по адресу, написавши на немъ сумму 3500 франковъ.

В. И вы получили эту сумму?

О. Да, немедленно.

В. Это васъ не удивило?

О. Я къ этому привыкъ, такъ какъ подобное случалось почти ежедневно — и притомъ я слѣпо вѣрилъ словамъ Пика, что Тельферъ состоитъ агентомъ у многихъ капиталистовъ.

В. Вы показали на слѣдствіи: «содержаніе этого письма меня не много удивило — именно, я никакъ не могъ себѣ объяснить, почему Пикъ можетъ требовать у Тельфера денегъ немедленно, не давая послѣднему времени повидаться съ его довѣрителями; но я до такой степени уважалъ Тельфера, зная при томъ его скромную, трудовую жизнь, что я подумалъ: если онъ и заимствуетъ изъ кассы, то не иначе, какъ имѣя полную возможность къ слѣдующему же утру ее пополнить — и поэтому упрекалъ себя за родившіяся было во мнѣ подозрѣнія».

Свидѣтель. Я неговорилъ этого на слѣдствіи.

Предс. Но вѣдь вы человѣкъ образованный, должны помнить сказанное — и притомъ показаніе это вами подписано.

Свид. Г. слѣдственный судья по всей вѣроятности меня не понималъ, и такимъ образомъ письменное показаніе не соответствуетъ словесному.

Никол. Я прошу свидѣтеля разсказать все, что онъ знаетъ о образѣ жизни и привычкахъ Пика.

Свид. Это человѣкъ дѣятельный, работающій съ жаромъ, почти лихорадочнымъ; я былъ съ нимъ постоянно вмѣстѣ, и убѣдился въ простотѣ его образа жизни. (Далѣе, по требованію г. Николе, свидѣтель объяснилъ, что Пикъ часто рвалъ въ клочки отвѣтныя

письма Тельфера, приговаривая: «незнаю, какъ мнѣ быть—я считываль имѣть эту сумму нынѣ же».... и т. д.).

Свидѣтель Эрнестъ Моро, главный секретарь редакціи «*Standard*». — Я находился въ службѣ у г. Пика очень долгое время.

В. Имѣлъ ли Пикъ текущій счетъ въ банкѣ, дѣлами котораго завѣдываль?

О. Да.

В. Часто ли онъ дѣлалъ денежные вклады?

О. Не помню — впрочемъ, это не трудно вывести по книгамъ. Въ редакціи же я занимался вообще административною частью, и только наблюдалъ за счетоводствомъ, но самъ не велъ счетныхъ книгъ.

В. Часто ли Пикъ видѣлся съ Тельферомъ?

О. Очень рѣдко.

В. Не удивляли ли васъ требованія Пикомъ отъ Тельфера денегъ, въ особенности неожиданныя?

О. Несомнѣнно, и я замѣчалъ не разъ: «не лучше ли было бы предупредить Тельфера за нѣсколько дней»; но эти замѣчанія мною были дѣлаемы безъ всякихъ къ тому фактическихъ основаній.

В. Даваль ли при васъ Пикъ такія нибудь обѣщанія Тельферу?

О. Никакихъ.

В. Съ какою цѣлью Пикъ передалъ Тельферу векселя своихъ довѣрителей?

О. Въ видѣ обезпеченія.

В. Поэтому Тельферъ небылъ въ правѣ продать ихъ другимъ лицамъ?

О. Я думаю, что Тельферъ всегда былъ въ правѣ это сдѣлать, такъ какъ на векселяхъ этихъ были передаточныя надписи Пика.

В. Вы думаете, что Тельферъ пустилъ ихъ въ ходъ?

О. Я не знаю, а только предполагаю.

В. Тельферъ, требуя отъ Пика возврата денегъ, говорилъ ему: «вы меня ставите въ неприятное положеніе — я, лично, понимаю причины вашей неаккуратности въ уплатѣ — но чѣмъ я оправдаюсь предъ третьими лицами, довѣрившими мнѣ свои капиталы?» (Тельферу): Вы говорили это Пикю?

О. Я говорилъ эти слова г. Моро.

Прокуроръ. Выходить, будто Тельферъ прямо говорилъ свидѣтелю, что онъ бралъ деньги изъ кассы «Union».

Николѣ. Какъ будто обороты суммъ между Тельферомъ и Пикомъ не совершались явно, публично?....

О. Да.

Николѣ. Какъ будто Пиеъ не посылалъ то того, то другаго изъ служащихъ къ Тельферу, то съ письмами, то прямо за полученіемъ денегъ?

Свидѣтель. Совершенно вѣрно — не было служащаго, который бы хоть разъ не былъ посылаемъ къ Тельферу. При этомъ я прошу позволенія припомнить одинъ пунктъ обвинительнаго акта: въ пунктѣ этомъ выражено удивленіе, что у Пика не найдено писемъ Тельфера: на это я могу замѣтить, что Тельферъ писалъ къ Пикку — но всегда самыя коротенькія, изъ нѣсколькихъ словъ состоящія, записочки, карандашемъ, на клочкѣ бумаги.

Пред. Васъ не удивляло и то, что Пиеъ не велъ никакихъ счетовъ?

Прокуроръ. Свидѣтель находитъ это вполне естественнымъ.

Николѣ. Это такъ. Какимъ же образомъ дошло до расчета процентовъ въ юнѣ 1868 года?

О. Помню, что я вывелъ итогъ процентовъ, уплаченныхъ Тельферу; вскорѣ затѣмъ слѣдовало выслать % по другому счету; при этомъ Тельферъ сказалъ мнѣ: «я не дамъ вамъ денегъ, пока вы мнѣ не дадите расчета — я хочу знать, въ какомъ положеніи наши счета»; тогда я просилъ его подождать до окончанія года.

Предс. Тельферъ утверждаетъ, что онъ получилъ всего на все-го одинъ только счетъ.

Николѣ (свидѣтелю). Говорили ли вы когда нибудь съ Тельферомъ о процентахъ?

Свидѣтель. Очень часто.

Тельферъ. Никогда этого не было — и я требовалъ отъ г. Моро вовсе не расчета, а только общей вѣдомости.

Предс. Тельферъ, что заставляло васъ производить похищенія?

О. Я старался возратить то, что было мною прежде взято.

Николѣ. Какимъ образомъ сошелся Пиеъ съ своими довѣрителями?

Свидѣтель. Я свелъ ихъ съ Пикомъ.

Свидѣтель Дельпла, 61 года, кавалеръ почетнаго легіона,

управляющий конторою объявленій «Фениксъ». Прежде всего я обязанъ сказать, что г. слѣдственный судья далъ слишкомъ обширное значеніе словамъ моимъ: «я считаю Пика способнымъ на все»; я понималъ это только въ отношеніи финансовыхъ операцій.

Я очень хорошо зналъ отца Пика, бывшаго адвокатомъ въ Фуа, человѣка въ высшей степени достойнаго уваженія; я зналъ также семейство Дарно въ Тулузѣ. Жюль Пиеъ, отправляясь въ Парижъ, получилъ ко мнѣ рекомендацію; я его принялъ какъ лучшаго друга. Онъ хотѣлъ устроить въ Парижѣ промышленную кассу, наподобіе той, которую Дарно имѣлъ въ Тулузѣ; я оказалъ ему пособіе, подписавшись на акціи его предпріятія, на сумму 25 000 фр., и распространивши эту подписку между моими друзьями; я же познакомилъ его съ г. Дешьеръ, маклеромъ страхованія при обществѣ «Union», человѣкомъ очень дѣятельнымъ и имѣющимъ обширныя дѣловыя сношенія. Въ устроенной такимъ образомъ кассѣ я состоялъ, въ началѣ, членомъ наблюдательнаго совѣта. Пиеъ, въ качествѣ управляющаго дѣлами, имѣлъ 40% изъ чистой прибыли, независимо отъ расходовъ на содержаніе конторы, въ назначеніи которыхъ онъ, кажется, не стѣснялся. Незнаю, имѣлъ ли онъ особенные виды, выговоривши для себя право имѣть въ кассѣ текущій счетъ—знаю только, что это оказалось для него пагубнымъ. Съ теченіемъ времени, усматривая, что мои совѣты на Пика не дѣйствуютъ, и не желая компрометтировать свое имя, я, подъ предлогомъ многочисленныхъ занятій, вышелъ изъ числа членовъ наблюдательнаго совѣта. Затѣмъ въ теченіи года я еще поддерживалъ сношенія съ Пиеомъ—наконецъ, потерявъ всякое къ нему уваженіе, окончательно прекратилъ съ нимъ знакомство.

Въ первые 15 мѣсяцевъ своего существованія касса Пика поставила акціонерамъ около 10% прибыли. Трудно опредѣлить, былъ ли этотъ дивидендъ дѣйствительнымъ или же только воображаемымъ—ни я, ни другіе члены совѣта не могли никогда разобратъ отчетовъ, представляемыхъ намъ Пиеомъ—мы ограничивались тѣмъ, что подписывали ихъ, не читая.

Послѣ прекращенія сношеній съ Пиеомъ, я замѣтилъ, что касса его быстро стремится къ ликвидаціи, что администраторъ, назначенный судебною властью, призналъ необходимымъ значительно уменьшить представленную Пиеомъ цифру актива, и наконецъ, что Пиеъ задолжалъ на весьма значительную сумму—отчасти какъ подписчикъ или пріобрѣтатель неоплаченныхъ акцій, отчасти за

произведенные имъ изъ кассы произвольные заборы, отчасти же наконецъ подь видомъ текущаго счета. По слухамъ я узналъ о процессѣ Пика съ Биллиономъ, изъ газетъ же — заключеніе, данное по этому дѣлу г. прокуроромъ Декютюръ; строгость мнѣній, выраженныхъ въ этомъ заключеніи, меня вовсе не удивила, ибо я издавна считалъ Пика въ отношеніи денежныхъ дѣлъ на все способнымъ.

Я зналъ также издавна Тельфера, какъ человѣка, въ высшей степени честнаго; узнавши о его сношеніяхъ съ Пиеомъ, я возымѣлъ подозрѣніе, что Пикъ, при посредствѣ Дешьера, выманиваетъ деньги у Тельфера. Встрѣтившись съ послѣднимъ, я съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ его, почему онъ продолжаетъ знакомство съ Пикомъ, не скрывая при этомъ своего дурнаго о немъ мнѣнія; Тельферъ, съ самымъ спокойнымъ видомъ, разувѣрилъ меня въ этомъ — и я повидимому успокоился; но, не смотря на то, меня непереставали тревожить грустныя предчувствія — ибо я спрашивалъ себя — откуда Пикъ достаетъ столько денегъ? серьезныхъ вкладчиковъ онъ, по моему мнѣнію, имѣть не могъ. Я незнаю, въ какой мѣрѣ Дешьеръ вліялъ на образъ дѣйствій Тельфера — знаю только, что тотъ же Дешьеръ не разъ былъ обманываемъ и эксплуатируемъ Пикомъ. Дешьеръ скончался въ эпоху ликвидаціи кассы Пика и начала его процесса съ Биллиономъ — и друзья Дешьера всегда думали, что смерть послѣдняго ускорилась вслѣдствіе огорченій, испытанныхъ имъ отъ сношеній съ Пикомъ.

Прибавлю еще, что супруга моя одинадцать лѣтъ тому назадъ устроила бракъ Пика, съ женщиною прелестною, изъ уважаемаго семейства, но безъ всякаго состоянія, и что Пикъ, самъ по себѣ тоже неизмѣннѣйшій никакого состоянія, вѣлъ всегда жизнь почти роскошную.

Предсѣд. Все ли вы сказали?

Свидѣтель. Все, и вполне точно.

Свидѣтель Монжаль, подрядчикъ общественныхъ работъ. Я прибрѣлъ нѣкоторое количество облигацій «Фратернитадъ», выпущенныхъ Пикомъ. Въ 1865 году часть этихъ облигацій, въ количествѣ 171 — были мнѣ уплачены; затѣмъ я прибрѣлъ новое количество, и тогда то я вошелъ въ сношенія съ гг. Пикомъ и Моро.

Въ апрѣлѣ 1866 года я вмѣстѣ съ г. Магнѣ, моимъ компаніономъ по подрядамъ, имѣлъ счеты съ пришедшимъ въ несостоятельность банкомъ Сентъ-Бріе. Г. Моро, къ которому мы обрати-

лись по дѣлу облигацій «Фратернитадъ», предложилъ намъ свои услуги по предмету упомянутыхъ счетовъ—и, дѣйствительно, привелъ эти счета въ порядокъ; при этомъ случаѣ онъ предложилъ намъ, отъ имени Пика, выгодное дѣло.

На другой день мы повидались съ Пиеомъ, который намъ сказалъ, что дѣло идетъ объ основаніи періодическаго изданія. Въ началѣ это предложеніе насъ очень удивило и мы отказались, по той причинѣ, что «мы люди темные, занимаемся исключительно постройками и другими подобными работами»; далѣе—что у насъ нѣтъ денегъ, а только принадлежности отъ государства и города Парижа, которыя къ тому же еще не выдаются, ибо находятся въ спорѣ. На это онъ возразилъ, что мы можемъ заработать значительную сумму, не дѣлая никакихъ денежныхъ затратъ,— что, кромѣ того, силою его вліянія и связей, наши принадлежности отъ государства и города будутъ намъ заплочены не далѣе трехъ мѣсяцевъ, что мы получимъ концессіи на новыя общественныя работы, что онъ насъ представитъ разнымъ вліятельнымъ лицамъ и т. д. Мы согласились—и 18-го іюня 1866 г. подписали актъ основанія общества; при этомъ мы только заручились письменнымъ обязательствомъ въ томъ, что отъ насъ не потребуютъ денегъ прежде, чѣмъ кассы государственная и городская окончательно съ нами разсчитаются. Вслѣдъ за тѣмъ мы внесли 150.000 фр. наличными деньгами и такую же сумму векселями, которые должны были быть возобновляемы до тѣхъ поръ, пока претензіи наши не будутъ удовлетворены. На заявленіе наше, что у насъ затѣмъ ничего не осталось, Пикъ отвѣтилъ, что не только отъ насъ не потребуется никакого новаго вклада, но что онъ займетъ намъ денегъ столько, сколько намъ будетъ нужно, по желанію.

Въ іюнь 1867 г. мы получили изъ государственной казны 30 т. фр., въ расчетъ.

Эти 30 т. фр. были нами даны Пикю, который долженъ былъ намъ возвратить на такую же сумму векселей, но онъ послѣднихъ не отдалъ. Потомъ, въ 1868 г., мы получили отъ города 224 т. фр., изъ которыхъ внесли Пикю 100 т. Что касается до упомянутыхъ нашихъ векселей на 150 т. фр., то они, въ полной первоначальной суммѣ, дѣйствительно были возобновлены, но обратно отъ Пика мы ихъ не получили.

Затѣмъ въ іюнь 1868 года Пикъ сталъ грозить намъ судебнымъ преслѣдованіемъ за невнесеніе нами суммъ по командитству;

тогда я обратится въ контору редакціи, требуя свѣдѣній о положеніи нашихъ счетовъ; послѣ многихъ проволочекъ, мнѣ вмѣсто правильныхъ счетовъ показали какіе то отдѣльные листы, въ которыхъ имя Тельфера было написано по подскобленному, кажется вмѣсто буквы Х...

Я потребовалъ главную книгу — но она не была ведена на бѣло съ конца 1866 г. Все это показалось мнѣ подозрительнымъ, не смотря на слова Моро, что Пикъ очень богатъ, что у него по крайней мѣрѣ 600 т. фр.; приэтомъ Моро утверждалъ, что его ссужаетъ деньгами Тельферъ, кассиръ «Union». Я ему возражалъ, что кассиръ, получающій всего нѣсколько тысячъ франковъ въ годъ, не можетъ имѣть въ распоряженіи подобныхъ суммъ; тогда Моро началъ говорить о Тельферѣ, депутатѣ въ законодательномъ собраніи.

Предс. Въ самомъ дѣлѣ, въ законодательномъ собраніи былъ депутатъ Тельферъ, нынѣ умершій.

Свидѣтель. Въ январѣ настоящаго года я былъ у Тельфера, въ конторѣ «Union»; на вопросъ о нашихъ веселяхъ, онъ отвѣтилъ, что у него дѣйствительно были таковыя, но теперь ихъ нѣтъ. — Мы подали жалобу императору — онъ поручилъ насъ г. министру, пригласившему насъ продолжать наши операціи. Затѣмъ Пикъ обжаловалъ насъ коммерческому суду — мы, въ свою очередь, подали просьбу о прекращеніи общества, вслѣдствіе которой судомъ было постановлено — существованіе общества прекратить, и назначить г. Гаррюель для ликвидаціи дѣлъ его.

Свидѣтель Гаррюель. Мнѣ была поручена ликвидація общества газеты «Etendard»; по разсмотрѣніи счетовъ, мною начтено за Пикомъ долга обществу на сумму 61 т. фр. Нынѣ мною заведенъ искъ къ гг. Монжаль и Магніе, съ цѣлью понудить ихъ ко внесенію въ общество суммъ, на которыя они подписались въ качествѣ коммандиторовъ Пика.

Этимъ кончился допросъ свидѣтелей со стороны обвиненія; затѣмъ засѣданіе было прекращено на полчаса, и по возобновленіи его приступлено было къ допросу свидѣтелей, выставленныхъ подсудимыми — Тельферомъ и Пикомъ.

Первые показали, что Тельферъ поступалъ всегда честно, велъ жизнь весьма простую и скромную; произведенныя имъ похищенія, — которыми онъ впрочемъ самъ отнюдь не воспользовался,

а все отдавалъ брату своему и Пикау — по ихъ мнѣнію заставляють въ немъ предполагать родъ упомѣшательства.

Свидѣтели со стороны Пика точно также выразили самое лучшее мнѣніе о его нравственныхъ качествахъ: они утверждали, что въ конторѣ «Etendard» счетоводство велось исправно, что Пикъ вовсе не вель приписываемой ему роскошной жизни, что смерть Денъера послѣдовала отъ отека въ груди и неудачной охоты, а вовсе не вслѣдствіе упомянутыхъ выше огорченій, и т. д.

Затѣмъ предсѣдателемъ прочитано письмо свидѣтеля Гаскѣ, который, вслѣдствіе служебныхъ занятій не будучи въ состояніи лично явиться въ судъ, письменно удостовѣрялъ, что въ поведеніи Пика онъ лично не видѣлъ ничего предосудительнаго, что жизнь его вовсе не превышала средствъ, и т. д.

Одинъ изъ присяжныхъ. Свидѣтель Моро, утверждали ли вы, что Пикъ имѣлъ собственныхъ 600 т. франковъ?

Моро. Я никогда этого не говорилъ.

Монжаль. Однако вы мнѣ это не разъ говорили.

Затѣмъ прокуроръ Лепелетъе произнесъ рѣчь, въ которой, поддерживая обвиненіе противъ Тельфера и Пика, стремился главнымъ образомъ доказать знаніе послѣднимъ принадлежности даваемыхъ ему Тельферомъ суммъ; рѣчь его продолжалась съ 2 до 5 часовъ, послѣ чего засѣданіе было прекращено.

На другой день (30 іюля) засѣданіе началось прямо рѣчами защитниковъ. Слово было дано защитнику Тельфера, адвокату Лашо, который произнесъ слѣдующее:

Гг. судьи и присяжные! Настоящее дѣло трудно и печально, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишено нѣкоторыхъ особенностей.

Мой кліентъ похитилъ болѣе 1½ милліона у общества «Union», гдѣ онъ служилъ кассиромъ, для скрытія этихъ похищеній составлять подложные документы — и все это совершено имъ безъ всякой для себя пользы, безъ личной выгоды. Сказанное мною не подлежитъ оспариванію. Въ первый разъ въ жизни мнѣ приходится защищать человѣка, обвиняемаго въ совершеніи преступленій — въ пользу другихъ, преступленій, учиненныхъ вслѣдствіе слабости, добраго нрава, услужливости; да — онъ подчинялся вліянію, имѣвшему для него роковыя послѣдствія, плодами же преступныхъ своихъ дѣйствій не пользовался. Случаевъ, подобныхъ настоящему, донинѣ не было, и, надѣюсь, они не возобновятся.

Тельферу 66 лѣтъ — и во все продолженіе ихъ, до послѣдней минуты, онъ пользовался самою лучшею репутаціею. Онъ отличался трудолюбіемъ, никогда не оказался въ чемъ нибудь неисправнымъ; семейная жизнь его была безъупречна, не представляетъ ни одного дня разгула. Жизнь велъ весьма скромную, платя за квартиру въ началѣ 1000, а потомъ 1200 фр. — а помещеніе человѣка, гг., свидѣтельствуешь и объ остальныхъ его привычкахъ. Всегда экономный, онъ не издерживалъ и половины своего жалованья; всѣ же сбереженія свои ввѣрялъ лицамъ, которые потомъ вовлекли его же въ преступленіе — во время ареста у него не нашли ничего, ровно ничего.

Недумайте, гг., что я стараюсь скрыть произведенныя имъ преступныя дѣйствія или оспаривать ихъ — нѣтъ, я признаю ихъ, какъ каждый совершившійся фактъ. Но вспомните, гг. присяжные, что онъ ничѣмъ при этомъ не пользовался — его жизнь была также скромна, почти сурова, его расходы — столь же умѣренные; вы, надѣюсь, его оправдаете, потому что вы произносите судъ надъ живыми людьми, а не надъ отвлеченными фактами.

О прошедшемъ моего кліента можно сказать весьма немного: онъ вошелъ въ службу общества въ 1830 году, а чрезъ два года назначенъ кассиромъ; во все время бытности въ службѣ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ.

При этомъ случаѣ да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ гг. управляющимъ дѣлами общества «Union». Мой кліентъ, послѣ случившагося, никакъ не вправѣ дѣлать имъ упреки — онъ долженъ съ покорностью ожидать рѣшенія; но я, адвокатъ, считаю себя въ правѣ и даже обязаннымъ замѣтить, что въ виду совершающихся одно за другимъ преступныхъ дѣяній, въ виду общественныхъ кассъ, подвергающихся открытому грабежу, рождается вопросъ: всѣ ли исполняютъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ? Да, гг., каждый имѣетъ обязанности и долженъ ихъ выполнить: если служащій обязанъ быть честнымъ, то начальникъ — быть бдительнымъ въ отношеніи къ подчиненнымъ. Если бы каждый исполнялъ долгъ свой, если бы касса повѣрялась какъ слѣдуетъ, а вѣдомости и счета не подписывались на удачу — мой кліентъ по всей вѣроятности не сидѣлъ бы на этой скамьѣ.

Роль моя не позволяетъ выходить за предѣлы сказаннаго; тѣмъ не менѣе я еще разъ утверждаю, что если бы Тельферъ зналъ о существованіи контроля, — то онъ бы не поддался искушенію; если

бы расчетныя книги кредитныхъ установленій были надлежащимъ образомъ повѣряемы, если бы подлинныя чеки и мандаты не были оставляемы на рукахъ Тельфера — послѣдній избѣжалъ бы готовящаго ему нынѣ позора. Однимъ словомъ, Тельферъ лишенъ былъ той нравственной поддержки, на которую каждый служащій имѣетъ право рассчитывать.

Г. Прокуроръ, надѣюсь, согласится со мною, что недостатокъ надзора въ большей части случаевъ влечетъ за собою гибель для подчиненныхъ. Поэтому, скажу въ послѣдній разъ, но за то ясно и выразительно: служащіе всегда исправны, когда начальники за ними наблюдаютъ. Я изложилъ свое мнѣніе поэтому вопросу; мнѣніе это относится не только къ настоящему случаю, но и ко всѣмъ подобнымъ. Душа человѣка имѣетъ свои слабыя стороны. Начинаютъ обыкновенно съ малаго, — съ какихъ нибудь 20 фр., потомъ, все далѣе и далѣе, доходятъ до тысячей..... Поэтому чтобы быть вполне справедливымъ, необходимо имѣть въ виду слѣдующее: этого человѣка можно было удержать отъ паденія.

Такимъ образомъ и мой кліентъ, которому предназначено было — быть вѣрнымъ, честнымъ кассиромъ, одинъ разъ уклонился отъ этого пути — и съ того времени начинается рядъ уклоненій — преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ имъ не для себя, а ради другихъ.

Вамъ извѣстны обстоятельства перваго похищенія. У Тельфера былъ братъ, человѣкъ впрочемъ честный. Получивши въ 1848 году привилегію на устройство какого то дымотарнаго аппарата и не имѣя средствъ осуществить его, онъ обратился къ брату своему, кассиру — и послѣдній далъ ему въ началѣ 20.000, а потомъ — идя все далѣе и далѣе — довелъ заемъ этотъ до 200.000 фр. За этимъ, впрочемъ несостоявшимся, предпріятіемъ наступило другое — механическихъ подметалокъ, которое постигла та же участь. Замѣтите, гг., что Тельферъ не былъ даже участникомъ въ этихъ предпріятіяхъ, и вообще не былъ въ нихъ нисколько заинтересованъ — такъ что его дѣйствія по истинѣ представляются безумными. Упомянутыя подметалки подверглись публичной продажѣ; неудача слѣдовала за неудачею, а Тельферъ — приплатилъ 60.000 фр.

Ниже я буду имѣть случай говорить о 7.000, употребленныхъ имъ на камнеломни Тоинаръ, и о 25.000, — на организацію проводниковъ по выставкѣ: этими суммами онъ довелъ цифру похищеній до 300.000 — до такой степени онъ былъ уже тогда ослѣпленъ.

Если бы изъ изъ обстоятельствъ дѣла выходило, что онъ вовлекаемъ былъ въ упомянутыя предпріятія желаніемъ разбогатѣть—вы имѣли бы полное право сказать: это человѣкъ жадный, и жадность его погубила; если-бы онъ былъ преданъ роскоши—безчестной, коль скоро не приобрѣтена трудомъ—я сказалъ бы: онъ палъ жертвою тщеславія и чувственности.

Но мы видимъ, что при всемъ этомъ онъ не прекращаетъ своей трудовой жизни—какъ ни въ чемъ не бывало, каждый день утромъ въ 10 часовъ отправляется въ кассу, откуда выходитъ въ 5 часовъ вечера, и вообще живетъ по прежнему. Такое странное самоотреченіе, такая довѣрчивость по истинѣ не нормальны, и человѣку нормальному, неподверженному безумію, не могутъ быть приписаны.

Я говорилъ вамъ, гг., о первой фазѣ похищеній, въ которой личность моего кліента выдается;—во второй она ступовывается, уступая свое мѣсто другой — Пикю.

Дошедши до этого мѣста, я испытываю немалое затрудненіе: я не смѣю продолжать, опасаясь, что моя защитительная рѣчь въ дальнѣйшемъ теченіи перейдетъ — въ обвинительную, которая тѣмъ болѣе неумѣстна, что задачу обвиненія до меня уже выполнил самымъ блестящимъ образомъ г. прокуроръ. Напротивъ того, я бы охотно присоединился къ блестящей защитѣ, которую мы вскорѣ надѣмся услышать отъ моего достойнаго сотоварища Николе; но польза моего кліента, къ несчастію, требуетъ отъ меня противнаго.

Намъ предстоитъ рѣшить, въ отношеніи къ подсудимымъ, вопросъ чести, хотя рѣчь идетъ о людяхъ, сидящихъ на этой скамьѣ. Вопросъ этотъ состоитъ въ томъ, правду или Тельферъ показываетъ о Пикѣ? не оговариваетъ ли онъ невиннаго, незнаваго ни о чемъ человѣка, чтобы его довести до скамьи подсудимыхъ — однимъ словомъ, вправѣ ли мы назвать Тельфера лжецомъ и клеветникомъ, или нѣтъ? Вопросъ этотъ, какъ увидите, разрѣшить очень не трудно.

Для этого я не буду разсматривать ни жизни Пика, ни его прошедшаго, какъ бы это ни было поучительно; тѣмъ болѣе я не буду говорить о его страсти къ спекуляціямъ, доведившей его не разъ до увлеченія. И да Богъ избавитъ меня отъ необходимости подобнаго разбора! я понимаю все могущество окружающихъ его семейныхъ и другихъ связей—скажу болѣе, я растрогаю ими, и не могу заставить себя забыть о нихъ. Притомъ мнѣ не безызвѣстно,

что отецъ его былъ славою своего адвокатскаго круга, и въ продолженіи восьмидесяти шести лѣтъ считался самымъ уважаемымъ человѣкомъ въ своемъ городѣ: могу ли я самъ позабыть эту свѣтлую личность? Кромѣ того, развѣ мнѣ неизвѣстно, что у Пика молодая, прелестная жена, что у него есть и дѣти, которыя ожидаютъ оправданія супруга и отца и возстановленія его чести? Я вижу, гг., что вы мнѣ сочувствуете — да и можетъ ли быть иначе? — Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя же допустить и нарушенія чести Тельфера. Я никакъ не позволю говорить, что этотъ старикъ взводитъ на Пика напраслину, для того чтобы завлечь его на скамью подсудимыхъ — ни даже того, что онъ, сознавая невинность Пика въ настоящемъ дѣлѣ, пассивно допускаетъ его обвиненіе и осужденіе; притомъ и Тельферъ имѣетъ семейство, пользующееся заслуженнымъ уваженіемъ; поэтому я обязанъ оправдать — въ предѣлахъ возможности — моего кліента, обязанъ доказать, что онъ, привлекая Пика къ соучастію, говоритъ только правду. Сила таланта моего сотоварища Николе можетъ васъ на время вовлечь въ заблужденіе, но въ концѣ концовъ истина станетъ очевидною.

Зналъ ли Пикъ, чьи деньги давалъ ему Тельферъ?

Сношенія между ними, начавшись съ 1860 года, продолжались до послѣдняго времени, т. е. болѣе восьми лѣтъ; съ 1861 по 1866 годъ Тельферъ передалъ Пикю на дѣло промышленной кассы 298.000, въ теченіи же пяти лѣтъ, для поддержанія газеты «Estandard», болѣе 700 т., а всего 1.028.000 фр.

Теперь я спрошу самого Пика: какія побужденія руководствовали Тельферомъ при похищеніи и передачѣ имъ такой значительной суммы, и какую пользу онъ имѣлъ или могъ имѣть отъ этого? Получалъ ли онъ проценты или куртажъ? былъ ли онъ участникомъ, дольщикомъ хотя въ одномъ изъ упомянутыхъ предпріятій — въ промышленной кассѣ и газетѣ? На всѣ эти вопросы мы получили отвѣтъ отрицательный: Тельферъ давалъ ему деньги — для того чтобы давать, самъ не сознавая, почему и для чего. Можно быть увѣреннымъ, что если бы при этомъ Пикю посчастливилось и онъ разбогатѣлъ — это богатство такъ бы и сдѣлалось его достояніемъ, Тельферъ же — неимѣлъ бы силы потребовать своей части, продолжалъ бы работать въ своей конторѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Да, гг., передавая Пикю деньги, Тельферъ не имѣлъ въ виду ни барышей, ни процентовъ, ни ордена или креста — подобно гг. командиторамъ Пика; однимъ словомъ — онъ могъ имѣть въ виду

развѣ одну только скамью подсудимыхъ ассизнаго суда! Впрочемъ, я сказала неправду: онъ получалъ бесплатно газету «Etendard» (смѣхъ), и раза два билеты въ концертъ (смѣхъ).

Однимъ словомъ—меня лично образъ дѣйствій этого человѣка ужасаетъ, какъ въ высшей степени ненормальный, поражающій отсутствіемъ всякаго смысла; и когда въ слѣдующей защитительной рѣчи вы услышите о томъ, что Пика оклеветали—вспомните, кому это приписываютъ.

Съ другой стороны какую цѣль могъ имѣть Тельферъ, несправедливо обвиняя Пика? Надѣялся ли онъ этимъ уменьшить свою вину, или вообще что нибудь на этомъ выиграть? Ни мало. Весь драматизмъ положенія Тельфера состоитъ въ томъ, что онъ бралъ чужія деньги—не для себя, что онъ въ теченіи восьми лѣтъ испытывалъ на себѣ непреодолимое, доходившее до деспотизма вліяніе Пика,—а зналъ ли послѣдній, чьи были деньги, или нѣтъ—это въ настоящемъ случаѣ безразлично. Напротивъ того, незнаніе Пикомъ источника происхожденія денегъ могло бы служить въ пользу Тельфера, ибо тогда его слабость и ослѣпленіе представлялись бы въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ, вызывали бы болѣе сильное состраданіе и снисхожденіе.

Но—скажутъ на это—Тельферъ въ первоначальныхъ своихъ показаніяхъ оправдывалъ Пика, выгораживалъ его отъ соучастія въ преступленіи. Объяснить это очень не трудно: Тельферъ, котораго правленіе общества во всякомъ случаѣ желало пощадить, надѣялся, что Пикъ спасетъ его, внесши деньги; эта иллюзія продолжалась въ теченіи восьми дней; понятно, что онъ желалъ всѣми силами выгородить того, отъ кого ожидалъ спасенія.

Далѣе, какимъ образомъ Пикъ, считая Тельфера агентомъ какихъ то капиталистовъ, ни разу не полюбоществовалъ узнать, кто они, даже когда дѣло дошло до милліона и выше? И развѣ Тельферъ, чувствуя надъ головою своею Дамокловъ мечъ, страшась быть открытымъ, могъ скрывать предъ Пикомъ, откуда взяты деньги, и не побуждать его къ возврату ихъ? По истинѣ, невѣроятно—а между тѣмъ о такихъ невѣроятностяхъ говорить каждый защитникъ. Я самъ помню дѣло Бертоме и Дюпре де-Ламагери, въ которомъ однимъ изъ подсудимыхъ былъ кассиръ, похитившій изъ вѣренной ему кассы болѣе трехъ милліоновъ. Мнѣ довелось защищать лицо, пользовавшееся этими деньгами, а моему сотоварищу Николе—самаго кассира. Мнѣ, гг., еще слышатся

слова г. Николе: «мнѣ странно видѣть человѣка, берущаго взаймы три милліона, не спросивъ даже имя своего кредитора...»; говоря это, г. Николе былъ вполнѣ правъ—и мой клиентъ, Бертоме, былъ обвиненъ.

Но, скажутъ, какъ ни странно въ настоящемъ случаѣ поступали дѣйствующія лица, но они дѣйствій своихъ не скрывали: это правда—они не опасались служащихъ въ редакціи «Etendard», но опасались—правленія «Union»; Пикъ никогда не былъ въ конторѣ общества, а свиданія ихъ съ Тельферомъ происходили внѣ послѣдней.

Пикъ, говорить, полагалъ, что имѣеть дѣло съ капиталистами: но прошу принять во вниманіе, что тутъ былъ въ оборотѣ милліонъ, и притомъ безъ срока—а капиталисты обыкновенно дѣлають ссуды—на три мѣсяца. Далѣе, между ними не было и рѣчи о процентахъ, а упоминалось объ этомъ только гг. командиторами, совершенно непричастнымъ дѣлу: а не странно ли даже слышать о милліонномъ займѣ, безъ всякихъ процентовъ?... По истинѣ, слѣдуетъ приостановить дальнѣйшіе выводы, чтобы не повредить дѣлу защиты Пика; существуютъ же истины, не требующія доказательствъ. Правда, Пикъ обѣщаль, по его словамъ, платить проценты—но это обѣщаніе не исполнялось въ продолженіи восьми лѣтъ; развѣ допустимъ, что проценты эти платилъ тотъ же Тельферъ, изъ своихъ средствъ.

Спрашивается, считалъ ли Пикъ Тельфера настоящимъ банкиромъ, или же кассиромъ, обкрадывавшимъ кассу? Въ первомъ случаѣ онъ могъ обращаться къ нему за деньгами безъ всякихъ предисловій и предварительныхъ справокъ, какъ къ каждому другому банкиру, во второмъ же—ему слѣдовало прежде освѣдомиться о состояніи кассы. Что же мы видимъ? Пикъ, дѣйствительно говаривалъ Тельферу: «дайте мнѣ денегъ, онѣ мнѣ необходимы сегодня же утромъ; но если это для васъ затруднительно, то я, пожалуй, подожду часа два или три»; это подлинныя слова Пика.

Далѣе, онъ зналъ, что по средамъ производится повѣрка, и въ эти дни онъ усиленно старался доставить Тельферу, т. е. кассѣ «Union», сколь возможно больше денегъ; неужели и при этомъ онъ будетъ говорить о капиталистахъ? Въ 1862 и 1864 годахъ—когда Пикъ дѣйствительно производилъ Тельферу платежи, изъ тридцати подобныхъ платежей двадцать пять приходятся на вторникъ или среду утромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣдко случалось, что

деньги, доставленные имъ предъ 10 часами утра — временемъ открытія кассы—уже вечеромъ того же дня послѣ повѣрки, или на другой день, онъ бралъ назадъ. Такъ 23 мая 1864 года, въ среду, онъ внесъ 8.000, а на другой же день, т. е. 24 мая, взялъ обратно; 13 апрѣля (въ среду) внесъ 20.000, 15 же — взялъ назадъ, съ придачею 6.000, тоже самое сдѣлалъ 9 и 10 апрѣля съ 6.000, и т. д. При этомъ онъ даетъ чеки на банкъ, съ просьбою повременить предъявленіемъ ихъ часа три; подобные чеки, пожалуй, могли замѣнить собою настоящіе векселя... для предполагавшихся капиталистовъ... Но, повторяю, продолженіемъ настоящаго разбора можно окончательно подорвать дѣло защиты Пика, особенно если вмѣстѣ съ тѣмъ обратиться къ имѣющейся въ дѣлѣ перепискѣ.

Кстати объ этой перепискѣ: она, сегодня же, была подробно и всесторонне рассмотрѣна г. прокуроромъ, сдѣлавшимъ изъ нея выводы, поражающіе неумолимою, строгою логичностью. Выводы эти, несомнѣнно, подѣйствовали на убѣжденіе присутствующихъ; но да позволено мнѣ будетъ сказать: переписка эта г. прокуроромъ еще не вполне исчерпана; въ ней находится много кое чего, способнаго ввести въ заблужденіе—но изъ за изгибѣвъ жи ярко просвѣчиваетъ истина.

Вотъ что пишетъ Тельферъ въ одномъ письмѣ: «уже восемь дней я жду... крайность со всѣхъ сторонъ, и никто, кромѣ васъ, меня не пойметъ».

Въ другомъ: «.....вы погибли, и я съ вами»; да—погибли оба, ибо оба опутаны одною и тою же цѣпью.

Въ третьемъ: «ваше поведеніе въ отношеніи ко мнѣ ничѣмъ не объяснимо—вамъ бы слѣдовало меня понимать», т. е., говоря яснѣе: вы знаете, что я взялъ изъ кассы. Несомнѣнно, если бы сохранились всѣ письма Тельфера—намъ не о чемъ было бы спорить.

Одинъ изъ свидѣтелей, г. Моро, выразился, что Тельферъ обыкновенно писалъ къ Пикку записочки на клочкахъ бумаги, которыя послѣдній немедленно послѣ прочтенія комкалъ или рвалъ въ клочки. Это, по моему мнѣнію, невѣроятно. Неужели Пикъ состоялъ бы должнымъ капиталистамъ болѣе милліона, и это обошлось безъ полученія имъ писемъ или какихъ нибудь счетовъ? Я ошибаюсь: было одно письмо, отъ 18 іюня, въ которомъ Пикъ видѣлъ средство къ своему оправданію; въ силу такого мнѣнія, онъ

показывалъ письмо это членамъ совѣта «Union», г. Ревильону, слѣдственному судѣ, и другимъ; онъ не предполагалъ, что у Тельфера сохранилась черновая, которая доказала, что упомянутое письмо было составлено ими обоими, съ цѣлью—вести въ обманъ довѣрителей Пика (какъ мы видѣли при судебномъ слѣдствіи). Пикъ, не зная о томъ, что найдена черновая письма, утверждалъ, что оно сохранилось у него случайно, представлялъ его, какъ доказательство своей невинности и неосновательной придирчивости Тельфера; на это г. слѣдственный судья возразилъ: «письмо это, несомнѣнно, составлено вами и Тельферомъ съобща»; Пикъ спросилъ: «что добраго, не скажутъ ли еще, что Тельферъ писалъ его подъ мою диктовку»; г. судья: «несомнѣнно, такъ какъ это видно изъ найденной черновой», на что Пикъ отвѣтилъ: «я не помню, чтобы Тельферъ совѣтовался со мною касательно редакціи этого письма». Вы видите изъ этого отрывка, гг., до чего доводилъ Пикъ свою дерзость и беззастѣнчивость.

Перейдемъ теперь къ письмамъ Пика къ Тельферу. Въ одномъ изъ нихъ, отъ 29 сентября 1864 г., сказано: «Увѣряю васъ, что съ будущаго понедѣльника для насъ наступитъ новая эра—дѣла поправятся, и наше тревожное состояніе прекратится. А ежели... нѣтъ, я не хочу даже остановиться на этой мысли».

Впрочемъ, довольно объ этомъ. Все, сказанное мною, было исполненіемъ печальнаго долга—но не могъ же я допустить несправедливаго обвиненія Тельфера въ лжи. Я, надѣюсь, доказалъ вамъ, что старикъ этотъ не солгалъ,—что, если онъ дозволилъ Пика и другимъ лицамъ вовлечь себя въ преступленіе—то крайней мѣрѣ на судѣ онъ далъ истинное и вѣрное показаніе.—Сожалѣю, что намъ, защитникамъ, пришлось дѣйствовать отдѣльно и другъ друга оспаривать;—я предпочиталъ бы дѣйствовать вмѣстѣ, дружно на убѣжденіе гг. присяжныхъ: мы бы тогда могли сказать: «одинъ изъ нашихъ кліентовъ впалъ въ вину вслѣдствіе излишней пылкости и увлеченія, другой—вслѣдствіе слишкомъ большой довѣрчивости и упованія; къ тому же одинъ и другой всегда имѣли твердое намѣреніе пополнить растрату»—и просили бы о ихъ помилованіи. Но случилось иначе: защита пошла врозь, и въ этихъ обстоятельствахъ я считаю для себя наиболѣе лестнымъ—говорить то, что думаю. И такъ я говорю: Пикъ зналъ все то, что нынѣ отрицаетъ; говорю это я вовсе не по жестокости или озлобленію, а просто—по убѣжденію. Я знаю, что онъ

уже и такъ довольно несчастенъ — и потому болѣе о немъ говорить не буду.

Возвратимся къ моему кліенту: ему 66 лѣтъ, чрезъ его руки прошли многіе милліоны — изъ которыхъ онъ для себя не взялъ ни сантима; никогда приэтомъ онъ не позволялъ себѣ никакихъ развлеченій или удовольствій — жизнь его была, какъ и прежде, строго нравственная, тихая и скромная. Какое бы вы снисхожденіе ни оказали ему — вы, по моему мнѣнію, не выйдете изъ предѣловъ дозволяемаго совѣстью. Онъ много выстрадалъ: двадцать лѣтъ онъ пользовался отъ всѣхъ безпредѣльнымъ уваженіемъ, сознавая при этомъ, что онъ его не достоинъ; двадцать лѣтъ уже онъ несетъ эту тяжелую ношу за другихъ.

Я окончилъ. Если бы мой кліентъ былъ человѣкъ одинокій — онъ благословлялъ бы день, въ который Богу угодно было прекратить его жизнь — но у его есть семейство и родные, которымъ еще рано его оплакивать. — При этомъ я не желалъ бы подвергнуться упрекамъ за все, сказанное мною выше о Пикѣ; я вовсе не желалъ подрѣплять обвинителя — онъ въ этомъ и не нуждался; я желалъ только быть настоящимъ, полнымъ защитникомъ Тельфера. Поэтому я обращаюсь къ вамъ, гг., не будьте безжалостны и ко второму подсудимому; сидя рядомъ на этой скамьѣ, они возбуждаютъ состраданіе, ничѣмъ непреоборимое; будьте, гг. присяжные, снисходительны къ нимъ обоимъ.

Затѣмъ, послѣ возраженія прокурора на рѣчь Лашо, засѣданіе было прекращено, и по возобновленіи его защитникъ Пика, Николе, произнесъ слѣдующее:

Боже меня избави дѣлать какой нибудь упрекъ моему талантливому сотоварищу; ему досталась на долю грустная обязанность — оправдать своего кліента отъ взводимого на него Пикомъ обвиненія въ лжи — и онъ долженъ былъ стараться достигнуть этого оправданія, ибо быть обвиненнымъ въ клеветѣ еще тяжелѣе, чѣмъ въ воровствѣ или подлогахъ. Да, я не жалуясь, понимая, что въ дѣлѣ защиты мой уважаемый сотоварищъ могъ только увлечься. Но я лично обязанъ принять на себя отчасти роль обвинителя, съ цѣлью — распознать, нельзя ли хоть одного изъ подсудимыхъ признать невиннымъ, нѣтъ ли между ними такого, который ищетъ спасенія путемъ обвиненія другаго.

Конечно, и я бы предпочиталъ быть совершенно свободнымъ въ выборѣ, дѣйствовать вмѣстѣ съ г. Лашо — но, къ несчастію, по-

добной свободы я не имѣю: мнѣ предстоитъ прежде всего смыть пятно, наброшенное на моего клиента рѣчью г. Лапо, доказать вамъ, гг. присяжные, что многое, признанное послѣднимъ за неподлежащее сомнѣнью, въ дѣйствительности очень сомнительно.

Итакъ, съ чего же я начну свою рѣчь: съ моего клиента или съ его отца? Нѣтъ, послѣдній сошелъ уже въ могилу; сопутствующимъ всеобщимъ уваженіемъ; онъ, равно какъ и мать Пика, къ счастью не дожили до тяжелаго испытанія, которое имъ нынѣ пришлось бы вынести; тѣмъ не менѣе остались еще жена, дѣти, родственники, растерзанныя сердца которыхъ вопіютъ о пощадѣ!

Вы слышали много о родственномъ ему семействѣ Дарно; семейство это вовсе не пользуется такою дурною репутаціею. Одинъ изъ членовъ его — заслуженный военный офицеръ, нынѣ мировой судья, другой — бывшій президентъ судебной палаты въ Тулузѣ, 72 лѣтъ, третій, Просперъ, заслуженный адвокатъ, шестидесяти восьми лѣтъ; и одинъ только четвертый, Ивй, нѣкогда банкиръ, увлекшись отеческою заботливостью, совершилъ — не скажу преступленіе, а промахъ, который искупилъ понесеннымъ наказаніемъ; нынѣ помилованный, доживаетъ дни свои въ уединеніи и вдали отъ дѣлъ. Вотъ истинныя свѣдѣнія о семействѣ того, котораго описали какимъ то искателемъ приключеній.

Въ Тулузѣ Пикъ оставилъ о себѣ самую лучшую память. Затѣмъ онъ отправился въ Парижъ, чтобы тамъ устроить свою карьеру: имѣя наслѣдственную собственность, отъ 60 до 80 тыс. франковъ, онъ старался въ началѣ получить концессию на Пиринейскую сѣть желѣзныхъ дорогъ, но былъ преупрежденъ въ этомъ южнымъ обществомъ (Compagnie du Midi).

Пикъ — человѣкъ трудолюбивый, пылкій, какъ всѣ уроженцы юга, но вмѣстѣ съ тѣмъ простодушный и честный, вѣрующій въ людей — и потому надѣялся на успѣхъ. Говорятъ, что онъ всѣхъ обманывалъ; но между тѣмъ отъ всѣхъ ему слышались слова поощренія, и всѣ, явившіеся сюда, за исключеніемъ одного стараго друга, даже кредиторы — дали о немъ самые лучшіе отзывы.

Жизнь его была вовсе не такъ роскошна. Упрекаютъ его принадежавшимъ ему загороднымъ домомъ; однако помѣщеніе онъ имѣлъ въ 2.000 фр., вмѣстѣ съ своею бабушкою и двоюроднымъ братомъ. Онъ не выходилъ никуда безъ жены своей, и вообще всегда былъ честнымъ отцомъ семейства. Вотъ каковъ человѣкъ, подлежащій нынѣ вашему суду — для меня остается неразрѣши-

мымъ вопросомъ, какимъ образомъ является здѣсь преступникомъ тотъ, кого во многихъ мѣстахъ считаютъ честнымъ (при этомъ г. Николе читаетъ одобрительныя свидѣтельства о Пикѣ, данныя мерами его околodka, и затѣмъ продолжаетъ:

Клиентъ мной здѣсь встрѣтилъ только трехъ недоброжелателей, изъ коихъ одного мы не слышали, Одинъ изъ нихъ—Кольбе, личность, по моему мнѣнiю, весьма двусмысленная. Несомнѣнно, что каждый обязанъ явиться на судъ и давать показанiя, когда того потребуютъ; но Кольбе, замѣтите, самъ вызвался въ свидѣтели и обвинялъ того, который былъ ему благодѣтелемъ, которому онъ писалъ слѣдующее: «будьте увѣрены въ моей благодарности, вѣрьте, что мои увѣренiя истинны, что чувство благодарности свойственно еще нѣкоторымъ людямъ — вѣрьте, моей вѣчной преданности».

Другой отзывъ еще тяжелѣе — я говорю о г. Дельпла, старомъ другѣ его семейства, однимъ изъ основателей бывшей промышленной кассы и членѣ наблюдательнаго совѣта этого учрежденiя. Правда, у г. Дельпла не хватило духа дать показанiе лично—мы слышали только письменное, которое имъ самимъ не признано вполне точнымъ; и хотя въ одномъ мѣстѣ этого показанiя сказано, что «Пикъ на все способенъ», и этими же словами завершёнъ обвинительный актъ — но самъ Дельпла отрекся отъ придаваемого этимъ словамъ буквального значенiя, объяснивъ: «говоря на все способенъ, я выражался фигурально», такъ что онъ вовсе не считалъ его способнымъ напр. къ убiйству или другому подобному. Наконецъ самъ Дельпла, какъ изъ всего видно, господинъ очень тонкiй: по его словамъ, онъ устранился отъ участiя въ промышленной кассѣ съ сожалѣнiемъ, но въ предлогомъ занятiй дѣлами общества «Фениксъ», но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не переставалъ думать о преусибианiи упомянутой кассы, радѣя о будущности общества, дѣлами котораго Пикъ управлялъ столь добросовѣстно и рачительно.

Прокуроръ. Когда это было?

Николе. Въ 1860 году. Да, гг., въ житейской комедiи по временамъ проскакиваютъ сцены грустныя, которыхъ лучше было бы не видѣть;—для примѣра сравните письменное показанiе Дельпла съ его же вчерашними словами. Впрочемъ у насъ есть его позднѣйшiя письма—съ 1863, даже съ 1866 годовъ; въ одномъ напр. говорится: «дорогой мой Пикъ, вы знаете, что я никогда не пе-

реставаль васъ любить». — И послѣ этого тотъ же Дельпла увѣряетъ, что съ 1860 года онъ прекратилъ сношенія съ Пикомъ, тотъ отстранилъ его отъ себя, какъ устраняють органъ, пораженный гангреною!

Пикъ ставятъ въ вину, что онъ брасался во всевозможныя промышленныя предпріятія: но развѣ не они были цѣлью существованія его кассы, и развѣ за это кто нибудь изъ заинтересованныхъ лицъ ропталъ на него? Онъ дѣйствительно могъ провиниться, обративши капиталы общества въ недвижимостъ: можете его за то назвать неразумнымъ, непредвусмотрительнымъ, пожалуй, даже неспособнымъ, но преступнымъ — никогда!

Вообще, обвиняя человѣка въ одномъ, неслѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обвинять его во всемъ, а особенно набрасывать тѣнь подозрѣнія на его прошедшее; ибо на этомъ пути остановиться весьма трудно. Въ настоящемъ случаѣ Пикъ заподозрѣнъ въ растратѣ суммъ общества промышленной кассы: но развѣ общее собраніе акціонеровъ, вслѣдъ за его отреченіемъ, не поручило ему вновь ту же должность? Правда, онъ израсходовалъ деньги общества — но за то онъ принялъ на свой счетъ потери, которыя очень легко могъ поставить на счетъ общества, и, повторяю, сами акціонеры, которыхъ вы здѣсь слышали, его вовсе въ томъ не обвиняють; притомъ впослѣдствіи, основавши газету, онъ изъ ободрающихся сбереженій началъ платить прежніе долги.

Послѣ ликвидаціи промышленной кассы, онъ основалъ газету «Etendard». Намъ извѣстны имена лицъ, ободравшихъ его на это предпріятіе; лица эти ему сказали: устройте періодическое изданіе, серьезное, преданное интересамъ правительства, мы вамъ поможемъ — затѣмъ онъ принялся за дѣло. Для этого потребовалось не менѣе милліона; это было въ эпоху господства привиллегій: для успѣха требовалось выхлопотать исключительное право помѣщенія судебныхъ и другихъ правительственныхъ объявленій — нужно было сыпать деньгами.

Вамъ описали гг. Монжаль и Магнѣ людьми простыми, несвѣдущими и съ разстроеннымъ состояніемъ: тѣмъ не менѣе они очень хорошо понимали, какое вліяніе могутъ приобрѣсть, сдѣлавшись вкладчиками политическаго изданія — и врядъ ли Пикъ имѣлъ надобность долго ихъ къ тому заохочивать. Послѣ соглашенія съ ними, Пикъ сталъ усиленно хлопотать по дѣлу слѣдовавшихъ имъ якобы изъ государственной казны отъ города

суммъ, которыя вскорѣ имъ и были выданы; въ вознагражденіе зато эти господа изъ суммы 224 т. фр., которую обязались внести въ качествѣ командиторовъ, утаили 140 т.

(Сдѣлавъ затѣмъ краткій очеркъ времени существованія газеты «Etendard», Николе перешель къ отношеніямъ между Пикомъ и Тельферомъ):

Тельферъ началъ дѣлать подлоги уже издавна: онъ ихъ дѣлалъ смѣло и не стѣсняясь. Вы видѣли, гг., что онъ не стѣснялся и въ своихъ показаніяхъ: не утверждалъ ли онъ, что никогда не подписывался на акціи кассы Пика, тогда какъ это оказалось ложью, и даже для этого онъ долженъ былъ 50 разъ подписать свое имя?

(Въ дальнѣйшемъ теченіи своей рѣчи, продолжавшейся не мене четырехъ часовъ, Николе разбираетъ, шагъ за шагомъ, всѣ пункты обвиненія и показаній Тельфера, и оканчиваетъ слѣдующимъ):

Мнѣ предлагали вопросъ — какой интересъ могъ имѣть Тельферъ въ гибели Пика? По моему мнѣнію, это объясняется тѣмъ же дѣломъ Дюпре де Ламагери и Бертоме, о которомъ упомянулъ г. Лапо. Развѣ Тельферъ, совершая похищенія и подлоги, вовсе не читалъ періодическихъ изданій и помѣщаемыхъ въ нихъ отчетовъ ассизнаго суда? Онъ узналъ, что кассиръ Бертоме получилъ снисхожденіе, тогда какъ Ламагери присужденъ къ болѣе строгому наказанію. На этомъ онъ основалъ свой планъ дѣйствій и, окинувши кругомъ глазами, вывелъ слѣдующее заключеніе: «для моего спасенія необходимо кого нибудь еще притянуть къ дѣлу — и тогда, кто знаетъ — можетъ быть я подобно Бертоме, получу снисхожденіе»? Но дѣло въ томъ, что Дюпре де Ламагери дѣйствительно побуждалъ Бертоме къ похищеніямъ и подлогамъ, тогда какъ Пикъ въ этомъ вовсе не обвиняется.

Я кончилъ. Исчерпавши, повидимому, все, говорящее въ пользу моего кліента, я не имѣю надобности смущать васъ, гг., изображеніемъ отчаянія его жены и дѣтей, изъ которыхъ первой грозитъ вдовство, вторымъ — сиротство. Нѣтъ, я не буду стараться подѣйствовать на васъ возбужденіемъ — я ограничусь доводами холоднаго разсудка. Если вы убѣждены въ виновности Пика — осудите его; въ противномъ случаѣ, въ виду однихъ только выводовъ и умозаключеній, между которыми могутъ быть и ошибоч-

ные—вашъ долгъ ясно очерченъ, и я несомнѣваюсь, что вашъ вердиктъ—будетъ оправдательный.

Предсѣдатель вновь вызываетъ свидѣтеля Дельпла.

В. Сегодня, до прибытія вашего, здѣсь была рѣчь о показаніяхъ, данныхъ вами въ вчерашнемъ засѣданіи; поэтому отъ васъ требуются нѣкоторыя объясненія. Утверждаете ли вы мнѣніе о Пикѣ, данное вами на предварительномъ слѣдствіи?

О. Утверждаю и считаю нужнымъ прибавить, что мною не руководствуетъ никакое дурное чувство.

В. Въ одномъ мѣстѣ корреспонденціи вашей говорится, что вы, несмотря на удаленіе ваше отъ дѣлъ кассы, сохранили прежнее уваженіе и дружбу къ Пикѣ?

О. Съ тѣхъ поръ обстоятельства, а съ ними и мое мнѣніе, значительно измѣнились: я потерялъ чрезъ Пика 25.000 фр.; мнѣ стало ясно, что онъ—ловкій пройдохецъ, по милости котораго многіе раззорились.

В. Понесенная вами потеря не возбудила ли въ васъ вражды къ виновнику ея?

О. Ни мало.

Пикъ. По словамъ г. Дельпла, онъ удалился отъ дѣлъ въ 1860, продолжалъ же сношенія со мною до 1866 года, когда я уговорилъ его внести въ дѣло бывшія у него акціи. Онъ говоритъ, что я ввелъ его въ потерю—но развѣ онъ самъ не втянулъ меня въ предпріятіе, въ которомъ я потерялъ 80.000? Что вы на это скажете, г. Дельпла?

Дельпла. Однажды Пикъ, пришедши въ контору общества «Фениксъ», обратился ко мнѣ съ просьбою—ссудить его до слѣдующаго дня такую суммою денегъ, какою я могу располагать. Не рѣшившись взять изъ кассы, я далъ ему 8.000 фр. изъ собственныхъ; когда дошло дѣло до платежа—начались безконечныя оторочки—то завтра, то послѣзавтра—словомъ, я добился уплаты только послѣ усиленныхъ настояній, и то при посредствѣ одного изъ нашихъ общихъ друзей.

Пикъ. Я требую отъ васъ рассказать все, что вы знаете о смерти г. Дельберъ.

Дельпла. Я говорилъ объ этомъ только то, что самъ слышалъ отъ другихъ.

Пикъ. Но вамъ извѣстно, что онъ умеръ отъ простуды, полученной на охотѣ. Италь, гг., вотъ миллионеръ (указывая на сви-

дѣтеля), которой, изъ за какихъ нибудь 25.000, готовъ меня погубить!

Свидѣтель. Милліонеръ ли я или нѣтъ — это до васъ не касается; мое имущество приобрѣтено честно.

Прокуроръ Денелетте въ произнесенной затѣмъ рѣчи выразился, что его задача значительно облегчилась, такъ какъ г. Лапо выяснилъ степень виновности Пика, а г. Николе — Тельфера, и что о послѣднемъ, въ виду его признанія, онъ не считаетъ нужнымъ продолжать пренія. Что же касается Пика, то многіе голоса слышались въ его пользу; но развѣ виновность его не доказана уже одною перепискою? Защитникъ Пика возбудилъ въ пользу своего кліента многія сомнѣнія; но развѣ послѣднія не разсѣваются окончательно слѣдующими письмами его къ Тельферу (читаетъ):

Парижъ, 14 января 1864 года.

Любезный другъ! Если вы можете сегодня вечеромъ, по окончаніи занятій въ конторѣ, взять для меня 35—40 т. фр., до завтрашняго вечера, вы бы меня очень обязали. Я прошу у васъ только до слѣдующаго вечера, такъ какъ завтра утромъ я долженъ представить полумѣсячную отчетность и произвести многіе платежи по дѣлу газеты: всѣ же мои принадлежности могутъ быть получены не раньше завтрашняго вечера. Для большей вѣрности и порядка, я вамъ пришлю ассигновку на банкъ, которую вы можете предъявить къ уплатѣ въ субботу, въ 10 часовъ утра. Увѣдомите меня, въ которомъ часу къ вамъ прійти за деньгами и съ ассигновкою; мнѣ онѣ необходимы завтра утромъ, предъ открытіемъ кассы.

Парижъ, 5 ноября 1867 года.

Дорогой другъ!

Какъ я вчера предполагалъ, оказалось возможнымъ отсрочить платежи по проклятой газетѣ до послѣзавтрашняго дня, заисключеніемъ нѣкоторыхъ, нетерпящихъ отлагательства, какъ-то: за брошюровку, разносчикамъ, рабочимъ и нѣкоторымъ изъ служащихъ, все небольшими суммами — отъ 30 до 90 фр., но которыя однако въ общей сложности, вмѣстѣ съ принадлежностью «Monde Illustré», составляютъ отъ 4000 до 5000 фр. (точнѣе 4.320, за вычетомъ небольшого поступленія). Пособите мнѣ, умоляю васъ; если вамъ удобнѣе произвести мнѣ заемъ въ два приѣма — дѣлайте, какъ

можно, хотя мнѣ необходимо было бы имѣть всю эту сумму въ одинъ разъ. Я вамъ пришлю росписку, а вы мнѣ чрезъ разсылнаго—деньги, которыхъ я ожидаю, какъ манны небесной.

Парижъ, 25 сентября, въ 9 часовъ утра.

Полученная сегодня почта измѣнила всѣ мои предположенія, потому что ожидаемое мною привезутъ мнѣ изъ Баръ-ле-Дюкъ, что можетъ послѣдовать не раньше какъ послѣ завтра, о чемъ я васъ немедленно увѣдомлю. Поэтому извѣстное вамъ дѣло нынѣ не состоится. Вы, конечно, можете опасаться за его осуществленіе—но, надѣюсь, не откажете мнѣ въ нѣкоторомъ снисхожденіи, что я отъ васъ уже не разъ испытывалъ—и я постараюсь, чтобы вы были мною довольны.

Остаюсь вамъ преданнымъ и благодарнымъ

Пикъ.

Мартъ 1865 года, вторникъ, 3¼ часа по полудни.

Любезный другъ! Я собираюсь къ вамъ отъ 11½ часовъ; я получилъ оторочку до вечера, между 5-ю и 6-ю часами; но мнѣ, кажется, невозможно будетъ достать денегъ для извѣстнаго вамъ дѣла къ завтрашнему утру, а развѣ среди дня. Поэтому прошу васъ—примите свои мѣры.

Парижъ, 13 ноября 1861 года. Полдень.

Любезный другъ! Будьте добры, вручите подателю сумму, означенную въ роспискѣ; она мнѣ необходима, и къ четыремъ часамъ получитъ мною обратно, а я вамъ немедленно отошлю; не будучи въ этомъ болѣе чѣмъ увѣренъ, я бы не позволилъ себѣ отъ васъ требовать займа; поэтому прошу васъ, будьте благонадежны во мнѣ и не отказывайте вполнѣ вамъ преданному.

Пиеу.

Парижъ, 18 августа 1864 года.

Покорнѣйше прошу васъ—не откажите прислать черезъ подателя сего (въ конвертѣ) означенную въ прилагаемой при семъ роспискѣ сумму 3500 фр.; сумму эту я прошу у васъ только до 19, т. е. до завтрашняго дня, и постараюсь вамъ возратить ее сего дня же, еще до выхода вашего изъ кассы; я же самъ не могу выйти раньше трехъ часовъ. Преданный вамъ

Пикъ.

Во многихъ изъ этихъ писемъ Пикъ говоритъ о надеждѣ на уплату, такъ напримѣръ:

29 сентября 1864 года.

Любезный друг! Близко уже время окончанія всѣхъ мученій, причиняемыхъ мною вамъ и самому себѣ. Къ сказанному мною вчера сиѣшу прибавить, что благодаря спасительной помощи, которую вы мнѣ оказывали до послѣдняго времени, я нахожусь въ возможности отложить 15 вт. франковъ.... Между тѣмъ прошу васъ прислать мнѣ небольшую сумму, означенную въ прилагаемой присемь роспискѣ; заклиная васъ, не откажите, ибо въ суммѣ этой—мое спасеніе. Будьте увѣрены, что съ будущаго понедѣльника всѣ безпокойства прекратятся; и начнется для насъ новая эра. Итъ развѣ сежели... но нѣтъ, я еще хочу даже и думать объ этомъ.... я весь превратился въ ожиданіе—пакета отъ васъ, и мнѣ кажется, что часы не идутъ впередъ, а летятъ на всѣхъ парахъ. Вашъ другъ до гроба

Пикъ.

11 июля 1865 года. Вторникъ.

Любезный друг! Приложенный присемь циркуляръ доказываетъ вамъ, что я стараюсь добыть деньги. Непредвидѣнное обстоятельство, которое, надѣюсь, завтра въ три часа будетъ устранено, неожиданно помѣшало успѣху принятыхъ мною мѣръ.... Я не буду утомлять васъ описаніемъ всѣхъ этихъ новыхъ, непредвидѣнныхъ затрудненій и хлопотъ, ибо они скоро прекратятся. Пришедши домой, я засталъ ваше письмо и прочелъ нѣсколько жестокихъ, но заслуженныхъ укоровъ.... Вѣрьте, мой другъ, что я жестоко мучусь вашимъ положеніемъ, продлившимся донинѣ сверхъ всякихъ моихъ ожиданій; но вѣрьте и тому, что скоро будетъ иначе, что уже въ послѣдній разъ я васъ огорчаю. Вашъ сердечный другъ

Пикъ.

«Развѣ такимъ образомъ» продолжаетъ прокуроръ, «пишутъ къ банкиру, капиталисту—или хотя бы ихъ агенту»? Затѣмъ прокуроръ сравнилъ настоящее дѣло съ упомянутымъ выше дѣломъ Бертоме, и вспомнилъ рѣчь, сказанную тогда г. Николе, бывшимъ защитникомъ гражданскаго истца, и въ заключеніе прибавилъ: «Правосудіе несомнѣнно съ какимъ нибудь возбужденіемъ чувствъ въ присяжныхъ, и честный органъ обвиненія обязанъ взывать только къ ихъ разсудку. Я не противлюсь возможному снисхожденію къ виновнымъ; но, по моему мнѣнію, въ настоящемъ случаѣ ни

одинъ изъ подсудимыхъ не можетъ быть оправданъ — осужденія ихъ обоимъ требуетъ совѣсть—требуетъ правосудіе.

Этотъ рѣчью окончилось засѣданіе 30 іюля. На слѣдующій день (31 іюля) публика въ залѣ была еще многочисленнѣе. Засѣданіе началъ защитникъ Тельфера, Лашо. Рѣчь свою началъ онъ тѣмъ, что послѣ сказаннаго г. Николе о Тельферѣ и имѣя въ виду могущее отъ этого послѣдовать въ пользу Пика снисхожденіе, онъ обязанъ съ своей стороны представить очеркъ личности Пика; что послѣдній, не возвративъ Тельферу взятыхъ имъ для него изъ кассы суммъ, не можетъ себя выгораживать отъ соучастія, притомъ именно Пикъ руководствовалъ Тельфера въ производимыхъ послѣднимъ похищеніяхъ и подлогахъ. Затѣмъ онъ напомнилъ обстоятельства гражданскаго процесса, бывшаго между Пикомъ и Билліономъ, сказанное участвовавшимъ въ дѣлѣ прокуроромъ Декютюръ, что онъ рассчитываетъ увидѣть Пика, лѣтъ чрезъ пять, въ ассизномъ судѣ, на скамьѣ подсудимыхъ» — какое предсказаніе исполнилось двумя годами раньше, и заключилъ: что защищаясь дружно, оба подсудимые могли рассчитывать на оправданіе—такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ возможно или оправдать обоимъ подсудимыхъ, или обоимъ же обвинить—но что Пикъ этого не желалъ—и тѣмъ губить и себя и другаго.

Въ слѣдовавшей затѣмъ рѣчи защитникъ Пика, Николе, развилъ подробнѣе доводы, высказанные имъ уже въ первой его рѣчи, — доказывалъ, что Тельферъ вовсе не таковъ, какимъ его выставляетъ г. Лашо, что это человѣкъ хитрый, лукавый, старающійся погубить другаго; переходя за тѣмъ къ денежнымъ сношеніямъ между подсудимыми—что Пикъ несомнѣнно платилъ проценты, что уплаты онъ производилъ Тельферу не только по вторникамъ и средамъ, но и въ другіе дни, какъ доказывается прочитанными письмами, и что наконецъ по его, защитника, убѣжденію — настоящее дѣло еще не вполне разъяснено, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Пика, что онъ чувствуетъ себя въ правѣ просить, чтобы всѣ сомнѣнія были истолкованы въ пользу его кліента.

Затѣмъ предсѣдатель, послѣ заключительной рѣчи, содержавшей въ себѣ общій выводъ изъ происходившихъ преній и продолжавшейся болѣе двухъ часовъ, обратился къ присяжнымъ съ слѣдующими словами: «Позвольте мнѣ, гг., выразить и личное мое мнѣніе. Съ давняго уже времени въ обществѣ развилось ненормаль-

ное стремленіе къ быстрому обогащенію, безъ труда и часто безчестному; въ последнее время, благодаря твердости властей, стремленіе это, которое поистинѣ заслуживаетъ названія болѣзни, нѣсколько уменьшилось. Гг. присяжные, стражи общественной нравственности, позвольте обратить на это ваше вниманіе; не знаю, какой будетъ вашъ приговоръ—но надѣюсь; что онъ будетъ достоинъ вашего назначенія въ обществѣ.

Въ 5 часовъ присяжные удалились для совѣщаній, и по возвращеніи оттуда, старшина ихъ прочель вердиктъ: на всѣ вопросы касательно виновности Тельфера и Пика, присяжные дали отвѣты утвердительные; смягчающія обстоятельства были признаны только въ пользу Тельфера. По выслушаніи заявленій прокурора и защитниковъ, изъ которыхъ первый требовалъ примѣненія закона во всей его строгости, вторые же—ходатайствовали о смягченіи наказанія, судъ удалился для совѣщаній, и по возвращеніи въ залу засѣданій, объявилъ рѣшеніе, коимъ, на основаніи вердикта присяжныхъ, приговорены: Тельферъ—къ семилѣтнему тюремному заключенію, Пикъ же—къ двѣнадцатилѣтнимъ тяжкимъ работамъ, и сверхъ того каждый изъ нихъ—къ уплатѣ денежнаго штрафа въ 100 франковъ.

Засѣданіе окончилось въ 6 $\frac{1}{2}$ часовъ.

ЗАЛОГЪ И ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ВЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМЪ СЛѢДСТВІИ.

Изъ числа всѣхъ мѣръ, которыя по Уст. Угол. Суд. могутъ быть принимаемы къ неуклоненію обвиняемыхъ отъ слѣдствія и суда, отдача на поруки и взятіе залога представляются самыми видными, и мы не ошибемся, если скажемъ, что при дальнѣйшемъ развитіи нашего уголовного судопроизводства эти двѣ мѣры займутъ преобладающее мѣсто. И дѣйствительно, если изъ числа мѣръ обезпеченія исключить взятіе подъ стражу, то вышеуказанные два способа охраненія окажутся наиболѣе удовлетворяющими цѣлямъ уголовного правосудія. Изъ практики извѣстно, что остальные, опредѣленные уставомъ мѣры исполняютъ свое назначеніе только по незначительнымъ преступленіямъ, да и то въ большихъ городахъ, пользующихся хорошо организованной полиціей. Такъ домашній арестъ непримѣнимъ по деревнямъ и селамъ, по той простой причинѣ, что некому исполнять обязанности стражи: всякій знаетъ, что такое карауль сотскихъ и десятскихъ. Тоже самое и въ незначительныхъ городахъ, гдѣ, по причинѣ малочисленности полицейскихъ служителей, полицейское начальство каждымъ распоряженіемъ о домашнемъ арестѣ ставится въ крайнее затрудненіе; тамъ, гдѣ имѣется правильно организованная полиція, приложеніе этой мѣры ко многимъ лицамъ, на значительный періодъ времени, ведетъ всегда къ сильнымъ затрудненіямъ. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія ссылаемся на замѣтку г. Никитина, напечатанную въ № 123 Судебнаго Вѣстника за 1869 годъ. Вообще домашній арестъ можетъ быть опредѣляемъ только временно, до перехода къ одной изъ другихъ мѣръ обезпеченія. По тѣмъ же причинамъ и отдача подъ надзоръ полиціи существуетъ въ большинствѣ случаевъ, за немногими исключеніями, только по-

минально, на бумагѣ. Поставленная, по неимѣнію средствъ, въ полную невозможность принять дѣйствительныя мѣры къ исполненію требованія о надзорѣ за обвиняемымъ, полиція почти всегда ограничивается отобраніемъ отъ обвиняемаго вида на свободное проживаніе и наблюденіемъ за невыдачею новаго вида; иногда полиція отбираетъ еще отъ обвиняемаго подписку о неотлучкѣ впредь до окончанія дѣла. Этимъ и ограничивается надзоръ. Строго же соблюдаемый полицейскій надзоръ можетъ повести къ такому сильному и тяжкому стѣсненію личности обвиняемаго, какого и не предполагалось при самомъ установленіи этой мѣры. Наконецъ отобраніе вида на жительство, а также запрещеніе выдавать паспортъ непримѣнимы къ осѣдлому, коренному населенію, а что касается до обязанности обвиняемаго подпискою о явкѣ къ слѣдствію и суду и о неотлучкѣ изъ мѣста жительства, то мѣра эта отличается тѣмъ, что она, хотя и мало стѣснительна для обвиняемаго, но зато и не обезпечиваетъ судебную власть, а потому и можетъ быть прилагасма только къ обвиняемымъ въ самыхъ незначительныхъ преступленіяхъ. Такимъ образомъ, если въ настоящее время поручительство и залогъ не заняли еще того важнаго мѣста, которое должно принадлежать имъ въ ряду мѣръ обезпеченія, — что объясняется какъ новизной у насъ этого института, такъ и предпочтеніемъ, которое, къ сожалѣнію, многіе судебныя слѣдователи, по привычкѣ, отдають высшей предупредительной мѣрѣ т. е. взятію подъ стражу, — то нѣтъ сомнѣнія, что въ ближайшемъ будущемъ эти двѣ мѣры получатъ преимущественное предъ всѣми другими практическое примѣненіе.

Въ виду этого желательно было бы наиболѣе точное и подробное разъясненіе относящихся сюда статей Устава Уголовнаго Судопроизводства. Но и здѣсь мы замѣчаемъ ту же бѣдность практическихъ пособій, какъ и вообще во всѣхъ вопросахъ, касающихся предварительнаго слѣдствія. Наши юристы-практики если и занимаются разъясненіемъ и толкованіемъ статей Устава, касающихся предварительнаго слѣдствія, то почти исключительно разсматриваютъ вопросы, въ которыхъ дѣятельность судебного слѣдователя соприкасается или сталкивается съ дѣятельностью другихъ органовъ судебной власти: такъ наприм. большое количество статей было написано для разъясненія известной 277 ст. Устава. Такая скудость практическихъ статей тѣмъ болѣе вредна, что судебные слѣдователи почти лишены въ своей дѣятельности помо-

щи, представляемой для судебных мѣстъ рѣшеніями кассационныхъ департаментовъ сената. Наиболье замѣчательной монографіей, касающейся мѣръ пресѣченія, слѣдуетъ считать известное изслѣдованіе г. Костяковскаго, помѣщенное въ Журналъ Министерства Юстиціи за 1868 годъ; но и здѣсь историческая часть занимаетъ большую половину всего сочиненія, вслѣдствіе чего разборъ статей дѣйствующаго Устава слишкомъ кратокъ и страдаетъ не полнотою. Обращаясь по занимающему насъ предмету къ Уставу Уголовнаго Судопроизводства, мы видимъ, что число статей, относящихся до взятія залога и принятія поручительства въ предварительномъ слѣдствіи, весьма невелико; отсюда естественно вытекаетъ неопредѣленность этого института по дѣйствующему праву. Предлагаемая статья представляетъ небольшой опытъ практическаго изслѣдованія занимающаго насъ предмета.

Нашъ Уставъ въ 417 — 419 ст. раздѣляетъ на три разряда всѣ мѣры, принимаемыя во время предварительнаго слѣдствія, для пресѣченія обвиняемымъ способамъ уклоняться отъ слѣдствія и суда: отдача на поруки составляетъ высшую мѣру противъ обвиняемыхъ въ такихъ дѣланіяхъ, за которыя полагаются наказанія не свыше заключенія въ смирительномъ домѣ, тюрьмѣ или крѣпости, безъ ограниченія правъ; взятіе залога играетъ такую же роль относительно обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою заключеніе въ смирительномъ домѣ или крѣпости, съ ограниченіемъ правъ, и наконецъ содержаніе подъ стражею является высшею мѣрою противъ обвиняемыхъ во всѣхъ прочихъ, болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою содержаніе въ рабочемъ домѣ, арестантскихъ ротахъ, ссылке на житъе съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а также лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку на поселеніе или отдачу въ каторжныя работы. Впрочемъ эта лѣствица мѣръ обезпеченія обязательна для слѣдователя только въ томъ отношеніи, что противъ обвиняемаго въ известномъ преступленіи онъ не можетъ принять мѣры выше той, которая указана въ данномъ случаѣ какъ maximum. Хотя и въ этомъ отношеніи 420 ст. Устава весьма часто даетъ судебному слѣдователю право перейти за указанный предѣлъ, но во всякомъ случаѣ слѣдователь не ограниченъ какими либо предѣлами въ пониженіи мѣръ обезпеченія, даже противъ обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ. Основаніемъ къ принятію той или другой мѣры, въ указанныхъ размѣрахъ, должны служить соображенія, основан-

ныя на строгости наказанія, угрожающаго обвиняемому, силѣ представляющихся противъ него уликъ, возможности скрыть слѣды преступленія, состоянїи здоровья, полѣ, возрастѣ и положенїи обвиняемаго въ обществѣ (421 ст. уст.). Такимъ образомъ отдача на поруки и взятіе залога составляютъ какъ бы раздѣльныя грани въ полномъ ряду мѣръ обезпеченія.

Но едвали найдутся какіе либо значительные аргументы противъ того мнѣнія, что можно было бы установить болѣе снисходительное для обвиняемыхъ раздѣленіе этихъ мѣръ. Теперь же, на основанїи Устава, возможно требованіе залога отъ обвиняемаго въ преступленїи, влекущимъ за собою всего только заключеніе въ крѣпости на 1 годъ и 4 мѣсяца (2 ст. 34 ст. улож.) или въ смиренномъ домѣ на 8 мѣсяцевъ (2 ст. 36 ст. улож.), причемъ нельзя забыть, что непредставленіе залога влечетъ личное задержаніе (428 ст. Уст.); возможно заключеніе подъ стражу лица по обвиненію въ преступленїи, влекущемъ за собою только заключеніе въ тюрьмѣ съ лишенїемъ особенныхъ правъ и преимуществъ (1656 ст. улож. о нак.); и дѣйствительно, въ подобныхъ случаяхъ содержаніе подъ стражею опредѣляется весьма часто. Основнымъ правиломъ раздѣленія мѣръ пресѣченія на разряды, конечно, должно служить соображеніе о томъ, насколько тяжесть извѣстнаго наказанія, угрожающаго обвиняемому, можетъ искушать его къ уклоненію отъ слѣдствія и суда; если это искушеніе, эта вѣроятность уклоненія и побѣга не могутъ быть особенно сильны, то и не представляется оснований узаконять принятіе такихъ мѣръ пресѣченія, которыя по своимъ послѣдствіямъ почти равны наказаніямъ. Въ указанныхъ же нами случаяхъ такими тяжелыми мѣрами являются какъ взятіе подъ стражу, такъ и требованіе залога, непредставленіе коего влечетъ опять таки взятіе подъ стражу. Между тѣмъ имущественныя и семейныя права и свобода пользованія ими составляютъ для большинства обвиняемыхъ неоцѣненное благо: побѣгъ обвиняемаго разрушаетъ не только его имущественные, семейные и общественные интересы, но и ставитъ его самаго въ положеніе гораздо болѣе тягостное нежели то въ какое онъ можетъ быть поставленъ наказанїемъ. Потому то при установленїи мѣръ обезпеченія, самая крайняя изъ нихъ — лишеніе свободы — должна быть узаконена только въ тѣхъ случаяхъ, когда угрожающее обвиняемому наказаніе должно быть для него несравненно тягостнѣе той обстановки, въ которую онъ можетъ войти чрезъ

уклоненіе отъ слѣдствія и суда, чрезъ побѣгъ. Такимъ образомъ требованіе поручительства могло бы быть вышею мѣрою противъ обвиняемыхъ во всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя не полагается наказаній выше заключенія въ смирительномъ домѣ или крѣпости, съ ограниченіемъ правъ и преимуществъ; требованіе залога можно было бы принять за высшую мѣру противъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою содержаніе въ рабочемъ домѣ, арестантскихъ ротахъ или ссылку на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи, съ потерю всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; наконецъ содержаніе подъ стражею оставалось бы высшею мѣрою обезпеченія противъ обвиняемыхъ во всѣхъ болѣе важныхъ преступленіяхъ. Извѣстно, что и по проекту Устава уголовного судопроизводства предполагалось требованіе залога сдѣлать высшею мѣрою обезпеченія противъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою содержаніе въ рабочемъ домѣ или ссылку на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. По нашему мнѣнію, отдача въ арестантскія роты столь же незначительно отличается отъ отдачи въ рабочей домъ съ лишеніемъ особенныхъ правъ, сколько и ссылка на житье въ Архангельскую губернію отъ ссылки на житье въ Сибирь. Поэтому нѣтъ основаній не ограничить предварительнаго лишенія свободы такъ, какъ указано выше. Уголовное правосудіе нисколько не пострадало бы отъ большаго расширенія права поручительства и представленія залога, въ виду того, что исключительные, индивидуальныя признаки и особенности каждаго дѣла, личности каждаго обвиняемаго и его общественной обстановки, могущіе внушить подозрѣніе о вѣроятности уклоненія и побѣга, всегда давали бы слѣдователю право значительно увеличить размѣръ залога и ответственности поручителя (424 ст. Уст.), или прямо перейти, на извѣстныхъ основаніяхъ, къ личному задержанію, минуя болѣе легкія мѣры (420 ст. Уст.). Если же расширеніе предварительнаго личнаго задержанія, на счетъ поручительства и взятія залога, сдѣлано уставомъ въ видахъ пресѣченія обвиняемому возможности скрыть слѣды во всѣхъ болѣе важныхъ преступленіяхъ, то для этой цѣли могло бы несравненно лучше служить введеніе въ Уставъ правила, подобнаго французскому закону 14 іюля 1865 года. По этому закону обвиняемому въ преступленіяхъ, подвергающихъ наказанію не свыше 2-хъ лѣтъ тюремнаго заключенія, предоставляется право требовать освобожденія отъ ареста

только по истеченіи пяти дней послѣ допроса (113 ст.). Такимъ же образомъ и у насъ, для предупрежденія возможности скрыть слѣды преступленія, могло-бы быть предоставлено усмотрѣнію слѣдователя личное задержаніе обвиняемыхъ, на срокъ не болѣе недѣли отъ 1-го допроса, въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемому грозитъ наказаніе не менѣ заключенія въ смирительномъ домѣ или крѣпости, съ ограниченіемъ правъ и преимуществъ; опасаться же въ этихъ случаяхъ произвола слѣдователя нельзя было бы, потому что въ постановленіи о такомъ арестѣ необходимо было бы подробно указать тѣ основанія и признаки, изъ которыхъ вытекаетъ предположеніе, что оставленный на свободѣ обвиняемый можетъ скрыть слѣды преступленія. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Кистяковского, что подобная мѣра уместна только тамъ, гдѣ вся дѣятельность слѣдователя должна быть направлена къ полученію признанія подсудимаго, къ тому, чтобы заставить самаго подсудимаго открыть всѣ обстоятельства преступленія; что наконецъ личное задержаніе вовсе не служитъ у насъ препятствіемъ къ скрытію слѣдовъ преступленія («О мѣрахъ пресѣченія» и проч. въ Журн. мин. мин. юст. 1868 г. № 10 стр. 427—428).

Дѣло въ томъ, что во 1-хъ есть большая разница между усиліями заставить обвиняемаго открыть обстоятельства преступленія и указать улики противъ самаго себя и между той мѣрой, которая, не повуждая обвиняемаго говорить противъ себя, только пресѣкаетъ ему возможность скрывать обстановку преступленія и улики въ совершеніи его. Пресѣченіе обвиняемому способовъ къ послѣдному еще не заключаетъ въ себѣ насилія противъ его свободной воли. Что касается до мнѣнія г. Кистяковского, что личное временное задержаніе вовсе не ведетъ къ предположенной цѣли—къ пресѣченію обвиняемому возможности скрыть слѣды преступленія, то въ практикѣ мнѣніе это не выдерживаетъ критики. Безъ сомнѣнія, случаются преступленія съ такой обстановкой, что было бы даже полезно оставить обвиняемаго на свободѣ съ самаго начала дѣла, въ тѣхъ видахъ, что предоставленный самому себѣ, обвиняемый, употребляя старанія скрыть слѣды преступленія, невольно выдастъ ихъ своими поступками; но этотъ приѣмъ удастся только подъ условіемъ тщательнаго тайнаго наблюденія за поведеніемъ обвиняемаго, что у насъ въ большинствѣ случаевъ вовсе невозможно, по неимѣнію для этого никакихъ средствъ. Но за то наши громадныя пустынные пространства, рѣдкость населенія, неразви-

тость общественной жизни, отсутствіе хорошо организованной сыскной полиціи, незначительность содѣйствія слѣдователю со стороны общества—все это такія обстоятельства, которыя даютъ преступнику полную возможность скрыть или уничтожить слѣды преступленія, измѣнить его обстановку еще до начала предварительнаго слѣдствія. Громадное количество дѣлъ, находящееся на рукахъ у каждаго слѣдователя, значительныя разстоянія въ участкахъ не даютъ ему возможности немедленно послѣ перваго вопроса начинать дальнѣйшее производство слѣдствія по каждому преступленію. Исключая слѣдствія по дѣламъ первой важности, остальные начинаются обыкновенно послѣ извѣстнаго промежутка времени, въ теченіи котораго отпущенный на свободу обвиняемый можетъ дѣлать что ему угодно. Между тѣмъ всякій согласится, что сила подъ арестомъ, можно скрыть слѣды преступленія только уже чрезъ третьихъ лицъ; а найти такихъ посредниковъ было трудно и прежде, а теперь и еще труднѣе. Что касается до мелкихъ правонарушеній, то они сами по себѣ не на столько важны и неоткрытіе виновныхъ въ нихъ не ведетъ къ такимъ вреднымъ послѣдствіямъ, чтобы по нимъ стоило лишать обвиняемаго свободы, хотя бы и на незначительный срокъ.

Въ видѣ исключенія, нашъ уставъ даетъ особенно широкое примѣненіе поручительству и залогу въ дѣлахъ по преступленіямъ и проступкамъ противъ имущества и доходовъ казны. Здѣсь, кромѣ этихъ двухъ мѣръ да личнаго задержанія, предписывается не принимать никакихъ другихъ (1164 ст.). Такъ какъ непредставленіе поручительства или залога, и притомъ непременно въ суммѣ угрожающаго денежнаго взыскація, влечетъ за собою личное задержаніе, то правило это крайне обременительно по всемъ тѣмъ нарушеніямъ, которыя, кромѣ денежной, никакой личной ответственности виновныхъ неподвергаютъ. Если законъ хотѣлъ обезпечить этимъ взысканіе штрафовъ, которые могутъ быть присуждены, то поручительство, также какъ и залогъ, представленный не самимъ обвиняемымъ, вовсе не ведутъ къ этой цѣли, которая кромѣ того, помимо этихъ мѣръ, можетъ быть вполне достигнута своевременнымъ наложеніемъ по 1159 ст. запрещенія или ареста на имущество обвиняемыхъ. Если же обвиняемый ничего неимѣетъ, то предупредительныя мѣры противъ его личности не могутъ оказать въ этомъ случаѣ никакой помощи. Такимъ образомъ по этимъ преступленіямъ было бы достаточно принятія и болѣе легкихъ мѣръ,

такъ какъ при неимѣннй средствъ къ уплатѣ штрафа, обвиняемый можетъ быть подвергнутъ въ наказаніе только тюремному заключенію не свыше 5 лѣтъ, при чемъ высшіе размѣры тюремнаго заключенія, конечно, составляютъ только крайне рѣдкія исключенія. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что при опредѣленіи мѣръ, пресѣкающихъ обвиняемымъ возможность уклоняться отъ слѣдствія и суда, нашъ уставъ ничего не упомянулъ о рецидивистахъ. Во Франціи по закону 1865 года лица, уже осужденныя разъ за совершеніе преступленія (сігнѣ), а также приговоренныя къ тюремному заключенію болѣе чѣмъ на годъ, не пользуются правомъ требовать освобожденія отъ предварительнаго ареста по истеченіи 5-ти дней послѣ допроса, хотя бы тахімъ наказанія за новое преступленіе, въ коемъ они обвиняются, и не превышалъ 2-хъ лѣтняго тюремнаго заключенія. Подобная же мѣра относительно рецидивистовъ была бы весьма цѣлесообразна и у насъ, при полномъ отсутствіи хорошо организованной полиціи, могущей предупредить преступленія. Теперь же человѣкъ, уже разъ наказанный и вновь обвиняемый въ преступленіи, наказаніе за которое не превышаетъ заключенія въ смиригельномъ домѣ или крѣпости, съ ограниченіемъ правъ, и неподлежащій по этому предварительному аресту, можетъ, оставаясь на свободѣ, совершить до суда еще не одно довольно важное преступленіе, представляя только при каждомъ новомъ уголовномъ преслѣдованіи требуемыя поруки или залогъ. Разумѣется, при подобныхъ обстоятельствахъ остается только потребовать залогъ такой величины или поручительство на такую сумму, какихъ не можетъ представить рецидивистъ; но подобное требованіе, сдѣланное слѣдователемъ съ цѣлью дать себѣ возможность примѣнить 428 ст. уст., т. е. подвергнуть обвиняемаго личному задержанію, будетъ противорѣчить какъ 421, такъ и 424 ст. уст., на основаніи которыхъ сумма поручительства или залога должна сообразоваться съ строгостью наказанія, угрожающаго виновному, и съ состояніемъ поручителя, а не съ какими либо иными, косвенными цѣлями.

Къ вопросу о пространствѣ дѣйствія мѣръ обезпеченія необходимо прибавить еще два слѣдующія замѣчанія:

1) По нашимъ законамъ всѣ несовершеннолѣтніе отъ 10 до 14 лѣтъ отъ роду, учинившіе преступленіе съ разумнѣемъ, подвергаются сравнительно весьма легкимъ наказаніямъ такъ, что самыя высшія изъ наказаній — каторжныя работы — замѣняются для нихъ ссылкой въ Си-

бирь на поселеніе; такого же рода смягченіе наказаній слѣдуетъ и для преступниковъ отъ 14 до 17 лѣтъ отъ роду, дѣйствовавшихъ безъ полнаго разумѣнія (137 — 138 ст. улож.). Такъ какъ вопросъ о совершеніи преступленія съ разумѣнемъ или безъ разумѣнія рѣшается только судомъ, такъ какъ возрастъ такихъ лицъ даетъ уже самъ по себѣ значительную степень вѣроятія тому предположенію, что они дѣйствовали безъ разумѣнія—то было бы весьма полезно признать залогъ за высшую мѣру обезпеченія противъ обвиняемыхъ, имѣющихъ менѣе 17 лѣтъ отъ роду, чѣмъ во многихъ случаяхъ можно было бы устранить вредное вліяніе острога на малолѣтнихъ преступниковъ

2) Учрежденіе судебныхъ установленій произвело одно оригинальное измѣненіе въ системѣ нашего уложенія: по уложенію заключеніе въ тюрьмѣ, въ видѣ наказанія, не влечетъ за собою для виновнаго потери какихъ либо правъ и преимуществъ: между тѣмъ, на основаніи 21, 82 и 201 ст. Учрежд. Суд. Уст., лица, подвергшіяся по суду заключенію въ тюрьмѣ, лишены права быть присяжными засѣдателями, мировыми судьями, членами общихъ судебныхъ мѣстъ, чинами прокурорскаго надзора и канцелярій судебныхъ мѣстъ; эти права несомнѣнно входятъ въ составъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ и преимуществъ, перечисленныхъ въ 50 ст. Улож. о наказ. Возникаетъ слѣдующій вопросъ: какую мѣру обезпеченія слѣдуетъ признать за максимумъ: поручительство ли, по 417 ст. Уст., или залогъ, по 418 статьѣ, въ томъ случаѣ, если наказаніемъ полагается тюремное заключеніе? Это недоразумѣніе вовсе не разъяснено Уставомъ, такъ какъ въ упомянутыхъ статьяхъ въ числѣ наказаній непредусмотрѣно заключеніе въ тюрьмѣ съ ограниченіемъ части личныхъ правъ. Но полагаемъ, что по общему правилу о толкованіи уголовныхъ законовъ (*interpretatio non extensiva, sed restrictiva*) высшею мѣрою обезпеченія слѣдуетъ въ данномъ случаѣ признать, по 417 ст. Уст., поручительство, потому что во 1-ыхъ лишеніе права на службу по судебному вѣдомству не есть еще ограниченіе всѣхъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя носятъ названіе нѣкоторыхъ личныхъ, а только части ихъ; во 2-ыхъ залогъ является, по 418 ст., высшею мѣрою обезпеченія только противъ тѣхъ обвиняемыхъ, которымъ грозитъ ограниченіе всѣхъ, а не части нѣкоторыхъ личныхъ правъ и преимуществъ, и притомъ иначе, какъ въ соединеніи съ заключеніемъ въ смиренномъ домѣ или крѣпости, а не въ тюрьмѣ.

II.

Обратимся къ опредѣленію, что такое поручительство простое и поручительство съ залогомъ. Простымъ поручительствомъ называется ручательство, данное суду извѣстнымъ физическимъ или юридическимъ лицомъ въ томъ, что обвиняемый въ какомъ либо преступленіи не будетъ уклоняться или скрываться отъ слѣдствія и суда; гарантіей достовѣрности ручательства служить добровольно принимаемое поручителемъ обязательство заплатить государству извѣстный, напередъ опредѣленный судебною властью, штрафъ въ томъ случаѣ, если ручательство не оправдаетъ довѣрія суда. Поручительство съ залогомъ, представляемымъ или постороннимъ лицомъ или самимъ обвиняемымъ, отличается отъ простаго поручительства только тѣмъ, что вмѣсто обѣщанія заплатить въ извѣстномъ случаѣ штрафъ, заранее представляется казнѣ имущество, по цѣнѣ равное съ условленнымъ штрафомъ, которое въ случаѣ исполненія ручательства возвращается по принадлежности, а въ случаѣ неисполненія—конфискуется. Таково опредѣленіе поручительства простаго и поручительства съ залогомъ или, какъ говорятъ для краткости, просто залога; оно исключаетъ всѣ иныя толкованія, по которымъ эти мѣры обезпеченія, помимо своей специальной и притомъ единственной цѣли, будтобы могутъ обезпечивать взысканіе гражданскаго вознагражденія, судебныхъ издержекъ и штрафовъ, къ платежу которыхъ обвиняемый можетъ быть приговоренъ въ послѣдствіи.

Изъ вышеизложеннаго опредѣленія ясно, что для обвиняемаго несравненно легче и удобнѣе представить поручительство, нежели залогъ. При маломъ развитіи экономическаго быта нашего отечества, при рѣдкости въ немъ свободныхъ капиталовъ, которые легко было бы на время изъять изъ обращенія, при бѣдности сельскаго населенія, къ коему принадлежитъ самая значительная часть обвиняемыхъ, представленіе залога, какъ мѣра обезпеченія, не можетъ играть у насъ въ настоящее время значительной роли, а потому и необходимо возможно широкое примѣненіе поручительства, въ видахъ чего и указано нами желательное расширеніе 417 ст. Устава.

Поручительство или залогъ представляются обвиняемымъ по требованію судебного слѣдователя. Въ особомъ постановленіи, составляемомъ по 472 ст. Уст. уг. суд., должны быть указаны тѣ основанія, въ силу которыхъ судебный слѣдователь принимаетъ ту

или другую мѣру обезпеченія, изъ числа установленныхъ уставомъ. Въ этомъ случаѣ слѣдователь непременно долженъ принимать во вниманіе указанія 421 ст. уст., именно соображаться во 1-хъ не только со строгостью грозящаго обвиняемому наказанія, но и съ силою уликъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это правило установлено въ виду старыхъ судебныхъ порядковъ, по которымъ для предварительнаго ареста часто было достаточно одного голословнаго обвиненія въ тяжкомъ преступленіи; теперь же одинъ слѣдователь, при опредѣленіи мѣры обезпеченія, не можетъ ограничиться указаніемъ наважность преступленія — съ его стороны необходимо еще выяснитъ большую или меньшую силу уликъ, заставляющихъ принять противъ обвиняемаго ту или другую мѣру. Далѣе, при избраніи этой мѣры, слѣдователь долженъ сообразить, насколько для обвиняемаго возможно скрыть слѣды преступленія; очевидно, что соображенія по этому предмету могутъ имѣть вліяніе только при обрѣженіи — слѣдуетъ или неслѣдуетъ подвергнуть обвиняемаго предварительному аресту, такъ какъ возможность скрыть слѣды преступленія остается совершенно одинаковою при всѣхъ другихъ мѣрахъ обезпеченія, кромѣ лишенія свободы. Затѣмъ въ 421 ст. указаны еще слѣдующія основанія для избранія одной изъ мѣръ пресѣченія: состояніе здоровья, полъ, возрастъ, положеніе обвиняемаго въ обществѣ. Такимъ образомъ слабое здоровье, принадлежность къ женскому полу, малолѣтство или престарѣлость, твердое, осѣдлое общественное положеніе обвиняемаго — должны служить прямыми поводами къ принятію болѣе легкихъ мѣръ обезпеченія, и особенно эти мотивы должны играть значительную роль при выборѣ между поручительствомъ, взятіемъ залога съ одной стороны и предварительнымъ арестомъ съ другой; неимѣніе осѣдлости указано въ 420 ст. какъ основаніе къ предварительному аресту, помимо взятія поручительства или залога. Конечно, осѣдлость должна быть понимаема въ возможно широкомъ значеніи этого слова, такъ что къ лицамъ, неимѣющимъ осѣдлости, должны быть причислены только неимѣющіе гдѣ либо своего собственнаго хозяйства или занятія, а именно бродяги и бѣглецы (Кистяковскій, въ жур. Мин. Юст. 1868 года № 10, стр. 422—431). Затѣмъ судебному слѣдователю необходимо имѣть въ виду слѣдующія условія при опредѣленіи залога или поручительства, какъ мѣры обезпеченія противъ извѣстнаго обвиняемаго: 1) поручителемъ можетъ быть всякое состоятельное лицо, общество или учрежденіе, а за-

логъ можетъ быть представленъ какъ самимъ обвиняемымъ, такъ и всякимъ другимъ лицомъ (422 и 423 ст.) 2) сумма поручительства или залога ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть менѣ количества вознагражденія, отыскиваемого гражданскимъ истцомъ, если этотъ искъ подкрѣпляется достовѣрными доказательствами (425 ст.) и 3) залогъ долженъ быть въ деньгахъ или движимомъ имуществѣ (423 ст.).

Такимъ образомъ, во первыхъ, поручителями могутъ быть не только лица физическія, но и юридическія, чрезъ своихъ уполномоченныхъ на это представителей; могутъ быть напримѣръ поручителями сельскія или городскія общества, университеты, земскія управы, частныя коммерческія, ученныя или благотворительныя общества или компаніи, подъ однимъ только условіемъ, чтобы эти юридическія лица обладали необходимою для того состоятельностью; хотя юридическія лица неупоминаются въ числѣ тѣхъ, которыя могутъ представить залогъ, но очевидно, что выраженіе закона: «залогъ... можетъ быть представленъ... всякимъ другимъ лицомъ, неисключаетъ понятія о лицахъ юридическихъ. Затѣмъ для практики выраженія закона «состоятельный» «всякій» имѣютъ особенно важное значеніе, и потому смыслъ ихъ долженъ быть разъясненъ весьма точно. Состоятельность лица, представляющаго залогъ, доказывается самымъ фактомъ представленія залога; но какимъ способомъ должна быть удостовѣрена состоятельность поручителя? Долженъ ли самъ слѣдователь собрать данныя для разрѣшенія вопроса о состоятельности, или эти данныя должны быть представлены обвиняемымъ или его поручителемъ? Разумѣется, слѣдователю нѣтъ надобности требовать удостовѣренія отъ такого поручителя, состоятельность коего ему лично извѣстна; но затѣмъ ему недолжно быть возбраняемо удостовѣряться въ состоятельности прочихъ всѣми тѣми доказательствами, которыя онъ признаетъ достаточными для того, чтобы считать поручителя за такое лицо, которое всегда имѣетъ средства внести условленную сумму или обладаетъ такимъ имуществомъ, котораго будетъ достаточно для взысканія этой суммы. Такими доказательствами могутъ быть какъ документы о принадлежности имущества поручителю, такъ и удостовѣренія земскихъ управъ, обществъ, представителей сословій, къ коимъ принадлежитъ поручитель; наконецъ въ этомъ случаѣ можетъ быть родъ поручительства за поручителя, то есть, извѣстное слѣдователю богатое лицо можетъ удостовѣрить состоятель-

ность самаго поручителя. Разумѣется денежная отвѣтственность за несостоятельнаго поручителя ложится на того, кто удостовѣрилъ его состоятельность. Собираеть доказательства состоятельности слѣдователь, по нашему мнѣнію, необязанъ; эти доказательства должны быть представлены ему или обвиняемому, или тѣмъ лицомъ, которое желаетъ быть поручителемъ. Замѣтимъ, что разъ признанная состоятельность поручителя предполагается таковою на все время существованія порукъ, если только потому не сдѣлалось известнымъ, что поручитель раззорился уже послѣ принятія на себя поруки. Во всякомъ случаѣ на имущество поручителя не налагается ареста или запрещенія въ условленной суммѣ, такъ какъ иначе поручительство сдѣлалось бы равносильнымъ съ представленіемъ залога. Болѣе важныя затрудненія встрѣчаются при толкованіи того опредѣленія устава, что поручителемъ и залогодателемъ можетъ быть «всякое» лицо. Если ставить единственнымъ условіемъ для поручителя и залогодателя состоятельность—то мы придемъ къ тому выводу, что представить залогъ или сдѣлаться поручителемъ можетъ и несовершенно-лѣтній, и находящійся на свободѣ обвиняемый по тому же преступленію, по коему отъ другаго обвиняемаго требуется залогъ или поручительство, и наконецъ лицо, лишенное по судебному приговору всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, т. е. общественнаго довѣрія. Мы полагаемъ, что подобное толкованіе будетъ совершенно несогласно съ духомъ залогодательства и поведетъ къ абсурду. Нѣтъ сомнѣнія, что сдѣлка поручителя или залогодателя съ государствомъ носить на себѣ характеръ гражданскій; для соблюденія-то гражданскихъ интересовъ этой сдѣлки и требуется состоятельность лица, вступающаго въ сдѣлку. Но, помимо гражданскаго значенія, эта сдѣлка носить на себѣ еще и государственный характеръ; заключаемая въ интересахъ сохраненія свободы обвиняемаго, непризнаннаго еще виновнымъ по суду, она должна быть исполняема въ виду интересовъ чисто государственныхъ, въ виду необходимости открывать и наказывать преступниковъ. Лицо, ставшее поручителемъ за обвиняемаго, давшее судебной власти слово, что обвиняемый не уклонится и не скроется отъ призыва правосудія, несетъ предъ государствомъ и всѣмъ обществомъ не только денежную, но и нравственную отвѣтственность въ томъ случаѣ, если окажется, что ручательство незаслуживало довѣрія, которое было дано ему судебною властью. Самое взысканіе съ поручителя штрафа можно раз-

смагивать не какъ взысканіе неустойки по гражданской сдѣлкѣ, а какъ уголовную пеню. Отсюда тотъ выводъ, что поручитель, помимо представляемаго матеріальнаго обезпеченія своего ручательства, долженъ кромѣ того приобрести отъ судебной власти нравственное довѣріе къ своему слову. Если бы не эти соображенія, то не составляла бы абсурда отдача на поруки одного арестованнаго обвиняемаго другому обвиняемому въ томъ же преступленіи, но только находящемуся на свободѣ, потому что конечно личный интересъ заставитъ такого поручителя пожертвовать извѣстной суммой, какъ штрафомъ за невѣрное ручательство, но за то скрыть своего сообщника, который въ противномъ случаѣ можетъ уличить товарища, доказать его виновность. Эти же соображенія, по нашему мнѣнію, даютъ право судебному слѣдователю устранять отъ поручительства лицъ, лишенныхъ общественнаго довѣрія по суду, то есть подвергшихся лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. По тѣмъ же основаніямъ не должны быть принимаемы въ поручители лица, не достигшія совершеннолѣтія, съ коимъ соединяетъ законъ предположеніе о полной психической зрѣлости; для послѣднихъ лицъ препятствіемъ въ этомъ случаѣ являются гражданскіе законы, не признающіе ихъ вполне правоспособными къ заключенію даже чисто гражданскихъ сдѣлокъ. Такииъ образомъ, по нашему мнѣнію, подъ выраженіемъ «всякое состоятельное лицо» слѣдовало бы понимать всякое такое состоятельное лицо, которое достигло, пользуется и не лишено общественнаго довѣрія.

2) Слѣдующее затѣмъ условіе—чтобы сумма поручительства и залога не была менѣ цѣны иска гражданского истца—кажется намъ несогласнымъ съ истиннымъ характеромъ и цѣлью поручительства и залога; послѣдніе предназначены не для обезпеченія иска гражданской стороны, а единственно для пресѣченія обвиняемому способамъ уклониться отъ слѣдствія и суда. Вышеозначенное условіе идетъ въ разрѣзъ съ истинною цѣлью этихъ мѣръ обезпеченія и чрезвычайно стѣснительно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства дѣла даютъ полныя основанія къ предположенію, что сумма ниже отыскиваемаго вознагражденія могла бы служить достаточной гарантіей неуклоненія обвиняемаго отъ слѣдствія и суда. Въ примѣчаніи къ 425 ст. Уст. Уг. суд. изд. госуд. канц. сказано, что при редакціи 425 ст. имѣлось между прочимъ въ виду оградить потерпѣвшихъ лицъ отъ невозвратныхъ потерь въ случаѣ

передачи обвиняемыми своего имѣнія въ чужія руки. Но во-первыхъ ни поручительство, ни залогъ, представленный постороннимъ лицомъ, нисколько не ведутъ къ этой цѣли; во вторыхъ очень многимъ обвиняемымъ даже нечего и передать въ чужія руки, и въ третьихъ гражданское вознагражденіе обеспечивается совершенно иными способами, именно наложеніемъ ареста и запрещенія на имущество обвиняемаго въ томъ случаѣ, если объ этомъ представлено отъ потерѣвшаго лица надлежащее требованіе, подрѣвленное достаточными доказательствами (305 и 268 ст. Уст. Уг. суд.). Несоразмѣрно строгое охраненіе интересовъ гражданского истца, падающее не на имущество обвиняемаго, какъ бы слѣдовало, а прямо на его личность, часто ставитъ обвиняемаго въ полную невозможность воспользоваться правомъ свободы до суда подъ условіемъ представленія порукъ или залога; эта невозможность, повторяемъ, возникаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда при значительности подрѣвленнаго достаточными доказательствами гражданского иска нѣтъ все-таки основаній предполагать возможности уклоненія обвиняемаго отъ слѣдствія и суда, напримѣръ во многихъ видахъ кражъ.

Такимъ образомъ правило, изложенное въ 425 ст. Уст., противорѣчитъ цѣли, для достиженія которой принимаются мѣры обезпеченія. Поэтому толкованіе 425 ст. должно быть сколь возможно ограничительное, именно статья эта должна быть примѣняема только въ тѣхъ случаяхъ, когда гражданскій истецъ заявилъ искъ о вознагражденіи и подрѣшилъ его полными и несомнѣнными доказательствами, и если притомъ на имущество обвиняемаго не было наложено запрещенія или ареста въ суммѣ иска; въ противномъ случаѣ, если гражданскій искъ уже былъ обезпеченъ, то, по совершенно вѣрному замѣчанію г. Кистяковского, примѣненіе 425 ст. не можетъ имѣть мѣста (Кистяковскій, въ журн. мин. юст. 1868 года № 10 стр. 437—438). Если же имущества обвиняемаго достало на обезпеченіе только части гражданского иска, то поручительство и залогъ не должны быть менѣ той части иска, которая осталась необезпеченною. Наконецъ замѣтимъ, что сумма поручительства и залога, установленная 425 ст. какъ *minimum*; во многихъ случаяхъ, по изложеннымъ основаніямъ, принимается практикой за *maximum*.

3) Послѣднее изъ поименованныхъ нами условій специально относится только къ залогу: залогъ долженъ состоять изъ денегъ или движимости; недвижимое имущество въ залогъ не принимается.

Нельзя не согласиться въ этомъ случаѣ съ г. Кистяковскимъ, что ограниченіе это крайне стѣснительно и притомъ именно у насъ, гдѣ количество капиталовъ въ видѣ движимыхъ цѣнностей неособенно значительно. Разумѣется, представленіе въ залогъ недвижимаго имущества влечетъ за собою извѣстныя затрудненія, сопряженныя какъ съ наложеніемъ запрещенія на представляемое имѣніе (безъ чего образовалось бы простое поручительство), такъ и съ оцѣнкой этого имѣнія, необходимой для того, чтобы судить, равняется ли стоимость имѣнія суммѣ требуемаго залога; но во первыхъ процедура наложенія запрещенія на имѣніе могла бы быть упрощена, и конечно упростится, съ ожидаемымъ введеніемъ гипотечной системы, при которой было бы также возможно представленіе въ залогъ закладныхъ актовъ на недвижимое имущество; во вторыхъ приблизительная оцѣнка недвижимости также не представляетъ, въ сравненіи съ оцѣнкою движимости, тѣхъ крайнихъ затрудненій, изъ за которыхъ необходимо было бы вовсе недопускать въ залогъ недвижимости. Если въ залогъ представляются деньги, денежные знаки или драгоценности, то судебный слѣдователь еще не встрѣчаетъ затрудненій; но затѣмъ, если залогодатель представитъ въ залогъ какую либо громоздкую или малоцѣнную движимость, напримѣръ амбаръ съ хлѣбомъ, магазинъ съ мебелью—то затрудненій представится никакъ не менѣе, если не болѣе тѣхъ, какія могли бы возникнуть съ представленіемъ въ залогъ недвижимости: судебному слѣдователю приходится въ такомъ случаѣ требовать доказательствъ цѣны движимаго имущества, застрахованія его, принятія мѣръ къ охраненію этого имущества и проч. Буквальный смыслъ закона не запрещаетъ принимать въ залогъ даже такую движимость, которая подвержена быстрому тлѣнію, хотя едва ли какой либо слѣдователь рѣшится принять ее въ залогъ; основаніемъ отказа должно служить то соображеніе, что при возможности быстрого и сильнаго пониженія цѣнности такого залога, послѣдній не можетъ соответствовать той суммѣ, которая дѣйствительно должна быть въ залогъ во все время, до окончанія дѣла.

За исключеніемъ условій, указанныхъ въ разсмотрѣнныхъ уже нами 422, 423 и 425 статьями, законъ не дѣлаетъ болѣе никакихъ ограниченій относительно установленія и принятія поручительства и залога. Нашъ Уставъ совершенно основа-

тельно неопредѣляетъ ни *minimum*а, ни *maximum*а залога и поручительства, какъ нѣкоторыя иностранныя законодательства, а предоставляетъ въ каждомъ частномъ случаѣ опредѣленіе размѣра залога соображеніямъ слѣдователя, который, на основаніи 424 ст., долженъ имѣть при этомъ въ виду строгость наказанія, угрожающаго обвиняемому, и состояніе поручителя или залогодателя. Впрочемъ практично требованіе закона, чтобы на размѣръ залога и поручительства имѣло вліяніе состояніе поручителя: поручительство и залогъ принимаются подъ условіемъ обращенія условленной суммы въ пользу казны, въ случаѣ уклоненія обвиняемаго отъ слѣдствія и суда; но эта угроза теряетъ всякое значеніе, если сумма залога настолько мала, что не удерживаетъ обвиняемаго отъ уклоненія или побѣга; при назначеніи малыхъ суммъ найдется много такихъ поручителей, которые безъ всякой осмотрительности будутъ давать свое поручительство за каждаго обвиняемаго, не обращая особаго вниманія на послѣдствія неисполненнаго ручательства; напротивъ, назначеніе суммы въ высокомъ размѣрѣ отклонитъ обвиняемаго отъ побѣга и невольно побудитъ каждаго поручителя обсудить послѣдствія своего ручательства, которое въ такомъ случаѣ и будетъ представляться съ крайнею осторожностью. Съ другой стороны назначенная сумма не должна быть несоразмѣрна велика, такъ какъ иначе слѣдователь, вдаваясь въ противоположную крайность, пресѣчетъ обвиняемому всякую возможность представить залогъ или поручителя. Словомъ, при опредѣленіи размѣра суммы, судебный слѣдователь обязанъ подробно обсудить положеніе обвиняемаго и обстановку дѣла. Во всякомъ случаѣ поучительный примѣръ представляетъ англійская практика, гдѣ обычай установилъ какъ *minimum* сумму около 60 рублей для поручительства за преступниковъ изъ нисшаго класса, а *maximum* для перовъ принять въ 7200 рублей. При этомъ возникаетъ еще слѣдующій вопросъ: какимъ образомъ сумма поручительства или залога можетъ быть соразмѣрена съ состояніемъ поручителя, когда въ большинствѣ случаевъ, при самомъ опредѣленіи слѣдователемъ мѣры обезпеченія, еще неизвѣстно, кто именно изъявитъ желаніе представить залогъ или простое поручительство? Въ этомъ случаѣ слѣдователю остается только соображаться со степенью состоятельности той среды, изъ которой обвиняемый можетъ по всему вѣроятію представить поручителей; общественное положеніе обвиняемаго, его занятія и связи, извѣ-

стныя слѣдователю, всегда дадутъ ему въ этомъ отношеніи довольно вѣрныя указанія; но такъ какъ и при такихъ обстоятельствахъ точнаго опредѣленія размѣра суммы сдѣлать невозможно, то самое лучшее, если слѣдователь, устанавливая мѣру обезпеченія, обозначить сумму поручительства или залога приблизительно, въ высшемъ и низшемъ предѣлахъ, предоставляя себѣ право точнѣе опредѣлить и соразмѣрить эту сумму съ состояніемъ поручителя, когда уже явится этотъ послѣдній. За всеѣмъ тѣмъ нельзя не признать, что если слѣдователь не можетъ понижать суммы поручительства ниже того размѣра, который однажды принять имъ сообразно съ угрожающимъ наказаніемъ, силою уликъ, положеніемъ обвиняемаго въ обществѣ и другими особенностями дѣла, — то, съ другой стороны, могутъ быть случаи, когда въ послѣдствіи бываетъ необходимо повысить сначала опредѣленную сумму залога и поручительства; такіе случаи возникаютъ тогда, когда желаніе быть поручителемъ заявлено лицомъ, состоятельность котораго значительно превышаетъ состоятельность среды, изъ которой сначала предполагалась явка поручителя; такъ за обвиняемаго не богатаго крестьянина можетъ неожиданно явиться поручителемъ его знакомый, богатый торговецъ или помѣщикъ, и тогда опредѣленная предварительно сумма поручительства или залога, напримеръ приблизительно около 25 рублей, можетъ оказаться несообразно низкою. Если, не смотря на то, оставить тотъ же размѣръ суммы поручительства, то это противорѣчило бы какъ закону, требующему соразмѣрности этой суммы съ состояніемъ поручителя, такъ и всеѣмъ тѣмъ соображеніямъ, на основаніи которыхъ установлено послѣднее правило. Такимъ образомъ слѣдователь въ подобномъ случаѣ долженъ значительно повысить опредѣленную имъ сумму, причѣмъ гарантіей отъ излишняго стѣсненія обвиняемаго будетъ служить составляемое по этому поводу постановленіе, долженствующее объяснить причины такого образа дѣйствій.

Нерѣдко бываетъ въ практикѣ, что при опредѣленіи мѣры обезпеченія судебный слѣдователь, остановившись на залогѣ и назначивъ сумму, въ тоже время даетъ самому обвиняемому право представить не залогъ, а простое безъ залога поручительство; но при этомъ слѣдователь назначаетъ сумму поручительства въ размѣрѣ, значительно большемъ суммы залога. Нельзя ничего сказать противъ такой методы, усвоенной въ видахъ облегченія об-

виняемаго; исключительное требованіе одного только залога слишкомъ часто вело бы къ напрасному личному задержанію обвиняемаго, на основаніи 428 ст. Устава, по причинѣ крайней неблагопріятности условій, при которыхъ возможно у насъ представленіе залога, а именно по причинѣ запрещенія представлять въ залогъ недвижимыя вещи. Однако если судебный слѣдователь признаетъ, что залогъ есть такая мѣра обезпеченія, которая должна быть принята въ данномъ дѣлѣ, и всетаки даетъ обвиняемому право представить вмѣсто того простое поручительство, то послѣднее должно быть назначено въ такомъ размѣрѣ, чтобы никакъ не менѣе поручительства съ залогомъ обезпечивало судебную власть отъ уклоненія и побѣга обвиняемаго. Сущность дѣла заключается въ томъ, что бы обвиняемый могъ избрать не болѣе легкую и слабую изъ двухъ, мѣръ обезпеченія, а только болѣе удобную для него изъ двухъ одинаково предупреждающихъ его уклоненіе и побѣгъ. А такъ какъ простое поручительство въ суммѣ, равной съ залогомъ, значительно менѣе послѣдняго обезпечиваетъ юстицію, менѣе предупреждаетъ возможность побѣга, то и необходимо, чтобы уравновѣсить эти двѣ мѣры, назначить сумму простаго поручительства въ размѣрѣ болшемъ, нежели сумму залога. Въ противномъ случаѣ, при отсутствіи такого повышенія, слѣдователь призналъ бы за равныя такія двѣ мѣры обезпеченія, изъ которыхъ одна закономъ установлена, какъ болѣе легкая, а другая—какъ болѣе сильная.

III.

Назначивъ залогъ или поручительство въ извѣстной суммѣ, судебный слѣдователь о всѣхъ основаніяхъ такого распоряженія долженъ составить, по 472 ст. Устава, особое объяснительное постановленіе, и затѣмъ предъявить это постановленіе обвиняемому, съ требованіемъ опредѣленнаго поручительства или залога. Если обвиняемый не можетъ немедленно представить залога или поручителя, то онъ подвергается, на основаніи 428 ст. Устава, личному задержанію впродъ до исполненія предъявленныхъ ему требованій. Кромѣ того слѣдователь объ основаніяхъ установленія одной изъ этихъ 2-хъ мѣръ увѣдомляетъ прокурора, если слѣдствіе производится о преступленіи, подвергающемъ лишенію всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ (284 ст.). Гражданскій истецъ не увѣдомляется не только о принятіи той или другой мѣры, но даже и о суммѣ поручительства или залога, ибо по 2 и 4 п. п. 304 ст. онъ имѣетъ

возможность узнать объ этомъ самъ, если пожелаетъ. Такъ какъ въ Уставѣ нѣтъ указаній на сроки, въ теченіи которыхъ обвиняемый можетъ избавить себя отъ ареста представлениемъ залога или поручителей, то нѣтъ сомнѣнія, что такое право существуетъ не только во все продолженіе предварительнаго слѣдствія, но и во всю послѣдующую процедуру, до самаго суда, лишь бы только установленная слѣдователемъ мѣра обезпеченія не была измѣнена обвинительной камерой. Такимъ образомъ если обвиняемый, подвергнутый личному задержанію по 428 ст., представитъ слѣдователю залогъ или поручителей уже послѣ окончанія и отсылки предварительнаго слѣдствія, то и въ такомъ случаѣ судебный слѣдователь обязанъ поступить также, какъ и во время производства имъ дѣла, то есть принять залогъ или поручительство и освободить обвиняемаго, увѣдомивъ конечно о всемъ этомъ то лицо, къ коему отослано было дѣло. Такими дѣйствіями слѣдователь не совершитъ ничего новаго, а только приведетъ въ исполненіе свое собственное постановленіе, сохранившее силу, а на это конечно онъ имѣетъ полное право.

Самая процедура отдачи на поруки или принятія залога состоитъ въ одной стороны въ составленіи особаго о томъ постановленія, съ принятіемъ залога, если послѣдній представляется, а съ другой—въ освобожденіи обвиняемаго отъ личнаго задержанія, если оно уже было принято по 428 ст.; но, во всякомъ случаѣ обвиняемый, на основаніи 429 ст., долженъ быть обязанъ особою подпискою въ соблюденіи 415 ст. Устава, то есть въ неотлучкѣ безъ разрѣшенія слѣдователя изъ того участка, гдѣ производится слѣдствіе. О принятіи залога или поручительства должно быть составлено 2-е постановленіе, особое отъ того 1-го, въ которомъ судебный слѣдователь только излагаетъ основанія, послужившія къ назначенію по данному дѣлу залога или поручительства въ опредѣленномъ размѣрѣ, какъ мѣры обезпеченія противъ обвиняемаго. По составленіи этого перваго постановленія, поручительство и залогъ еще не существуютъ въ дѣйствительности, а только вызываются, требуются; но затѣмъ, когда уже является поручитель или представляется залогъ, тогда составляется особое постановленіе, которымъ и устанавливается самый фактъ принятія и существованія залога или поручительства, основаніемъ возникновенія которыхъ и служитъ во всякомъ случаѣ 1-е постановленіе.

Такимъ образомъ 1-е постановленіе есть только требуемое 472

ст. письменное объяснение послѣдующихъ дѣйствій слѣдователя, а 2-е есть письменный актъ о производствѣ этихъ самыхъ слѣдственныхъ дѣйствій. Если же часто въ дѣйствительности оба постановленія смѣшиваются и соединяются въ одно, то причина этому заключается именно въ неправильномъ названіи, которое дано акту о принятіи за обвиняемаго поручительства или залога: такой актъ, на основаніи вышеизложеннаго и по точному смыслу 467 ст. Устава, долженъ бы носить названіе протокола, а не постановленія. Этотъ протоколъ, называемый въ Уставѣ постановленіемъ, подписывается слѣдователемъ и выдается послѣднимъ въ копіи за установленную плату, если только залогодателемъ не является самъ обвиняемый, и тогда копія выдается бесплатно (472, 475 ст.). Если за обвиняемаго является нѣсколько залогодателей или поручителей, вмѣстѣ принимающихъ на себя денежную отвѣтственность, то актъ принятія залога или отдачи на поруки подписывается каждымъ изъ нихъ особо. Законъ не установилъ формы, по которой должны составляться эти акты; г. Кистяковскій совѣтуетъ имѣть при этомъ въ виду форму старой поручной записи, носившей чисто гражданскій характеръ. Во всякомъ случаѣ, во избѣжаніе споровъ и жалобъ, такой актъ долженъ заключать въ себѣ точное изложеніе отвѣтственности поручителя или залогодателя въ случаѣ побѣга обвиняемаго или уклоненія его отъ слѣдствія и суда.

Постановленіе объ избраніи, какъ мѣры обезпеченія, залога или поручительства можетъ подлежать обжалованію или протесту: 1) со стороны обвиняемаго 2) со стороны прокурора и 3) со стороны гражданскаго истца.

Обвиняемому предоставлено, разумѣется, самое широкое право жалобы. Онъ можетъ приносить ее какъ на принятіе той или другой мѣры обезпеченія, когда, по его мнѣнію, должно или можно было бы принять менѣе строгую мѣру, такъ и на размѣръ суммы залога или поручительства. Это право прямо вытекаетъ изъ 491 ст. уст., по которой «участвующія въ дѣлѣ лица могутъ приносить жалобы на всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее ихъ права». Но, въ силу этой же самой статьи устава, гражданскій истецъ только въ одномъ случаѣ имѣетъ право жалобы: это именно при нарушеніи 425 ст. уст., когда слѣдователемъ назначена сумма поручительства или залога менѣе количества вознагражденія, отыскиваемаго потерпѣвшимъ отъ преступленія. Ко-

нечно, такая жалоба не может быть приносима, если гражданскій искъ уже обезпеченъ арестомъ или запрещеніемъ, наложеннымъ на имѣніе обвиняемаго. Въ этомъ случаѣ Уставъ гораздо рациональнѣе французскаго закона 14 іюня 1865 года, по которому просьба обвиняемаго о предоставленіи ему свободы предъявляется гражданскому истцу, имѣющему право сдѣлать свои замѣчанія на эту просьбу въ теченіи 24 часовъ (118 ст.). Уголовная отвѣтственность обвиняемаго входитъ въ кругъ интересовъ обвинительной власти, а не гражданского истца, а потому нѣтъ основанія предоставлять послѣднему права, ему не принадлежація. Словесная или письменная жалоба обвиняемаго или гражданского истца должна быть подана слѣдователю, который, неостанавливаясь въ своихъ дѣйствіяхъ, представляетъ ее со своимъ объясненіемъ въ окружный судъ въ теченіи 3-хъ дней; если же обвиняемый лишень уже свободы по 428 ст. уст., то жалоба должна быть отправлена въ теченіи сутокъ, причемъ обвиняемому должны быть предоставлены всѣ необходимыя къ жалобѣ способы (493, 495—500 ст. уст.). Не касаясь болѣе этаго предмета, какъ выходящаго изъ предѣловъ нашей статьи, замѣтимъ, что указанные сроки отсылки жалобы въ судъ примѣнимы только тамъ, гдѣ слѣдователь и судъ находятся въ одномъ городѣ; въ противномъ случаѣ жалоба отсылается по принадлежности съ 1-ю почтою; но нельзя отказать и въ отсылкѣ съ нарочнымъ, если подающимъ жалобу будутъ представлены необходимыя къ тому средства.

285 ст. Устава предоставляетъ прокурорской власти право требовать отъ слѣдователя личнаго задержанія обвиняемаго, противъ коего принята болѣе снисходительная мѣра обезпеченія, въ томъ числѣ залогъ или поручительство. Но, если по мнѣнію слѣдователя обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, подвергающемъ лишенію всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, то слѣдователь вступаетъ съ прокуроромъ въ пререканіе, которое и представляетъ на разрѣшеніе суда. Изъ этого правила только одно исключеніе—по государственнымъ преступленіямъ: требованіе прокурора о взятіи подъ стражу обвиняемаго безусловно обязательно для судебнаго слѣдователя, производящаго слѣдствіе до прибытія члена судебной палаты (1040 ст.); послѣдній, дѣйствуя по общимъ правиламъ устава (1042 ст.), можетъ конечно примѣнить, если признаетъ нужнымъ, и 285 ст. Уст. Такимъ образомъ судебный слѣдователь во первыхъ можетъ

безусловно отказать прокурору во взятіи подъ стражу такого обвиняемаго, оставленнаго на свободѣ подъ поручительствомъ или залогомъ, который подозрѣвается въ преступленіи, неподвергающемся лишенію всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (по смыслу 1-й половины 285 ст. прокуроръ можетъ потребовать заарестованія всякаго обвиняемаго, даже и такого, которому не грозитъ лишеніе всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ); во вторыхъ, если требованіе прокурора предъявлено противъ обвиняемаго въ болѣе важныхъ преступленіяхъ, то слѣдователь можетъ вступить въ пререканіе, и неисполнять этого требованія до разрѣшенія пререканія судомъ. При буквальномъ пониманіи 285 ст. выйдетъ, что подобное пререканіе возможно только въ томъ случаѣ, если обвиняемый ненавлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія, и что иначе, при существованіи сильныхъ уликъ, требованіе прокурора объ арестованіи обвиняемаго, коему грозитъ лишеніе всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ, безусловно обязательно для слѣдователя, хотя бы и небыло нисколько основанія и вѣроятія предполагать уклоненія или побѣга обвиняемаго. Но такое толкованіе едва ли согласно съ общимъ духомъ устава, прямо выраженнымъ въ 421 ст.; по смыслу этой статьи на опредѣленіе мѣры обезпеченія должны вліять не только строгость наказанія и сила уликъ, но и большая или меньшая вѣроятность уклоненія обвиняемаго отъ слѣдствія и суда, что прямо вытекаетъ изъ требованія закона о соразмѣрности мѣры обезпеченія съ состояніемъ здоровья, поломъ, возрастомъ обвиняемаго и положеніемъ его въ обществѣ. Если прокуроръ предъявляетъ одностороннее требованіе объ арестѣ, вопреки смыслу послѣдней статьи, то, по нашему мнѣнію, слѣдователь не только можетъ, но и обязанъ возбудить пререканіе. Но, при такихъ же точно условіяхъ, безусловно обязательно и для слѣдователя требованіе прокурора объ освобожденіи обвиняемаго отъ стражи, такъ, что когда обвиняемый задержанъ, по 428 ст., только по непредставленію залога или поручительства, то и тогда прокуроръ можетъ потребовать освобожденія обвиняемаго; но такъ какъ въ этомъ случаѣ арестъ, вытекающій изъ непредставленія поручительства или залога, прямо основанъ на принятіи въ данномъ дѣлѣ одной изъ этихъ двухъ мѣръ обезпеченія, то естественно, что при существованіи по 283 ст. Уст. безусловной для слѣдователя обязанности подчиниться требованію прокурора объ освобожденіи обвиняемаго отъ стражи, ему, дабы прекратить дѣй-

ствіе 428 ст., неостается ничего иного, какъ понизить самую мѣру обезпеченія, то есть перейти отъ залога къ поручительству или отъ послѣдняго къ полицейскому надзору, или наконецъ уменьшить настолько сумму залога или поручительства, чтобы обвиняемый не затруднялся въ представленіи ихъ, если только этому пониженію не препятствуютъ правила 425 ст. При иномъ толкованіи, слѣдователь всегда могъ бы обойти обязательное для него въ исполненіи требованіе прокурора объ освобожденіи обвиняемого— стоило бы только назначать несоразмѣрно высокія суммы залога и поручительства; тогда эти двѣ мѣры могли бы служить только прикрытіемъ личнаго задержанія, примѣняемого какъ будто бы только по 428 ст., т. е. единственно за непредставленіемъ залога или просто порукъ.

Поручительство простое и съ залогомъ, естественно, оканчиваются съ произнесеніемъ обвинительнаго или оправдательнаго судебного приговора. Цѣль принятія этихъ мѣръ—предупрежденіе побѣга или уклоненія обвиняемаго отъ слѣдствія и суда. Какъ скоро судъ произошелъ, какъ скоро произнесенъ тотъ или другой приговоръ,—цѣль достигнута, и существованіе мѣръ, принятыхъ для достиженія этой цѣли, само собою прекращается. Исполнивъ все свое назначеніе, эти мѣры послѣ приговора теряютъ смыслъ и значеніе. А потому, каковъ бы нибылъ приговоръ—оправдывающій или обвиняющій, лишь только онъ произнесенъ, поручитель перестаетъ быть поручителемъ: съ него снимается всякая отвѣтственность за все дальнѣйшее поведеніе подсудимаго. Въ такомъ же точно положеніи, при какомъ бы то нибыло приговорѣ, стоитъ и залогодатель: ему всякомъ случаѣ долженъ быть возвращенъ его залогъ, его собственность, на которую неможетъ упасть ни вознагражденіе, присуждаемое гражданскому истцу, ни взысканіе штрафовъ и судебныхъ издержекъ, потому что все это должно лечь на виновнаго, а не на постороннее лицо, ручавшееся только за неуклоненіе и явку подсудимаго. Если бы на залогъ, представленный поручителемъ, могло упасть взысканіе гражданскаго иска или штрафовъ и судебныхъ издержекъ въ случаѣ обвинительнаго приговора, то такое обстоятельство шло бы совершенно въ разрѣзъ съ сущностью этой мѣры обезпеченія и было бы прямымъ нарушеніемъ кореннаго уголовнаго правила, что всякій несетъ отвѣтственность только за самаго себя; исключенія изъ этаго общаго правила всегда точно указываются, и въ числѣ такихъ исключеній мы нигдѣ не находимъ отвѣтственности поручителя въ гражданскомъ искѣ, штрафахъ и су-

дебныхъ издержкахъ, присужденныхъ съ виновнаго (15 ст. уст.). Иное дѣло, если залогъ представленъ самимъ обвиняемымъ, который затѣмъ признанъ по суду виновнымъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ моментъ произнесенія обвинительнаго приговора, залогъ, теряя свой прежній характеръ, является просто цѣнностью, принадлежащею виновному; а потому естественно, что судъ, въ рукахъ коего эта цѣнность находится, обращаетъ на нее взысканія, вытекающія изъ обвинительнаго приговора, какъ то: судебныя издержки, штрафы и вознагражденіе гражданскому истцу. 875 и 911 ст. указываютъ на совершенно согласный съ вышеизложеннымъ взглядъ Устава на время прекращенія поручительства и залога, принятыхъ во время предварительнаго слѣдствія. На основаніи этихъ статей обвиненный, подавшій отзывъ на неокончательный или кассационную жалобу на окончательный приговоръ, присуждающій его къ содержанію подъ стражею, можетъ остаться на свободѣ только по представленіи суду поручительства или залога, по правиламъ, установленнымъ въ предварительномъ слѣдствіи. Изъ этого вытекаетъ, что во 1-хъ поручительство и залогъ, принятые во время предварительнаго слѣдствія, теряютъ свою силу съ произнесеніемъ обвинительнаго приговора; и что во 2-хъ для того, чтобы остаться на свободѣ до разрѣшенія отзыва или кассационной жалобы, виновному необходимо представить новое поручительство или новаго залогодателя (или старыхъ, если только они изъявятъ на это согласіе). Другой случай прекращенія поручительства простаго и съ залогомъ возникаетъ съ прекращеніемъ уголовного преслѣдованія противъ обвиняемаго еще до суда, за недостаткомъ уликъ или по другимъ поводамъ. Въ моментъ прекращенія преслѣдованія обвиняемый перестаетъ быть таковымъ, почему также перестаетъ существовать и необходимость явки къ слѣдствію и суду лица, прежде бывшаго обвиняемымъ; такимъ образомъ теряютъ разумное основаніе и тѣ мѣры, которыя были приняты къ обезпеченію этой явки, къ неуклоненію отъ слѣдствія и суда такого лица, которое оказалось неосновательно привлеченнымъ къ дѣлу. Но могутъ быть и другіе, нерѣдкіе случаи прекращенія залога и поручительства. Самый обыкновенный изъ нихъ тотъ, когда судебный слѣдователь признаетъ необходимымъ измѣнить мѣру обезпеченія. Послѣ принятія поручительства или залога, при дальнѣйшемъ развитіи предварительнаго слѣдствія, или можетъ измѣниться сила уликъ—могутъ прибавиться новыя дока-

зательства виновности или невиновности, или может измениться взгляд на характер и вид преступления. Во всех этих случаях судебный следователь имеет полное право не стесняться своими прежними распоряжениями и делать новые: он может понизить меру обеспечения, освободить залогов и принять вместо него одно поручительство, или перейти от послѣдняго къ болѣе слабой мерѣ; но точно также он может, на тѣх же основаніях, и усилить принятую прежде меру — от поручительства перейти къ залогов или признать необходимымъ предварительное лишеніе свободы. На усиленіе меры обеспечения особенно часто имѣетъ вліяніе увеличившаяся вѣроятность уклоненія или побѣга со стороны обвиняемаго.

Самъ поручитель имѣетъ полное право отказаться отъ своего поручительства во все время до произнесенія приговора, послѣ котораго онъ и безъ того освобождается отъ поручительства. Немедленно послѣ такого отказа отъ поручительства, судебный следователь долженъ потребовать отъ обвиняемаго представленія новаго поручительства или залогов, а до представленія ихъ подвергнуть обвиняемаго личному задержанію. Но подъ такимъ отказомъ отъ поручительства за обвиняемаго, иногда скрывается желаніе избѣгнуть ответственности, которая уже возникла для поручителя, напримѣръ, когда послѣднему ранѣе следователя сдѣлался извѣстнымъ побѣгъ обвиняемаго, по причинѣ котораго и происходитъ вынужденный отказъ. Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ необходимо признать, что если лицо, отказавшееся отъ поручительства, не представитъ въ тоже время къ следователю и самаго обвиняемаго, то отказъ можетъ считаться дѣйствительнымъ только тогда, когда немедленное распоряженіе о личномъ задержаніи обвиняемаго, до представленія новаго поручительства или залогов, заста- вляетъ обвиняемаго на мѣстѣ жительства; однимъ словомъ, поручительство прекращается въ моментъ приведенія въ дѣйствіе 428 ст. Уголовнаго Уголовнаго Уголовнаго кодекса, причемъ конечно на ответственности следователя лежитъ немедленное исполненіе требованія этой статьи послѣ заявленія объ отказѣ. Существуетъ мнѣніе, что получивъ отъ поручителя заявленіе объ отказѣ отъ поручительства за подсудимаго, судебный следователь можетъ назначить обвиняемому срокъ для представленія новаго поручителя или залогов, постановляя при этомъ, что, до истеченія назначаемаго срока, должно сохранять силу прежнее поручительство. Но говорятъ, что отказъ отъ поручительства долженъ быть представленъ

заблаговременно, и что от неожиданнаго отказа не должна напрасно страдать личность обвиняемаго. Но необходимость такого отказа часто только внезапно и возникает: поручитель может внезапно узнать о приготовлениях обвиняемаго къ уклоненію или побѣгу; ему внезапно могут потребоваться для иныхъ личныхъ въѣздовъ или представленныхъ въ залогъ цѣнностей. Несомнѣнно, что если будетъ обжаловано такое распоряженіе объ обязательномъ продолженіи поручительства, то оно будетъ признано неправильнымъ и неимѣющимъ силы, такъ какъ невозможно противъ воли и отказавшагося поручителя навязывать ему продолженіе ручательства, составляющаго актъ свободной воли; побѣгъ и уклоненіе обвиняемаго отъ слѣдствія и суда въ продолженіи такого срока должны лежать на отвѣтственности одного судебного слѣдователя. Наконецъ, хотя и рѣдко, но можетъ возникнуть и такой случай, что самъ обвиняемый, представившій залогъ попроситъ возвратить его, избирая для себя такимъ образомъ личное задержаніе; это можетъ произойти, когда гражданскія дѣла обвиняемаго ставятъ его въ необходимость воспользоваться представленнымъ залогомъ, пустить его въ оборотъ. Судебному слѣдователю остается только исполнить желаніе обвиняемаго; но когда въ тоже время гражданскій истецъ проситъ обезпечить именно этимъ залогомъ свой, еще ничѣмъ не обезпеченный, искъ, тогда конечно залогъ по необходимости остается въ рукахъ слѣдователя и не теряетъ своего прежняго значенія.

IV.

Только одна статья устава уголовного судопроизводства говоритъ о конфискаціи суммы поручительства или залога, а именно ст. 427-я въ случаѣ побѣга обвиняемаго, или уклоненія его отъ слѣдствія и суда, взысканная съ поручителя или представленныхъ въ залогъ сумма, за отчисленіемъ изъ нея того количества денегъ, которое можетъ быть присуждено въ вознагражденіе потерпѣвшему отъ преступленія, обращается въ капиталъ на устройство мѣста заключенія. И такъ отвѣтственность за обвиняемаго возникаетъ: 1) въ случаѣ побѣга обвиняемаго и 2) въ случаѣ уклоненія его отъ слѣдствія и суда. По нашему мнѣнію подъ побѣгомъ слѣдуетъ понимать такое скрытіе обвиняемаго изъ постояннаго или назначеннаго ему мѣста жительства, которое было направлено къ уклоненію отъ слѣдствія и суда. Такимъ образомъ вопросъ сводится

къ разъясненію, что такое уклоненіе обвиняемаго, и въ чемъ именно оно высказывается? Всякая неявка обвиняемаго по вызову къ слѣдствію или суду, безъ представленія законныхъ причинъ неисполненія призыва, должна быть считаема уклоненіемъ отъ слѣдствія и суда (что обвиняемый безъ всякаго риска для себя и для своего поручителя можетъ воспользоваться существующей законной причиной неявки, — это вытекаетъ изъ 388 и 592 ст.). Очень часто на практикѣ, въ случаѣ неявки обвиняемаго по вызову, поручители заявляютъ претензію, почему и они не были увѣдомлены о вызовѣ; они говорятъ, что за неполученіемъ такого увѣдомленія не могли принять съ своей стороны мѣръ къ доставленію обвиняемаго въ назначенное мѣсто и время. Новоподобнаго рода требованіе должно признать неосновательнымъ — оно не вытекаетъ изъ сущности поручительства; проведенное въ практику, оно слѣдало бы изъ новѣйшаго поручительства что то въ родѣ старинной отдачи за пристава. Судебная власть, производящая слѣдствіе и судъ надъ обвиняемымъ, только съ нимъ однимъ имѣетъ дѣло; она не считаешь нужнымъ посылать повѣстку о явкѣ подсудимаго и къ его поручителю уже потому, что отъ послѣдняго никогда не требовалось обязательства доставленія обвиняемаго, въ случаѣ вызова его; поручитель даетъ свое ручательство, свое слово только въ томъ, что подсудимый вѣрно исполнить обѣщаніе явиться въ срокъ по вызовамъ; но никогда поручитель не можетъ принимать на себя роли представлять или приводить обвиняемаго. Но обстоятельства нѣсколько измѣняются, когда неявка уже совершилась. Въ этомъ случаѣ очень практично и полезно назначать поручителю небольшой, сообразный съ обстоятельствами, срокъ для представленія неявившагося обвиняемаго: побуждаемый личными материальными интересами, поручитель соединитъ свои усилія съ усиліями властей для розысканія и доставленія обвиняемаго; усилій розысковъ будетъ при этомъ несравненно вѣроятнѣе, нежели при отдѣльныхъ дѣйствіяхъ полиціи; и если поручитель въ назначенный срокъ представитъ обвиняемаго, то нѣтъ никакихъ основаній приступать къ взысканію суммы залога или поручительства. Но если и за тѣмъ, по истеченіи назначеннаго срока, обвиняемый не будетъ доставленъ — тогда уже непременно должна послѣдовать конфискація условленной суммы. Въ отношеніи къ обвиняемому неявка его влечетъ за собою: во первыхъ, приводъ къ слѣдствію и суду и во вторыхъ, личное задержаніе до окончанія дѣла, какъ

необходимое послѣдствіе невыполненія единственнаго условія, подъ которымъ обвиняемому была предоставлена свобода.

Обращаясь къ разсмотрѣнію времени, способовъ и порядка взысканія условленной суммы поручительства или залога, мы прежде всего видимъ, что по точному смыслу 427 ст. уст., такое взысканіе возможно и во время предварительнаго слѣдствія, если только будетъ къ тому надлежащее основаніе и поводъ; въ статьѣ этой говорится, что изъ взысканной суммы отчисляется то количество денегъ, которое можетъ быть присуждено въ вознагражденіе потерпѣвшему отъ преступленія; выраженіе «можетъ быть» ясно указываетъ, что взысканіе не запрещается производить и до суда, ибо въ большинствѣ случаевъ гражданскій искъ рѣшается одновременно съ уголовнымъ процессомъ. Но затѣмъ въ указанной статьѣ вовсе не разъяснено, кто именно присуждаетъ взысканіе суммы поручительства или залога, въ случаѣ уклоненія обвиняемаго во время предварительнаго слѣдствія, а также не разъяснено, кто производитъ самое взысканіе. При разрѣшеніи этихъ вопросовъ остается руководствоваться слѣдующими соображеніями: если бы уставъ, допуская взысканіе суммы поручительства или залога еще во время предварительнаго слѣдствія, предоставлялъ какъ инициативу присужденія, такъ и самое присужденіе взысканія не судебному слѣдователю, а иному органу судебной власти, то конечно не только упомянулъ бы объ этомъ, но и установилъ бы порядокъ взысканія. Если отвергнуть право судебного слѣдователя присуждать эти взысканія, то образуется широкое поле для различныхъ предположеній о томъ, какая власть, когда и по какому поводу присуждаетъ взысканія. Но въ Уставѣ нѣтъ ничего подобнаго. Такимъ образомъ, единственный исходъ заключается въ признаніи, что присужденіе взысканія суммы поручительства и залога производится самимъ судебнымъ слѣдователемъ, и что судебный слѣдователь можетъ самъ, своею властью, возбудить вопросъ о присужденіи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый, отданный на поруки или подъ обезпеченіе залога, неявится по вызову, не имѣя на то законной причины. Это конечно не устраняетъ права гражданскаго истца просить, при неявкѣ обвиняемаго, обезпечить вознагражденіе за убытки отъ преступленія конфискаціей суммы поручительства или залога, по 427 ст.; это разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса не устраняетъ и права прокурорской власти требовать такой конфискаціи, если не прямо, то

покрайней мѣрѣ коевенно, посредствомъ основаннаго на 281 и 283 ст. Устава предложенія о принятіи болѣе строгой мѣры обезпеченія противъ неявившагося подсудимаго, такъ какъ съ обсужденіемъ такого требованія неразрывно связано и обсужденіе вопроса, было ли со стороны обвиняемаго уклоненіе отъ слѣдствія, и можетъ ли такимъ образомъ имѣть мѣсто взысканіе суммы поручительства или залога. Впрочемъ разрѣшеніе послѣдняго вопроса находится совершенно во власти судебного слѣдователя; для него не можетъ быть обязательнымъ мнѣніе по этому предмету обвинительной власти, потому что здѣсь судебный слѣдователь вступаетъ въ свои права судьи и произноситъ судейское рѣшеніе, подобно тому, какъ при наложеніи штрафовъ на неявившихся къ слѣдствію понятыхъ, экспертовъ, свидѣтелей и проч.

Есть мнѣніе, что судебному слѣдователю нельзя предоставить рѣшеніе вопроса о конфискаціи суммы поручительства и залога— что рѣшеніе это должно быть предоставлено суду, что въ противномъ случаѣ слѣдователь будетъ судьей въ собственномъ дѣлѣ, ибо, опредѣляя конфискацію, онъ этимъ самымъ признаетъ съ одной стороны, что неявка подсудимаго произошла по винѣ послѣдняго, и съ другой, что при вызовѣ подсудимаго имъ, слѣдователемъ, не было сдѣлано никакихъ упущеній, никакихъ нарушеній, которыя могла имѣть вліяніе на неявку обвиняемаго (*Sohntag, Die Entlassung gegen Caution*, въ Журналѣ Министерства Юстиціи за 1865 годъ № 9). Возраженія эти не имѣютъ достаточнаго основанія прежде всего потому, что нельзя признать судьей въ собственномъ дѣлѣ такое лицо, которое не имѣетъ въ дѣлѣ никакихъ личныхъ интересовъ; затѣмъ на практикѣ эти возраженія значительно ослабляются тѣмъ, что поручителю предоставлено широкое право обжалованія каждаго рѣшенія слѣдователя о конфискаціи условленной суммы; для такихъ жалобъ, подаваемыхъ по общему порядку— чрезъ слѣдователя въ окружный судъ, неустановлено въ 492 ст. Устава даже опредѣленнаго срока; единственныя по этому поводу указанія сдѣланы въ 494 ст., на основаніи которой жаловаться можно и до поступленія дѣла въ судъ, изъ чего должно заключить, что не возбраняется подавать жалобы и послѣ такого поступленія, до самаго рѣшенія дѣла. Впрочемъ на основаніи 500 ст. подача жалобы не останавливаетъ того производства, на которое она подана. Такимъ образомъ здѣсь установлены 2 инстанціи: су-

судебный следователь, которому поручитель может представить свои объяснения, и окружный судъ. При такой предусмотрительности закона теряет силу опасеніе односторонняго, пристрастнаго рѣшенія со стороны слѣдователя. Кромѣ того крайне непрактично раздѣлять между двумя отдѣльными органами судебной власти рѣшеніе двухъ такихъ вопросовъ, которые тѣсно связаны между собою и вытекаютъ изъ одного и того же основанія — неявки обвиняемаго, а именно во-1-ыхъ—вопроса о конфискаціи суммы залога и поручительства, вслѣдствіе неявки обвиняемаго, и во-2-ыхъ—о лишеніи свободы неявившагося обвиняемаго. Раздѣленіе рѣшеній по этимъ предметамъ между двумя органами судебной власти повело бы къ разнорѣчивымъ рѣшеніямъ по одному и тому же предмету, къ столкновеніямъ между судомъ и судебнымъ слѣдователемъ и къ безпрерывнымъ жалобамъ. Если принять мнѣніе о томъ, что нельзя предоставить судебному слѣдователю разрѣшеніе вопроса о конфискаціи, такъ какъ онъ былъ бы судьей въ собственномъ дѣлѣ, то на томъ же точно основаніи нельзя предоставить ему права подвергать приводу и личному задержанію неявившагося обвиняемаго, передавъ это право суду; послѣднее повело бы къ такой медленности, которая оказала бы самое пагубное вліяніе на успѣхъ дѣла, а именно результатомъ могло бы быть скрытіе обвиняемаго. Наконецъ, если держаться опровергаемаго нами мнѣнія, то, ради послѣдовательности, было бы необходимо передавать изъ нисшаго въ другой высшій судъ рѣшеніе вопроса о конфискаціи суммы поручительства или залога въ томъ случаѣ, если неявка подсудимаго произошла послѣ окончанія предварительнаго слѣдствія, при вызовѣ къ суду; между тѣмъ несомнѣнно, что по Уставу рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ тому суду, который рѣшаетъ дѣло, а въ составѣ этого суда можетъ находиться и предсѣдатель, дѣлающій распоряженіе о вызовѣ подсудимаго въ судъ.

Опредѣляя конфискацію залога или взыскаііе суммы поручительства въ особомъ постановленіи, на основаніи 472 ст. Уст., судебный слѣдователь необязанъ предъ этимъ рѣшеніемъ вызывать поручителя для какихъ либо объясненій по поводу неисполненнаго ручательства; неисполненіе въ этомъ случаѣ такъ ясно, что не требуетъ никакого производства и никакихъ разъясненій; слѣдователю остается только приложить законъ, то есть признать залогъ конфискованнымъ и, буде онъ находился у слѣдователя, то

отослать его въ судъ, для поступленія по 427 ст. Уст. Уг. Суд.; если залогъ еще прежде былъ отосланъ на храненіе, то необходимо увѣдомить объ этомъ судъ, для надлежащаго распоряженія, и о всемъ этомъ дать знать залогодателю. Если же рѣшено взыскаіііе суммы поручительства, то исполненіе этого рѣшенія передается полиціи, для поступленія по общимъ правиламъ о гражданскихъ взыскаіііяхъ, о чемъ увѣдомляется и судъ, для надлежащаго распоряженія со взысканной суммой. Въ № 125 судебного вѣстника за 1868 годъ мы уже имѣли случай указать, что судебному слѣдователю некому, кромѣ полиціи, поручать взысканіе налагаемыхъ имъ денежныхъ штрафовъ; подобныя порученія, при отсутствіи указанія закона объ исполненіи ихъ судебными приставами, подлежатъ исполненію со стороны полиціи на основаніи 249 и 483 ст. Уст. Когда было нѣсколько поручителей за обвиняемаго, то вся условленная и затѣмъ присужденная ко взысканію сумма взыскивается со всѣхъ поручителей поровну, если только не было между ними предварительнаго соглашенія, въ какой части всей условленной суммы принимаетъ на себя отвѣтственность каждый изъ нихъ; когда того рода условіе было записано въ поручительный актъ (постановленіе), то взысканіе производится съ каждаго изъ поручителей въ соразмѣрной части; но во всякомъ случаѣ, если одинъ изъ поручителей окажется вполнѣ или частью несостоятельнымъ, то недостающая часть должна быть взыскана съ прочихъ поручителей.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по слѣдующему вопросу: можетъ ли быть возвращена по принадлежности взысканная сумма залога или поручительства въ томъ случаѣ, если уклонившійся отъ слѣдствія или суда обвиняемый по суду оправданъ? По французскому кодексу сумма обезпеченія раздѣляется на двѣ части: изъ нихъ одна обращается въ пользу казны, когда обвиняемый будетъ признанъ неявившимся безъ законной, уважительной причины; эта часть можетъ быть возвращена по приговору суда, въ случаѣ освобожденія отъ преслѣдованія или оправданія обвиняемаго; вторая часть при подобномъ оборотѣ дѣла всегда возвращается, а въ случаѣ обвинительнаго приговора—идетъ на покрытіе судебныхъ издержекъ и штрафовъ, остатокъ же возвращается (122 и 123 ст. закона 14 іюля 1865 года). У насъ не существуетъ подобнаго раздѣленія, но изъ взысканной суммы прежде всего исключается та часть, которая можетъ быть присуждена въ

гражданское вознаграждение потерпевшему от преступления. Но если уголовное преследование прекращено или подсудимый оправданъ по суду, то изложенный вычетъ nebude имѣть мѣста, такъ какъ о вознагражденіи за вредъ и убытки долженъ быть вначаль въ этомъ случаѣ совершенно самостоятельный гражданскій искъ. При такихъ обстоятельствахъ вся взысканная сумма повидимому подлежитъ обращенію въ капиталъ на устройство мѣстъ заключенія. Но хотя въ нашемъ уставѣ и нѣтъ упоминанія о возможности возврата взысканной суммы залога или поручительства въ случаѣ прекращенія преслѣдованія или оправданія обвиняемаго, однако полагаемъ, что судъ неимѣлъ бы основанія къ отказу бывшимъ поручителямъ въ просьбѣ по этому предмету; удовлетвореніе такой просьбы должно основываться на томъ, что къ суду былъ привлеченъ невинный, относительно котораго всѣ принятыя мѣры обезпеченія не только не могли имѣть значенія, но и съ самаго начала неимѣли надлежащаго основанія, такъ какъ мѣры эти въ концѣ концовъ должны вести къ предупрежденію скрятія виновнаго отъ наказанія, установленнаго закономъ за его преступленіе; но какъ скоро привлеченный къ дѣлу освобожденъ, то и принятыя противъ него мѣры обезпеченія оказываются неосновательными, а потому и всѣ послѣдствія этихъ мѣръ должны быть уничтожены и, если можно такъ выразиться, кассированы—стало быть и взысканная сумма залога или поручительства должна быть возвращена.

К. Кессель

1869 года 20 июля

Ходяч.

СПбГУ

00003227

ЮФ СПбГУ

✓